

НЕЗРИМЫЕ ПОЕДИНКИ

Рассказы
о воронежских
чекистах

ТОВАРИЩИ!
Будьте начеку!
Стойте
на страже
республики
днем и ночью...

Ч. Гзеришвили

НЕЗРИМЫЕ ПОЕДИНКИ

Рассказы
о воронежских
чекистах

ВОРОНЕЖ
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Под общей редакцией
генерал-майора **А. И. Борисенко**

С о с т а в и т е л и:
А. К. Никифоров, О. И. Данилов,
Л. М. Тарасов

Литературная обработка
В. М. Барабашова

Книга «Незримые поединки» является продолжением сборника «Воронежские чекисты рассказывают...», вышедшего в Центрально-Черноземном книжном издательстве несколько лет назад. Она содержит новые очерки и статьи о борьбе воронежских чекистов с контрреволюцией в первые годы Советской власти, их деятельности в период Великой Отечественной войны.

В книге также помещены современные материалы о борьбе с подрывной деятельностью иностранных разведок и зарубежных центров идеологической диверсии.

В ней рассказывается о беззаветной преданности бойцов невидимого фронта делу партии и народа, их мужестве и героизме.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

А. И. Борисенко

генерал-майор,
начальник Управления КГБ СССР
по Воронежской области

БДИТЕЛЬНОСТЬ- НАШЕ ОРУЖИЕ

Предлагаемая читателям книга «Незримые поединки» выходит в свет в канун особенно дорогого для всех нас знаменательного исторического юбилея — 40-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Это придает особый смысл публикуемым материалам, которые от начала до конца пронизаны глубоким патриотизмом и горячей любовью воронежцев к своему родному краю и всей нашей необъятной социалистической Отчизне и еще раз воочию раскрывают жизненную силу органической преемственности славных традиций и действий чекистов первых лет революции и последующих этапов развития Советского государства, включая и наши дни.

Переживаемый период обязывает нас вновь осмыслить пройденный путь, сконцентрировать свои усилия на самом главном, самом существенном в жизни и деятельности органов государственной безопасности в современной сложной международной обстановке, сверить свой шаг с широкой поступью партии и народа.

Созданные по инициативе В. И. Ленина, органы ВЧК — КГБ на протяжении всех лет развития Советского государства надежно защищали завоевания Великого Октября, успешно справлялись со стоящими перед ними задачами. Залогом этого успеха в борьбе с внутренней контрреволюцией, разведками империалистических государств и подрывными идеологическими центрами было повседневное руководство чекистскими ор-

ганами со стороны Коммунистической партии и широкая поддержка трудового народа.

«Ленинский принцип партийного руководства был, есть и всегда будет непреложным законом их деятельности»¹, — сказал на встрече с избирателями в феврале 1985 года член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР В. М. Чебриков. Из этого принципа неуклонно вытекает другой — связь с массами, опора на трудящихся, в чем В. И. Ленин видел силу органов ВЧК.

В своем выступлении на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года он говорил, что заговоры против молодой Советской Республики раскрываются не случайно. «Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натываются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»².

Этот партийный принцип работы чекистских органов, разработанный В. И. Лениным, последовательно проводится в жизнь всеми поколениями советских чекистов. Благодаря активной помощи со стороны трудящихся воронежские чекисты успешно пресекали террор бело-гвардейских банд и контрреволюционных кулацко-эсеровских выступлений в первые годы Советской власти и в годы гражданской войны. Они вели беспощадную борьбу с враждебными элементами и агентурой противника в период индустриализации и коллективизации страны.

Сегодня, в преддверии 40-летия Великой Победы, особо хочется подчеркнуть тот весомый вклад, который внесли чекисты в дело разгрома немецко-фашистских войск под Воронежем. Полки войск НКВД вместе с другими частями первыми приняли бой за Воронеж, отчаянно дрались за каждую улицу и квартал, проявили беспримерное мужество и героизм. Они действовали в составе созданных в области партизанских отрядов и разведывательных групп, выполняли специальные задания за фронтовой полосой. Чекистами были обезврежены сотни агентов, карателей и пособников врага.

¹ Правда, 1985, 7 февр.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 418.

Многие из них до сих пор в строю: одни продолжают трудиться в народном хозяйстве, другие в составе совета ветеранов Управления ведут активную воспитательную, военно-патриотическую работу на предприятиях, в вузах, профессионально-технических училищах, школах. Более пятисот наших чекистов-фронтовиков к 40-летию Победы награждены орденами Отечественной войны I и II степени.

О подвигах чекистов в годы войны пишется в очерках А. Гринько, Л. Тарасова, М. Гончарова и других. Этому посвящен и рассказ Героя Советского Союза летчика-космонавта К. Феоктистова и писателя И. Бубнова.

Защищая Советскую власть, свободу и независимость Родины, героически погибли многие воронежские чекисты.

В память об их подвиге в здании Управления КГБ открыта мемориальная доска. Высокая честь открыть ее была предоставлена соратнице легендарного разведчика Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова — Довгер-Рыбак Валентине Константиновне. Навсегда останутся в благодарной памяти воронежцев имена первых председателей Воронежской губчека Н. П. Павлуновского, Н. Е. Алексеевского, сотрудников Б. П. Бахарева, Л. М. Розена, Г. П. Баранова, Н. А. Михайлова, В. Н. Притулина, И. Д. Пыльнева, С. Б. Мухеника, Н. С. Иванова, А. Т. Седашева, Д. А. Сотникова.

Традиции чекистов тех далеких лет живы. Они не просто взяты на вооружение новым поколением, но развиты и преумножены в соответствии с требованиями общества развитого социализма, а также с учетом обострения международной обстановки, усиления враждебной деятельности специальных служб Запада и находящихся на их содержании антисоветских центров.

При этом незыблемым остается главное — коммунистическая убежденность сотрудников органов госбезопасности, понимание ими того, что они действуют на участке, где не может быть перемирия и передышки, где особенно необходим высокий профессиональный уровень.

В целях достижения доминирующего положения в мире и подготовки ядерной войны спецслужбы США и других стран НАТО, как никогда, активно стремятся вести политический, научно-технический и военный шпио-

наж против СССР, осуществлять акции по подрыву его оборонной и экономической мощи. Они ведут оголтелую клеветническую кампанию против нашей страны, разжигают антисоветизм в целях подрыва социализма, как системы в целом, делают все, чтобы очернить советскую демократию, ослабить идейно-политическое единство нашего общества, скомпрометировать в глазах мировой общественности внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского правительства. Всей грязной деятельности по дискриминации реального социализма они придают откровенно подрывной характер.

Объявленный нынешним президентом США Рейганом «крестовый поход» против коммунизма, т. е. психологическая война против СССР и других стран социалистического содружества, замыкает круг глобальных враждебных акций. Широко известны меры правительств империалистических государств по ежегодному увеличению ассигнований на расширение своих специальных служб и аппаратов идеологических диверсий, на активизацию их подрывных действий.

Этим враждебным пронкам органами КГБ и всеми трудящимися страны поставлен надежный заслон.

«Зорко и бдительно следят чекисты за происками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. И эта их работа заслуживает глубокой признательности партии, всего нашего народа»¹. Высокая оценка партии воодушевляет чекистов, рождает у них новый прилив творческих сил и желание трудиться более самоотверженно.

Политический смысл оценки партийным съездом деятельности чекистов приобретает в наши дни еще большую значимость и налагает на сотрудников органов КГБ повышенные обязанности.

Борьбу со шпионажем, идеологическими диверсиями и другими враждебными действиями спецслужб Запада и зарубежных антисоветских центров постоянно ведут и чекисты Воронежского управления. За последние годы ими пресечены неоднократные попытки сбора шпионской информации со стороны некоторых иностранных разведчиков и агентов, посетивших наш город в ка-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.

честве дипломатов, специалистов и стажеров. Примером в этом отношении является недавнее разоблачение подданного Великобритании Даниеля Стоббарта, находившегося на стажировке в Воронежском госуниверситете, который был пойман с поличным во время сбора шпионской информации. Ряд подобных операций описан в очерках, помещенных в книге.

В условиях усиления подрывной деятельности специальных служб империалистических государств особенно актуально стоит вопрос о повышении политической бдительности советских людей, о надежной защите государственных и военных секретов. И дело это наше общее. Каждый советский человек хорошо понимает, что чем надежнее мы перекроем противнику доступ к нашим секретам, тем крепче будет обеспечена безопасность Советского Союза, наших друзей и союзников.

Между тем на практике хоть и крайне редко, но бывают случаи, когда отдельные граждане, стремясь блеснуть своей осведомленностью, разбалтывают сведения, ставшие известными им по службе, безответственно относятся к хранению секретных документов.

Чекисты считают своим долгом, своим кровным делом оказывать всемерную помощь партийным и советским органам и в решении задач укрепления научно-технического, экономического и оборонного могущества нашей Родины.

Сотрудниками Управления пресечены попытки некоторых иностранных компаний поставить на воронежские заводы не соответствующее подписанным контрактам устаревшее, бракованное оборудование. Разоблачены лица, занимавшиеся обманом государства, приписками, хищением социалистической собственности в особо крупных размерах. Предотвращены чрезвычайные происшествия на отдельных объектах промышленности и транспорта.

Мы будем и впредь вести решительную борьбу со всем тем, что может нанести ущерб нашей экономике, приложим еще большие усилия по выполнению решений ноябрьского (1982 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС.

Особо ставку противник делает на идеологические диверсии — наиболее опасную форму подрывной деятельности, которые в наше время стали носить характер крупномасштабных операций, охватывают все сфе-

ры духовной жизни — идеологию, политику, мораль — и направлены на все социальные слои населения нашей страны. Они рассчитаны прежде всего на политически незрелых лиц, на паразитирующие, тунеядствующие, уголовные и другие антиобщественные элементы.

Известно, что в нашем обществе давно уже нет социальной базы для какой-либо организованной антисоветской деятельности. Однако живут советские люди не в изоляции, а в обстановке острейшей идеологической борьбы двух систем. Поэтому социалистическое общество не застраховано от появления отдельных лиц, чьи действия не вписываются в наши моральные и правовые нормы. Это понимают чекисты, об этом должны помнить все советские люди.

Необходимо подчеркнуть, что хотя стратегические цели идеологических диверсий остались прежними, в тактике их осуществления в последние годы произошли определенные изменения: наши противники пытаются усилить свое проникновение и влияние на рабочий класс, делают попытки распространить и в нашей стране опыт польской контрреволюции, открыто подталкивают морально опустившиеся, политически незрелые элементы к совершению антиобщественных экстремистских действий, предпринимают отчаянные усилия по дискредитации социально-экономической политики партии, мероприятий Центрального Комитета КПСС и Советского правительства по укреплению дисциплины и организованности в народном хозяйстве.

Объектом особых атак зарубежных антисоветских центров является наша молодежь. Здесь усилия идеологических противников направлены не только на формирование у части молодежи буржуазного мировоззрения, но и на ее моральное разложение. Различные западные радиоголоса пытаются сеять среди молодежи зерна пессимизма и политического скепсиса, призывают ее к отказу от службы в Советской Армии, инспирируют различные богоискательские течения, искусственно раздувают несуществующую проблему «отцов и детей». Об этом говорят факты засылки в нашу страну идейно ущербных публикаций, видеопорнопродукции, пропаганды распущенности, культа западных «фирменных» вещей, втягивание части молодежи в валютно-спекулятивные операции.

С подобными подрывными действиями противника

воронежские чекисты ведут непримиримую борьбу, выполняя одну из важнейших установок партии по надежному ограждению и защите советского общества, трудовых коллективов и всех советских людей от вредного влияния буржуазной идеологии.

Специальные службы и зарубежные идеологические центры используют для протаскивания чуждых нам идей экономические, научно-технические, культурные и иные связи Воронежа с зарубежными странами, радиопропаганду, почтовый канал.

Говоря о буржуазной радиопропаганде, необходимо особо подчеркнуть ее вред и опасность для подростков. К сожалению, в отдельных семьях родители не обращают внимания на прослушивание их несовершеннолетними детьми враждебных западных радиопередач, недооценивают их воздействия на неокрепшие детские умы и сердца. Ведь 15—16-летние подростки нередко воспринимают эти передачи не критически, берут их на веру. Больше того, отмечены факты, когда под воздействием таких передач они совершали противоправные действия. Думается, нет необходимости доказывать, что безразличное отношение взрослых к такого рода «увлечениям» подростков является недопустимым.

Под воздействием буржуазной пропаганды, засылаемой антисоветской литературы и враждебной обработки со стороны иностранцев в Воронеже имели место случаи распространения клеветнических материалов о политике КПСС и нашей действительности. В очерке «С чужого голоса» подробно говорится об этом. Мне хотелось бы только подчеркнуть, что этим, как правило, занимались отдельные отщепенцы, антиобщественные элементы, не желающие честно трудиться лица. Таких людей у нас, конечно, единицы, но не говорить о них мы не имеем права, ибо своими действиями они затрагивают интересы общества, интересы советских людей, защита которых возложена на чекистские органы.

Партия поставила перед чекистами благородную и гуманную задачу: бороться за каждого советского человека, когда он оступился, помочь ему встать на правильный путь. В этом и заключается одна из важнейших сторон деятельности органов госбезопасности. Следуя партийным установкам, сотрудники Воронежского управления особое значение придают мерам по эффективному противодействию пропаганде классового противни-

ка, срыву его целенаправленных идеологических и экономических диверсий, своевременному выявлению разного рода негативных проявлений, отрицательно сказывающихся на моральном климате в том или ином коллективе.

Проводя профилактическую работу, органы КГБ оказывают предупредительно-воспитательное влияние прежде всего на тех, кто в силу своей политической незрелости подпал под влияние буржуазной пропаганды.

Как правило, своевременное разъяснение ошибок и соответствующее предупреждение дают свои результаты: человек возвращается к общественно полезной работе, пересматривает свои прежние взгляды, становится активным гражданином нашей страны. Нередки случаи, когда такие люди обращаются в наше Управление со словами благодарности за своевременно оказанную помощь. Примеров тому можно привести немало. Эту работу мы ведем в самом тесном контакте с партийными, комсомольскими комитетами и с широкой общественностью.

В тех же случаях, когда предупредительно-профилактические меры не достигают желаемой цели и отдельные лица сознательно совершают антиобщественные действия, их приходится заставлять в судебно-правовом порядке соблюдать советские законы и нормы социалистического общежития. К таким крайним мерам было вынуждено прибегнуть и Управление КГБ СССР по Воронежской области в отношении ряда лиц, которые, несмотря на предупреждение, встали на путь заведомо гнусной клеветы на наш государственный и общественный строй.

Социальная справедливость, демократичность и гуманность такого принуждения обусловлены тем, что оно применяется в интересах всех советских людей. Когда речь заходит о защите социалистических завоеваний и государственных интересов, никто не вправе рассчитывать на безнаказанность.

Защищая интересы нашего государства и общества, органы госбезопасности тем самым ограждают интересы и каждого советского гражданина, ибо эти интересы в социалистическом обществе полностью совпадают. Именно поэтому органы государственной безопасности в своей деятельности, которую они проводят при строгом соблюдении социалистической законности, неизмен-

но находят полное доверие и поддержку трудящихся.

Эффективным оружием в борьбе с любыми происками классового врага является политическая бдительность советских людей, их постоянная готовность исполнить свой патриотический долг. Призыв партии постоянно быть начеку в нынешней сложной международной обстановке приобретает особую актуальность. Высокая политическая бдительность — это не только морально-нравственная категория для каждого советского человека, но и его конституционная обязанность. Новая Советская Конституция расширила и углубила базу деятельности органов государственной безопасности, назвав обеспечение государственной безопасности важнейшей составной частью защиты социалистического Отечества. Конституция СССР возлагает на государственные органы, общественные организации, на должностных лиц и всех граждан обязанности по обеспечению безопасности страны. Таким образом, общегосударственный, общенародный характер охраны безопасности страны впервые сформулирован как один из основных конституционных принципов. В основе высокой политической бдительности лежит советский патриотизм, преданность идеалам коммунизма, осознание своей причастности важнейшему делу — обеспечению государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик. Высокая политическая бдительность предполагает активную жизненную позицию, решительную и непримиримую борьбу с разного рода недостатками и негативными проявлениями, настойчивую работу по претворению в жизнь решений партийных съездов и Советского правительства.

В силу этих факторов подрывные акции спецслужб империалистических государств, какие бы усилия они ни прилагали, неизменно получают сокрушительный отпор и заканчиваются провалом, они разбиваются о монолитное единство партии и советского народа, их готовность непоколебимо защищать завоевания социализма.

На внеочередном мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь Центрального Комитета партии товарищ М. С. Горбачев с новой силой подчеркнул важность задач по укреплению безопасности нашей Родины, указав, что партийными и государственными органами «будут и впредь приниматься решительные

меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений, от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности»¹. Сотрудники Управления КГБ СССР по Воронежской области воспринимают данное положение как программу своей практической деятельности. Они остро чувствуют возросшую опасность милитаристского, антикоммунистического курса США и других стран НАТО, глубоко понимают задачи общества по решению внутренних и внешних проблем, по выполнению текущих и перспективных планов развития нашей страны. Все их помыслы направлены на то, чтобы своими чекистскими средствами более активно способствовать претворению в жизнь политической линии партии, более эффективно участвовать в выполнении воспитательной функции нашего государства. Идя навстречу XXVII съезду родной ленинской партии, воронежские чекисты под руководством областного комитета КПСС, опираясь на активную помощь всех общественных организаций и правоохранительных органов, полны решимости работать еще лучше, отдавая все свои силы, знания и опыт благородному делу защиты безопасности нашей Советской Родины.

¹ Правда, 1985, 12 марта.

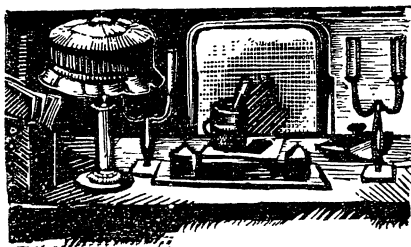

**Защищая
завоевания
Октября**

ЧЕКИСТУ

Чекист —
 не просто
 слово веское
И почитаемо не зря,
За этим словом —
 власть Советская
Со дня рожденья Октября.
За этим словом
 кровь товарищей,
Ночная слякотная мгла,
Кулацких мятежей пожарища
Да посвист пуль
 из-за угла.
За этим словом
 верность Родине,
Любимой партии своей,
Всему,
 что вместе с ними пройдено
От Октября
 до наших дней.
Чекист —
 не просто слово веское
И почитаемо не зря.
За этим словом —
 власть Советская
Со дня рожденья Октября.

**Николай Терских,
ветеран органов
Комитета госбезопасности**

Л.Тарасов
**ПО СОВЕТУ
ЛЕНИНА**

Деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем с самого ее создания неразрывно связана с именем Владимира Ильича Ленина.

Ленин постоянно заботился о правильном использовании ВЧК предоставленных ей прав. Он требовал, чтобы острое оружие органов государственной безопасности разило действительных врагов пролетарской революции, не обращалось против отдельных рабочих и крестьян, оказавшихся втянутыми во враждебную анти-советскую деятельность по неопытности, политической незрелости, вследствие обмана.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что В. И. Ленин глубоко вникал в деятельность местных чрезвычайных комиссий, давал сотрудникам ЧК незамедлительные деловые указания, требовал быстрого и точного их исполнения.

В записках и телеграммах Владимира Ильича Ленина, адресованных органам ВЧК, руководителям губернских, уездных исполкомов Советов, содержатся запросы о причинах ареста тех или иных лиц, обоснованности предъявленных им обвинений, требования тщательной проверки материалов следствия по конкретным делам, применения мер пресечения и наказания в строгом соответствии с советскими законами.

Владимир Ильич учил органы ЧК с первых своих шагов строго руководствоваться революционной законностью. Следуя советам вождя, Феликс Эдмундович Дзержинский постоянно напоминал своим подчиненным:

«Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к арестованным, ...уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце»¹.

В. И. Ленин добивался широкого участия трудящихся в борьбе с контрреволюцией. В тесной связи с массами, в их горячей поддержке видел он залог успешной деятельности органов госбезопасности.

В одном из своих писем местным органам ВЧК Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что партийная директива для всего личного состава ВЧК выше всего и мнение масс дороже всего. На 1-й конференции ВЧК в июне 1918 года по предложению Ф. Э. Дзержинского была принята специальная резолюция о связи с массами, в которой главной задачей чрезвычайных комиссий ставилась охрана завоеваний революции, помощь пролетариату в его тяжелой борьбе за укрепление Советской власти.

Установление и упрочение Советской власти в Воронежской губернии проходили в трудных условиях: южные уезды оказались оккупированными красновскими бандами, то тут, то там вспыхивали кулацкие мятежи, обострился продовольственный кризис. К границам губернии подошли германские войска. Буржуазные партии, особенно социалисты-революционеры, начали переходить к открытым выступлениям против Советов. В губернии за 1918 год отмечены десятки контрреволюционных выступлений, которые были направлены против Советов и выражались в убийствах партийно-советского актива, в срыве избирательных собраний, разгоне исполнительных комитетов и захвате власти кулаками². Контрреволюция всячески препятствовала утверждению власти Советов на местах, проведению в жизнь революционных преобразований.

Вначале борьбу с контрреволюцией в Воронежской губернии возглавлял военно-административный отдел губисполкома. В сложившейся напряженной обстановке интересы революции требовали решительных действий по борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

¹ Тишков А. Дзержинский. ЖЗЛ. М., 1976, с. 346.

² Шестаков А. Классовая борьба в деревне ЦЧО. Вып. 1. Воронеж, 1930, с. 64—73, 101—115.

3 июня 1918 года была создана Воронежская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступностью. Вслед за губернской организуются и уездные ЧК.

Партийные и советские органы Воронежской губернии уделяли работе чекистов особое внимание, направляли в органы ЧК лучших коммунистов. В 1919 году из всех советских учреждений Воронежа губчека имела наибольшую партийную прослойку. В партячейке и батальоне губчека насчитывалось 185 членов партии, а всего в городе тогда было 520 коммунистов¹.

На заседаниях губернского комитета партии и губисполкома регулярно заслушивались вопросы деятельности и комплектования ЧК. Чекисты систематически отчитывались на общих собраниях коммунистов города о своей работе, и всегда она получала высокую оценку.

Попытки левых эсеров и кулаков свергнуть Советскую власть в Воронежской губернии терпели крах. С победой власти Советов на местах происходили конфискация помещичьих имений и передача земель трудовому народу. Буржуазные партии — меньшевики, эсеры и анархисты — организовывали саботаж и пытались завладеть ценностями, конфискованными у помещиков и капиталистов и ставшими общенародным достоянием. В Острогожском уезде, вспоминал бывший председатель Острогожского уездного Совета П. В. Крюков², отобранные у помещиков имения стали грабить вторгшиеся в уезд анархические банды Сахарова, кулацкие элементы. В связи с этим встал вопрос: как быть с конфискованными ценностями?

В самом уездном Совете возникли разногласия. Эсеры предлагали раздать все конфискованное у богачей добро крестьянам без всякого учета. Угрожая оружием, пытались завладеть ценностями сами.

Петр Васильевич Крюков, кристально честный и стойкий большевик, предложил послать запрос в Петроград в Совет Народных Комиссаров. Его поддержали

¹ ПАВО, ф. 1. оп. 1. ед. хр. 199, л. 16.

² Крюков Петр Васильевич (1886—1970) — член партии с 1915 г. В 1917—1919 гг. председатель Острогожского уездного исполкома Советов, затем зам. председателя Воронежского губисполкома. В 1924—1926 гг. работал секретарем Воронежского губкома ВКП(б). В последующие годы был на руководящей партийной работе в Уфе и в Москве.

все большевики уездного комитета, и 5 декабря 1917 года была направлена срочная телеграмма В. И. Ленину:

«Смольный, Председателю Совета Комиссаров ЛЕНИНУ. Сообщите, как поступить с ценностями разграбленных имений. Острогожский Совет, председатель Крюков»¹.

В ответной телеграмме В. И. Ленин указал на необходимость исключительно бережного отношения к народному имуществу. На телеграфном бланке он собственноручно написал строгий и лаконичный ответ:

«Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Именья — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам.

Ленин»².

Телеграмма В. И. Ленина стала программным документом для всех партийных и советских органов.

По указанию Владимира Ильича Острогожский Совет позаботился об охране ценностей. Охрану народного имущества взяли на себя прибывшие в Острогожск отряды Красной гвардии. К концу лета 1918 года было закончено составление описи всех конфискованных ценностей; они были сданы в созданную к тому времени уездную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, которую возглавлял А. И. Шутович³. Большую помощь чекистам оказали бедняки и демобилизованные из армии солдаты.

Изделия из золота, картины, старинный фарфор, серебряная посуда и другие ценности некоторое время хранились в одном из залов острогожского Дворца труда.

К декабрю 1918 года в уезде сложилось тревожное положение. Белогвардейцы рвались к Острогожску. По приказу уездного военно-революционного комитета

¹ Вслед за ленинской строкой. Сб. статей. Воронеж, 1967, с. 150.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 17, 406.

³ Шутович Антон Иванович в 1918—1921 гг. работал в Острогожске, затем в Запорожье, Ялте, Воронеже. В 1935—1958 гг. заведовал партийным архивом Курского обкома КПСС. Умер в 1959 г.

председатель уездной ЧК А. И. Шутович разработал секретный план вывоза драгоценностей. Под охраной чекистов и бойцов рабочего батальона «золотой фонд» благополучно был доставлен в Воронеж и сдан финансовым органам.

Указания вождя, содержащиеся в его телеграмме от 8 декабря 1917 года председателю Острогожского Совета о необходимости обеспечения сохранности народного достояния, были приняты к неуклонному руководству 1-м Воронежским губернским крестьянским съездом, который проходил с 28 по 31 декабря 1917 года в Воронеже. Учет и охрану отобранных у помещиков земель и имений съезд вменил в обязанности земельных комиссариатов.

Ленинские советы о сохранности народного достояния касались не только материальных, но и культурных и исторических ценностей. По ленинскому указанию в 1918 году в городе Борисоглебске был спасен для будущих поколений архив потомков декабриста князя С. Волконского.

К концу лета обстановка в Борисоглебском уезде резко обострилась. Белогвардейцы генерала Краснова при поддержке немцев и гайдамаков не раз пытались захватить Борисоглебск. Местные эсеры усиленно вели тайную агитацию против большевиков. В связи с этим уездный комитет партии укрепил местные органы Советской власти, направив в них наиболее зрелых коммунистов. Вместо политического подотдела, в обязанности которого входила борьба с контрреволюцией, в августе 1918 года создается уездная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. Ее председателем назначается латышский коммунист Э. Э. Рожкалис, а его заместителем Н. В. Артамонов, членами ЧК — К. П. Сладкопевцев и П. П. Юрьев.

12 сентября 1918 года из Борисоглебска на имя Владимира Ильича поступает необычное по содержанию сообщение от уездной ЧК:

*«Глубокоуважаемому товарищу вождю
русской революции В. И. ЛЕНИНУ*

В архиве кн. Волконских, предков декабриста кн. Волконского, обнаружено много исторических документов, среди которых особо важные: 2 подлинника за подписью

Робеспьера и Бонапарта, таковые при сем и препровождаются Вам, так как мы затрудняемся решить, в какое из научных учреждений эти документы направить.

Много документов из русской истории переданы местной библиотеке при Коммунистическом клубе, некоторые, чисто семейного характера, оставлены Волконским.

Просим Ваших указаний, не следует ли все документы передать в исторические музеи Петрограда или Москвы.

Пользуясь случаем, выражаем горячее пожелание скорейшего выздоровления для блага республики.

С товарищеским приветом

Товарищ председателя Чрезвычайной комиссии

(подпись)

Секретарь

(подпись)

г. Борисоглебск, Тамбовской губ.»¹.

В ответ председателю Борисоглебской чрезвычайной комиссии 25 сентября 1918 года было послано следующее письмо за подписью управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича:

«Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин) распорядился благодарить Вас за присланные Вами документы Робеспьера-младшего и Бонапарта, взятые Вами, как видно из Вашего сообщения, из архива кн. Волконских.

Владимир Ильич просит Вас совершенно немедленно и особенно бережно переслать весь этот архив, помещенный Вами при библиотеке местного Коммунистического клуба и в других местах, кроме тех, которые оставлены Вами Волконским, в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Мы поместим все эти документы в одном из наших музеев, сделав предварительные описи всего.

Предполагаем, что в скором времени все это будем издавать в научных трудах Особой комиссии. Владимир Ильич просил передать Вам свой привет»².

¹ Письма Ильичу. Сб. док. Воронеж, 1969, с. 58—59. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6. М., 1975, с. 144—145. Город Борисоглебск в первые годы Советской власти относился к Тамбовской губернии.

² История СССР, 1965, № 2, с. 79.

Выполняя ленинский наказ, председатель Борисоглебской чрезвычайной комиссии направил документы из архива князей Волконских в Совнарком со следующим препроводительным письмом:

«При сем Борисоглебская чрезвычайная комиссия препровождает Вам заметки декабриста князя Волконского (Сергея), найденные в его доме в гор. Борисоглебске.

Приложение: вышеназванные заметки на тридцати пяти листах»¹.

В. Д. Бонч-Бруевич по просьбе Владимира Ильича развернул большую работу по сбору архивных и библиотечных материалов. Он руководил Государственным литературным музеем, где были собраны ценнейшие и уникальные материалы. Архив Волконских в настоящее время хранится в Ленинграде, в Пушкинском доме. Ценные исторические документы сохранились, потому что о них позаботился В. И. Ленин.

В самые трудные, сложные моменты борьбы с контрреволюцией партийные и советские работники, чекисты обращались за советом к В. И. Ленину.

Решительное подавление Советской властью кулацких выступлений вызвало ожесточенное противодействие социалистов-революционеров. Группа воронежских эсеров поддержала вооруженный мятеж, поднятый в июле 1918 года в Москве ЦК левых эсеров, и полностью одобрила его действия, направленные на вооруженную борьбу с Советской властью. В Воронежском, Нижнедевицком, Задонском² и в других уездах создавались подпольные комитеты, которые призывали к свержению коммунистов.

Задонский Совет, руководимый большевиком М. Ф. Болдыревым³, 12 июля 1918 года исключил левых эсе-

¹ Новый мир, 1968, № 4, с. 178.

² Задонский уезд в первые годы Советской власти относился к Воронежской губернии.

³ Болдырев Михаил Федорович (1893—1937) — член партии с марта 1917 г. После Октябрьской социалистической революции — председатель Задонского уездного исполкома Советов. С 1919 г. — на руководящей советской работе в Воронеже, Острогожске, Ростове, Москве. В 1932—1936 гг. — зав. Мособлздравотделом, затем — нарком здравоохранения СССР,

ров из своего состава за активную защиту кулаков. Но эсеры решили взять реванш на V уездном съезде Советов. Съезд состоялся 16 августа 1918 года. На нем присутствовали 96 коммунистов, 8 беспартийных и 122 левых эсера. Последние, пользуясь своим численным перевесом, помешали большевистской фракции провести резолюцию о беспощадной борьбе с кулачеством. Положение еще больше осложнилось, когда вооружившиеся кулаки пригородного села Тешевки двинулись на Задонск.

М. Ф. Болдырев проинформировал В. И. Ленина о сложившейся ситуации. 17 августа 1918 года Владимир Ильич телеграфировал:

*«Задонск,
Исполком, Болдыреву*

Действуйте самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсерской сволочи. Обратитесь с воззваниями к бедноте. Организуйте ее. Запросите помощи от Ельца. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев. Телеграфируйте.

Предсовнаркома ЛЕНИН»¹.

В телеграмме В. И. Ленина содержались четкие указания для большевиков съезда. Съезд прервал свою работу, большевики объявили город Задонск на осадном положении. Делегаты уездного съезда, коммунисты взяли оружие и организовали оборону. Вместе с ними выступили и чекисты молодой уездной чрезвычайной комиссии, имевшей в своем составе конный отряд. На помощь к ним подошли ельчане. 17 августа 1918 года вечером в Москву пошел ответ:

*«От Задонского уездного съезда Советов
Воронежской губернии
17 августа 1918 года*

Лидеры местного левоэсеровского комитета и инициаторы, предлагавшие съезду послать приветственную телеграмму на имя Спиридоновой, арестованы. Фракции левых эсеров предложено вынести постановление о несолидарности с бывшим ЦК партии эсеров, которая выска-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 152—153, Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 66.

залась несолидарной. Предложенная фракцией коммунистов резолюция по текущему моменту принята съездом, которая бьет по всем контрреволюционерам и укрывателям хлеба, а также указывается, что подлежащие призыву и не желающие подчиняться Советской власти и идти на защиту социалистического отечества будут караться всеми строгостями законов пролетарской революции, агитирующих же против мобилизации ставить вне закона и расправляться с ними как с изменниками революции. Вся власть в руках коммунистов, затеянная авантюра левоэсерами подходит к концу ликвидации.

*Председатель исполкома Болдырев.
Секретарь Шипулин»¹.*

Левозсеровский мятеж в Задонском уезде был подавлен. Съезд Советов возобновил свою работу и по земельным и продовольственным вопросам принял большевистскую резолюцию; избрал делегатов на IV губернский съезд Советов.

Преодолевая упорное сопротивление классовых врагов, губернская партийная организация и органы Советской власти решительно проводили в жизнь ленинский декрет о земле, ликвидируя помещичье землевладение и распределяя землю среди крестьян. Классовая борьба резко обострилась. Кулачество не хотело признавать законы о государственной монополии на хлеб. Излишки хлеба сбывались им по высоким спекулятивным ценам. Под влиянием левоэсеровской агитации в ряде мест поднимались кулацкие мятежи. Восставшие разоряли деревни, создавали тяжелые условия для работы советского аппарата.

Одно из таких крупных кулацко-бандитских выступлений имело место весной 1919 года в Землянском уезде Воронежской губернии. Кулаки разгромили комитет партии и ряд советских учреждений. В уезде создалось бедственное положение с продовольствием и средствами на содержание советского персонала.

О сложившейся тяжелой обстановке в этом уезде Воронежский губисполком своим письмом информировал В. И. Ленина:

¹ Письма Ильичу, с. 40—41.

«По сообщению Землянского уездного исполкома, уезд находится в катастрофическом положении. Восставшие дезертиры нарушили работу советских учреждений. Сбор налогов прекратился. Медицинский персонал, не получая жалованья уже три месяца, отказывается работать. Отсутствие средств грозит остановкой работы вообще всех правительственных учреждений уезда. Уездный исполком просит перевести ему минимум два миллиона»¹.

Это письмо не осталось без внимания вождя. Владимир Ильич Ленин в тот же день, 5 мая 1919 года, поручил Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому ознакомиться с письмом Воронежского губисполкома и принять по нему соответствующие меры.

Вскоре помощь Землянскому уезду была оказана, и кулацкие выступления были пресечены.

Владимир Ильич учил чекистов внимательному отношению к судьбе каждого человека, оперативности и четкости в работе с людьми.

В конце 1918 года во время открытого вооруженного выступления унтер-офицерства, пытавшегося захватить город Борисоглебск и соединиться с белоказаками, в городе было введено военное положение. Началась подготовка к эвакуации. Были мобилизованы все местные извозчики с транспортом. В это время и произошел случай, о котором стало известно В. И. Ленину.

7 декабря 1918 года в Борисоглебский уездный исполком поступила телеграмма, в которой Владимир Ильич писал:

«Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте»².

В тот же день председатель Борисоглебского Совета Н. С. Пешков телеграммой сообщил Ленину, что жа-

¹ В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. М., 1975, с. 197; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 7. М., 1976, с. 165—166.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 216.

лоба И. Богданова, работника кассы страхования безработицы в Борисоглебске, является необоснованной. Его сын Владимир здоров. Он работал в эвакуационной комиссии от земельного комиссариата. Ему было поручено выделять по нарядам подводы, а он, никого не предупредив, ушел с работы. Подводы разъехались не по назначению. Проступок В. Богданова был расценен как саботаж. Его арестовали на два месяца.

После ленинской телеграммы дело В. Богданова было пересмотрено и его освободили досрочно.

11 декабря 1919 года В. И. Ленин отправил в Воронеж телеграмму на имя председателя губисполкома, а копии — председателю губчека и председателю Реввоенсовета Южного фронта.

В телеграмме Владимир Ильич писал:

«Немедленно освободите из тюрьмы Николая Степановича Александрова. Если имеются существенные улики, установите домашний арест. Его дело перешлите в Москву мне»¹.

Кто же такой Александров, в судьбе которого горячее участие принял Владимир Ильич?

В октябре 1919 года на захваченной территории Воронежской губернии и в самом Воронеже свирепствовали белогвардейцы генерала Шкуро. Контрразведка поручика Зипалова производила массовые аресты рабочих, служащих и всех подозреваемых в сочувствии Советской власти. Арестованные подвергались жестоким истязаниям и пыткам. По приказу Шкуро на площади Круглых рядов (ныне сквер на углу улиц Плехановской и Дзержинского) были публично повешены комендант города Скрибис, сотрудник губчека Иванов, комиссар Лаврентьев, командир бронепоезда Шлегель и другие. В помещении губчека белогвардейцы демонстрировали созданные ими «комнаты пыток».

Но недолго (менее месяца) бесчинствовали белые банды в Воронеже. 24 октября 1919 года город был освобожден частями 8-й армии и Конного корпуса С. М. Буденного. Советская власть в Воронеже и во

¹ В. И. Ленин и ВЧК, с. 310—311.; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 8. М., 1977, с. 108.

всей губернии возрождалась под руководством местных комитетов РКП(б). Прежде всего необходимо было восстановить революционный порядок, очистить губернию от недобитых белогвардейских пособников. Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией работала напряженно.

Вот в такой обстановке в поле зрения губернской ЧК оказался бывший полковник царской армии Николай Степанович Александров, в возрасте 62 лет, который в сентябре 1917 года был уволен с воинской службы в отставку по болезни и со своей семьей проживал в Воронеже, работал землемером в губернском земельном отделе.

Среди бумаг, брошенных при бегстве Шкуро, воронежскими чекистами был обнаружен рапорт, поданный Александровым 1 октября 1919 года на имя белогвардейского коменданта, в котором заявлял о краже в его доме рабочим Уразовым оружия и серебряных ложек. В рапорте говорилось: «Желая оборонять Воронеж от большевиков, прошу возвратить мне магазинку Винчестера и разрешить ношение шашки».

14 ноября 1919 года Александров был арестован и привлечен к ответственности за действия, враждебные Советской власти.

По существу предъявленного обвинения Александров показал, что «жадность к оружию затуманила ему голову... рапорт коменданту Шкуро он подал единственно в надежде на отыскание пропавшего револьвера путем дознания, но не имел никакого намерения служить белым».

Далее он заявил, что его участие в контрреволюции невозможно, потому что более 30 лет был связан с русским революционным движением через своего брата Михаила Степановича Александрова (Ольминского)¹, помогал ему и его соратникам в борьбе с самодержавием. В 1897 году он по поручению брата Михаила ездил к его жене в Вологду, где оказал ей помощь в ор-

¹Ольминский Михаил Степанович (1863—1933 гг.) — профессиональный революционер, литератор. Член партии с 1898 г. Был членом редакции большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». Принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции. В 1920—1924 гг. заведовал Истпартотделом ЦК РКП(б), являлся редактором журнала «Пролетарская революция», с 1928 г. — членом дирекции Института В. И. Ленина.

ганизации конспиративных встреч с революционерами-подпольщиками.

Объяснения Александрова не вызывали серьезного сомнения в его искренности, и с получением ленинской телеграммы он был освобожден из-под стражи. 17 декабря 1919 года в столицу ушла телеграмма:

«Москва, Председателю СНК ЛЕНИНУ

*Александров освобожден под подписку. Дело высы-
лается Вам. Копия ВЧК.*

Член губревкома»¹.

Дело в отношении Александрова было прекращено.

В. И. Ленин умел проявить снисходительность к людям, которые этого заслуживали, но он был непреклонен к врагам Советской власти и требовал поступать с ними, строго руководствуясь революционной законностью.

31 января 1919 года за сокрытие большого количества материальных ценностей Борисоглебская чрезвычайная комиссия приняла решение: конфисковать имущество Г. А. Клинсмана, германского подданного, бывшего владельца пивоваренного завода в городе Борисоглебске.

Сам обвиняемый с июня 1918 года находился на лечении в Германии. Проживавшая в Борисоглебске его жена Л. Ф. Клинсман дважды жаловалась в Тамбовскую губчека на действия Борисоглебской ЧК, а 14 февраля 1919 года обратилась к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову с телеграммами следующего содержания:

«Срочно прошу приостановить исполнение приговора Борисоглебской чрезвычайной комиссии по делу мужа Густава Клинсмана. Приговор незаконный, дело известно Чичерину, прошу пересмотреть дело.

Луиза Клинсман»².

Президиум ВЦИК детально изучил существо дела и 4 апреля 1919 года вынес свое постановление: «Жа-

¹ Государственный архив Воронежской области, оп. 1, д. 12, л. 106.

² В. И. Ленин и ВЧК, с. 152; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 520.

лобу германской гражданки Клинсман оставить без последствий»¹.

В августе 1919 года Л. Ф. Клинсман была выселена из пределов Борисоглебского уезда и прифронтowej по-лосы с конфискацией недвижимого имущества.

17 февраля 1921 года председатель Воронежской губ-чека И. И. Латоузов² телеграфировал В. И. Ленину о том, что в Воронеже арестована гражданка Лагозен-ская, заявившая, что она знакома с Лениным и он хо-рошо ее знает. Латоузов просил Владимира Ильича со-общить мнение об этом человеке. В тот же день В. И. Ленин подписывает ответную телеграмму в Воронеж, в которой говорится о том, что он не знает Лагозен-ской³.

Указания Владимира Ильича Ленина, его советы по-могали воронежским чекистам своевременно и полити-чески грамотно решать многочисленные сложные во-просы, учили партийной принципиальности и твердости духа в борьбе с контрреволюцией.

¹ В. И. Ленин и ВЧК, с. 153.

² Латоузов Иван Иванович — член партии с 1918 г. Был на руководящей партийно-советской работе в Нижегород-ской губернии. С октября 1920 г. по март 1921 г. — председатель Воронежской губчека.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 10. М., 1979, с. 133.

О.Данилов

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Эти папки, находящиеся в архивах; отличаются лаконичной надписью: «Хранить вечно». Имена людей, документы о которых собраны в них, это имена бойцов негибаемой ленинской гвардии. Они навечно в нашей памяти.

Всякий раз, когда прикасаешься к этим папкам, испытываешь волнение... Пожелтевшие за десятилетия бумажные листы, всевозможные акты дооктябрьского периода, донесения департаменту полиции офицеров так называемого штата жандармских управлений, протоколы допросов и смертные приговоры военно-полевых судов по делам революционеров.

...И как бесценные реликвии — письма самих революционеров, их дневниковые записи, наброски будущих статей для большевистской подпольной и легальной печати, фотографии.

На основе материалов личных дел с пометкой «Хранить вечно» и написаны очерки о первых председателях Воронежской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Никите Петровиче Павлуновском и Отто Петровиче Хинценберге.

ПЕРВЫЙ ЧЕКИСТ ГУБЕРНИИ

«Дело № 855»

— Ваше благородие!.. Ваше благородие!.. — Запыхавшийся от бега немолодой мужчина наконец-то поравнялся с жандармским офи-

цером. — Вот только что... поднял... прокламацию.

— Что? Где?! Говори же скорее, болван, где ты ее взял?!

— Там. Недалеко от казармы, — поспешно ответил мужчина, будто боялся, что его кто-то может опередить.

— А кто бросал? — рывкнул жандарм.

— Ваше благородие! Я видел. Я знаю его. Это сын Петра Яковлевича Павлуновского — Никита.

— Павлуновского, говоришь? Знакомая фамилия, еще с третьего года. А ну, зайдем.

В ближайшем полицейском участке офицер тщательно записал рассказ прохожего. Тот действительно видел, что Никита Павлуновский разбрасывал на улицах Курска большевистские листовки.

Вскоре унтер-офицер дополнительного штата, каких было в царской охране много, уже подходил к дому Павлуновских. По-хозяйски ввалился в комнату.

— Кто будет Никита? — строго спросил он, брезгливо оглядывая чужое жилье.

— Я Никита. — Из-за перегородки хаты-пятистенки вышел подросток. Форменная одежда ученика местного реального училища плотно облегалa его крепкую фигуру.

— Так вот ты какой, — удивленно проговорил жандарм. — Ну, что ж, пошли.

— Куды вы его ведете, ваше благородие? Ему же в училище надо, — обратилась к жандарму мать.

— Знаю, знаю, что учится и где учится, а чему уже научился, разберемся.

Так 17 августа 1906 года впервые был арестован Никита Павлуновский. Тогда ему едва исполнилось четырнадцать лет. Но Никита уже был известен в подпольной организации большевиков как активный и бесстрашный распространитель листовок.

Спустя многие годы старый коммунист Иван Иванович Разиньков вспоминал:

— Я дружил с братьями Павлуновскими. Часто бывал у них. Вместе с Иваном и Никитой на гектографе печатали листовки. Иван их писал. Листовки разбрасывали по улицам, совали в окна казарм, что находились рядом с домом Павлуновских на Покровской улице, на Херсонской. Прокламации «К крестьянам» я носил в Ключку, бросал их по селу. Стоял и «на часах», когда Иван Павлуновский проводил собрание с солда-

тами в овраге ниже Херсонского кладбища. Работал он очень смело. Смелостью зажигал и нас.

...Целые сутки Никиту не тревожили. Как обвиняемого в государственном преступлении, его содержали в одиночной камере курской тюрьмы. 18 августа вызвали на первый допрос.

Никита в сопровождении конвоира вошел в ярко освещенный просторный кабинет. Два больших окна с гардинами, мебель с резными узорами, ковры — вид кабинета богатый.

— Мальчишка — и уже бунтовать?! — взвизгнул сидевший за длинным письменным столом офицер и хлопнул ладонью по крышке стола. — Кто научил?

Никита молчал.

— При обыске у тебя было обнаружено несколько экземпляров листовок так называемой Российской социал-демократической рабочей партии. Тебе предъявляется обвинение в совершении государственного преступления! Понял? — Офицер испытующе смотрел на Никиту. Лицо подростка оставалось простодушно-спокойным.

— Виновным себя не считаю, — после короткой паузы ответил он.

...Прошло почти три года. И встреча царского офицера с Никитой Павлуновским повторилась в том же просторном кабинете. На этот раз Никита был арестован и осужден. Наказание отбывал в курской губернской тюрьме. После из-за «политической неблагонадежности» он не смог найти работу в Курске. Пришлось покинуть родные края. Имея незаурядные способности художника, Никита некоторое время работал в Киеве, в живописной мастерской. Потом переехал к брату Ивану, в Петербург. Там он активно включается в революционную работу. Это не остается незамеченным для полиции. В конце 1916 года Никита Петрович Павлуновский был выслан в город Воронеж.

Февраль 1917 года Н. П. Павлуновский встретил, будучи фельдшером городской больницы. И с самых первых дней революционных событий он активно участвует во всех мероприятиях, которые проводили большевики. Его можно было встретить и в Доме народных организаций, в котором размещался Воронежский Совет рабочих и солдатских депутатов, и в редакции газеты, и на заводах, и в солдатских казармах. Никита

Петрович был отличным оратором. Где бы ему ни приходилось выступать, всюду его пламенные правдивые слова о текущем моменте, о революции, которая готовилась партией Ленина, доходили до глубины души каждого слушателя.

...День 30 октября (12 ноября) 1917 года вошел в историю Воронежа убедительной победой социалистической революции. Вся власть перешла в руки народа.

Сразу после октябрьского вооруженного восстания Никита Петрович Павлуновский был избран в состав временного бюро Воронежского Совета и губернского комитета партии. А в начале декабря 1917 года ревком оказал ему большое доверие, назначив первым комиссаром Воронежского отделения Государственного банка. Служащие Госбанка встретили Н. П. Павлуновского без восторга: среди них оказалось несколько ярых врагов Советской власти. И Никите Петровичу пришлось начинать свою новую работу с чистки аппарата.

В губернии было неспокойно. Силы старого мира не хотели добровольно сдавать позиции. То в одном, то в другом уезде объявлялись банды недобитых белогвардейцев. Они всячески старались мешать нормальной работе органов Советской власти, терроризировали население. В Воронеже стало опасно появляться на улицах в вечерние и ночные часы.

В июне 1918 года в губисполкоме проходило очередное заседание. Обсуждался вопрос об организации губчека по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. В состав этой комиссии вошли пять человек. И первым из них был назван Никита Петрович Павлуновский. Он же стал и первым председателем Воронежской губчека.

Об организации губчека населению губернии сообщила воронежская газета «Красный листок» (№ 24 от 7 июня 1918 года).

Павлуновский теперь одновременно работает в Госбанке и губчека. Забот прибавилось.

Летом 1918 года обстановка сложилась очень напряженная. На Дон, к генералу Краснову, с разных концов страны пробирались белые офицеры. Многие из них останавливались в Воронеже, подстрекали обывателей на выступления против Советской власти. В начале июля левые эсеры попытались поднять восстание. Чекисты во главе с Павлуновским, при поддержке бое-

вых рабочих дружин и воинских частей, подавили его.

Несколько раньше сотрудники Воронежской губчека разоблачили руководителей Воронежского маслотреста. В целях наживы и личного обогащения они занимались разбазариванием государственной продукции, реализуя ее через частную торговую организацию «Масло — мука» с центром в Москве и отделением в Петрограде.

По предварительным подсчетам экспертизы сумма убытков, нанесенных государству этой преступной группой, составила 588 тысяч рублей золотом. Из 35 обвиняемых по делу самыми крупными фигурами названы братья Бутыркины, Миркин и москвич — торговец Кузнецов. К числу активных участников преступления, хорошо знавших, что собой представляет «Масло — мука», относились директора маслотреста Смирнов и Нейстер. Все они и были руководящим ядром экономической контрреволюции в Воронежском маслотресте.

Более месяца длился судебный процесс. Виновные получили по заслугам. Братья Леонид и Андрей Бутыркины были приговорены судом к высшей мере наказания, а остальные — к различным срокам лишения свободы.

...Приближалась первая годовщина Великого Октября. Трудящиеся готовились к празднику. С большим энтузиазмом они работали на всех участках социалистического строительства. Но мирный труд советского народа был прерван гражданской войной. В октябре 1918 года белоказачья армия генерала Краснова начала наступление в направлении Воронежа. Надо было организовать отпор белогвардейцам.

Губком партии поручил Н. П. Павлуновскому сформировать в кратчайший срок отряд. Уже через неделю, 11 октября 1918 года, Никита Петрович доложил о выполнении задания. Отряд был сформирован в основном из железнодорожников (154 человека). В него входили также 23 бойца-интернационалиста, 20 латышских стрелков-коммунистов.

Утром 12 октября 1918 года отряд во главе с Н. П. Павлуновским выехал на Южный фронт. Он провел несколько удачных боев против красновцев. Это подняло дух бойцов, вселило в них веру в победу.

Но случилось неожиданное. Под покровом густого тумана ранним утром 20 октября белогвардейская конница обошла отряд Павлуновского с флангов и, поль-

зуюсь численным превосходством, нанесла удар с тыла. Завязался неравный жестокий бой. Каждый боец интернационального отряда дрался с двумя-тремя красновцами. Казаки были отбиты, но Никита Петрович Павлуновский погиб.

Погиб любимый командир красногвардейцев, отважный чекист, беззаветно преданный делу Ленина. Но жива память об этом скромном и мужественном человеке, Никите Петровиче Павлуновском, — жизнь его всегда будет служить примером для потомков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГУБЧЕКА

{«Дело № 856»}

Стояла глубокая осень революционного 1905 года. С моря дул свежий штормовой ветер. Рваные клочья облаков неслись на восток. Моросил мелкий нудный дождь.

На рижских улицах после октябрьских стачек, эхом прокатившихся по необъятной России, сменяя друг друга, несли круглосуточную патрульную службу солдаты и офицеры местного гарнизона. Царским указом Лифляндская губерния была объявлена на военном положении.

Время от времени патрули останавливали прохожих, проверяли документы, обыскивали. Некоторых арестовывали и уводили. Но на тринадцатилетнего белобрысого подростка никто не обращал внимания. Одетый в форменную шинель ученика местного реального училища Отто Хинценбергс спешил к назначенному времени на явочную квартиру. Его там ждали.

...Мужчина средних лет, сидевший в небольшой комнате у стола, взглянул на часы. Минутная стрелка приближалась к цифре «12». «Сейчас Хинц должен войти», — подумал он. И тут же послышался условный стук в дверь.

— Здравствуйте, дядя Артур, — на пороге стоял улыбающийся Отто.

— По тебе можно сверять часы, — одобрительно сказал хозяин квартиры. — Молодец. В нашем деле пунктуальность — первое дело. Это партийная дисциплина. Присаживайся.

Они сели за стол; хозяин дома предложил чаю, но

Отто отказался, не за этим же звал его дядя Артур.

А тот не спешил с делом. Неторопливо, спокойно говорил о тревожном времени в Риге, о том, что время такое по всей России, что рабочий класс понял: власть ему в руки добровольно не отдадут, ее надо брать силой. Но армия и флот пока что на стороне царизма, и задача большевиков — развернуть пропаганду среди матросов и солдат, помочь им осмыслить текущий момент, перейти на сторону рабочих и крестьян. Для этой цели им надо передавать наши газеты и листовки, выступать в казармах...

Дядя Артур умолк, внимательно глянул на притихшего Отто:

— От нашей партийной организации есть для тебя очень важное дело. Вот эти листовки надо распространить среди солдат. Справишься? Но имей в виду, что это не только важно, но и опасно. В городе комендантский час, кругом патрули...

— Не подведу, — коротко, с готовностью ответил Хинценбергс.

Он взял одну из листовок, стал читать.

«Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — было написано в верхнем правом углу. А чуть ниже крупным шрифтом — заголовок: К солдатам».

«Царь видит, — читал дальше Хинценбергс, — что волна народного недовольства подымается все выше. Он видит, что измученный и истрадававшийся, голодный и бесправный русский народ, обираемый и обкрадываемый капиталистами, помещиками и царскими чиновниками, готовится к решительной схватке с царизмом, и он хочет пушками и пулями, штыками и нагайками запугать восставший народ...

...Если тебя пошлют стрелять в рабочих, когда они будут протестовать против царского насилия, — ты должен отказаться, ты не должен стрелять!

И в момент решительной схватки народа с царизмом ты должен открыто стать на сторону народа, ты должен направить дуло ружья против палачей и угнетателей народа!..

...Долой военное положение!

Да здравствует революционная армия!»

— Здорово написано! — поднял на дядю Артура радостные глаза Отто. Он испытывал гордость: больше-

вики доверяют ему такое большое и ответственное дело! Отто рассовал по карманам листовки.

— Ну, Отто, будь осторожен и внимателен, — сказал на прощание дядя Артур. — Береги себя.

Спустя несколько минут Отто шагал по знакомой улице к своему дому. На одном из ближайших перекрестков Хинценбергса окликнули:

— Эй, пострел, погоди!

Отто остановился, с детским любопытством разглядывал приближавшихся к нему двух жандармов.

— Куда спешишь?

— Домой.

— А где был?

— У своего друга. Он заболел и не был сегодня на занятиях.

— Ну, тогда поторапливайся. Поздно уже шататься.

Дальше Отто зашагал быстрее. Жандармы видели, в какой дом зашел подросток. Выполняя приказ начальства, они добросовестно старались замечать и запоминать все на своем участке.

В последующие дни юный революционер О. Хинценбергс был целиком поглощен выполнением задания. Он оставлял листовки там, где чаще всего бывали солдаты, с помощью друзей собрал около двадцати адресов и по почте пересылал листовки. За неделю Хинценбергсу удалось распространить свыше двухсот экземпляров большевистской листовки «К солдатам». Задание было выполнено успешно.

...В конце 1908 года из-за границы в Ригу прибыл Петр Гуден и по рекомендации Заграничного бюро ЦК Российской социал-демократической рабочей партии получил работу в партийной типографии, которая размещалась в доме № 5 на Длинной улице. Здесь он встретился с Отто Хинценбергсом. Они быстро подружились. Принимали участие в печатании латышской газеты «Циня» («Борьба») — органа социал-демократической партии — и других партийных изданий.

Хотя первая русская революция и потерпела поражение, большевики не сложили оружия. Партия Ленина ушла в подполье и в новых условиях продолжала борьбу с царизмом. Из подпольных типографий регулярно выходили и распространялись среди трудового народа партийные газеты и листовки.

Чиновники сыскного отделения Риги, которое возглавлял Грегус, сбились с ног в поисках типографий, выпускающих большевистскую литературу. И в конце апреля 1909 года жандармам удалось с помощью дворника нащупать нить, которая вывела их на Петра Гудена и Отто Хинценберга.

...Вечер 29 апреля. Весна в разгаре. Лучи заходящего яркого солнца разноцветными бликами играли на оконных стеклах. С моря неслась переключка пароходов, из ближайшего парка — пение птиц; заметно ожили и городские улицы. У Латышского театра начала собираться публика. Близился час начала спектакля. Гуден и Хинценбергс тоже пришли сюда. Именно здесь, у театра, после окончания спектакля у них должна была состояться встреча с одним из большевиков. Они не знали, что шпики сыскного отделения тоже здесь.

В антракте многие вышли в фойе. Гуден и Хинценбергс остановились у окна недалеко от выходной двери. Незаметно к ним подошли несколько мужчин в штатском.

— Пройдемте, — негромко сказал один из них. Это были полицейские.

Отто выхватил из кармана пистолет и выстрелил в стоявшего слева мужчину, бросился к выходу. За ним последовал и Гуден. Кто-то из шпииков подставил ногу, Отто споткнулся и, падая, выстрелил еще, но промахнулся.

Дамы и барышни, тесня друг друга, с визгом и криками бросились в зал. Их спутники, из тех, что посмелее, глазели с любопытством на образовавшуюся у входной двери свалку.

Через несколько минут шпики отобрали у Хинценбергса оружие и связали ему руки. Петр успел все-таки выскочить на улицу, но там тоже дежурили люди из сыскного отделения Грегуса.

В ту же ночь в квартирах, где жили Петр Гуден и Отто Хинценбергс, жандармы произвели обыск. А утром на стол начальника сыскного отделения полиции легла стопка бумаг, именуемых в жандармских документах «вещественными доказательствами, приложенными к дознанию по обвинению Отто Хинценбергса».

Среди них особое внимание Грегуса привлек ру-

кописный журнал на латышском языке с символическим названием «Утренняя заря».

Полиции удалось обнаружить хорошо оборудованную подпольную типографию, ликвидировать склады бумаг, печатных партийных изданий, оружия и боеприпасов. Только одних брошюр к моменту обыска хранилось 16 400 экземпляров.

Прошло две недели после ареста О. Хинценбергса. Начальник сыскного отделения пишет в докладной: «...содержащийся под стражей в Рижском исправительном арестантском отделении... крестьянин Прауленской волости Бенденского уезда Отто Гинцинбергс¹, 17 лет, обвиняется в соучастии в устройстве нелегальной типографии в доме № 118, кв. 63 по Романовской улице...».

Хотя тюрьмы были переполнены, политических заключенных царская охранка предпочитала содержать в одиночных камерах. Только через полгода был объявлен приговор. О. Хинценбергса и его двух старших товарищей приговорили к смертной казни. Семнадцать дней и ночей Отто сидел в камере смертников. Казнь ему была заменена восьмилетним тюремным заключением.

Отто Хинценбергсу было объявлено, что после отбытия наказания ему запрещалось жить в течение двух лет в столичных и университетских городах, а также в городах Юрьеве, Шлоке, Либаве. В марте 1910 года его перевели из Риги в верроскую тюрьму. За четыре года О. Хинценбергс побывал в двенадцати тюрьмах России. Но ни одиночные камеры, ни издевательства надзирателей не сломили боевого духа юного революционера.

Оказавшись на свободе, Отто Хинценбергс уезжает за границу. Германия, Голландия, Швейцария — таков маршрут его первой эмиграции. На более продолжительное время Отто остановился в городке Берне.

Здесь он встретился и подружился с одним из ближайших соратников В. И. Ленина — Анатолием Васильевичем Луначарским, который очень высоко ценил деловые качества латышского революционера.

¹ Фамилия Хинценбергса, надо полагать, малограмотным жандром искажена. (Прим. ред.).

О. Хинценбергс участвует в известном бернском совещании, на котором Владимир Ильич Ленин выступил с докладом об отношении к империалистической войне. Отто был в числе тех, кто голосовал за поддержку ленинских тезисов о войне.

В Берне О. Хинценбергс осуществил свою давнишнюю мечту: приступил к изучению химии и естественных наук в бургдофском техникуме.

Здесь О. Хинценбергс встретил очень милую девушку — курсистку Марию Шноль. Вскоре она стала его женой и другом.

Но самое главное — именно здесь, в Берне, Отто Хинценбергс прошел большую политическую школу под влиянием заграничных большевистских групп.

В красивом, но чужом городе Отто так и не смог найти постоянной работы, а случайные заработки едва давали ему возможность свести концы с концами. И в августе 1915 года он вместе с женой вернулся на родину.

Февральскую революцию Хинценбергс встречает в Петрограде, откуда по решению Петроградского Совета был командирован на юг России. Там он помогает местным большевикам организовать Советы. В декабре 1917 года Отто Петрович Хинценбергс приезжает в Воронеж.

Обстановка в городе и губернии была сложной. Недобитые буржуи, бежавшие из Петрограда и Москвы, белогвардейцы, кулаки, эсеры, бандиты... Они объединялись в шайки, устраивали саботаж, готовили покушения на партийных и советских работников, вынашивали планы о вооруженных выступлениях против власти рабочих и крестьян.

Хинценбергсу предстояло жить и работать в этих условиях.

Огромная жажда деятельности, преданность революции и высокое чувство ответственности за порученное дело помогли Отто Петровичу быстро завоевать доверие воронежских большевиков. Сначала его избирают членом губернского комитета, а затем вводят в состав президиума губкома партии.

О. П. Хинценбергс активно участвует в укреплении Советской власти на местах, в организации волостных и уездных Советов, в реквизиции излишков хлеба для голодающих губерний. Много сил и энергии он отдает

установлению надзора за конфискованными помещичьими именными, борьбе с анархией и погромами.

В это суровое время от всех без исключения работников советских учреждений требовалась высокая политическая бдительность и революционная стойкость. Воронежские чекисты твердо стояли на страже социалистической законности и порядка.

О. П. Хинценбергс работал в земельном отделе губисполкома и одновременно (после гибели Н. П. Павлуновского) на ответственном посту председателя Воронежской губчека.

...Шел 1918 год. В Воронеже и уездах губернии выплзли наружу ярые враги Советской власти, участились случаи убийства, саботажа, грабежей. Чекистам отдыхать было некогда.

Однажды Отто Петрович шел по оживленной городской улице. Его внимание привлек худощавый молодой мужчина среднего роста, одетый в черную кожаную куртку, с маузером, висевшим в деревянной кобуре на боку.

«Бог ты мой! — подумал Хинценбергс. — Неужели это сам Грегус в Воронеж пожаловал?! Медлить нельзя...»

— Гражданин Грегус, остановитесь!

— Что вам угодно?.. Я никакой не Грегус!.. Вы, молодой человек, ошиблись, — но, увидев направленный на него маузер, сразу обмяк. И тут же спохватился: — Я покажу вам свои документы... — Правая рука потянулась к боковому карману пиджака.

— Руки! — приказал Хинценбергс. — Руки за спину! А теперь вперед! И не вздумай бежать: пристрелю.

Отто Петрович, как всегда, говорил спокойно, несколько растягивая слова, с легким латышским акцентом.

Так и доставил О. П. Хинценбергс бывшего начальника рижской охраны в здание Воронежской губчека. Спустя некоторое время военный трибунал вынес Грегусу смертный приговор.

Осенью 1918 года под руководством О. П. Хинценбергса сотрудники губчека раскрыли организацию крупных спекулянтов. 19 ноября в губернской воронежской

газете по этому поводу появилось сообщение «...несмотря на все упорство преступников, отделу удалось задержать и доставить в Губернскую Чрезвычайную Комиссию предназначенный к отправке на Дон шелк, полотно, меха и галантерейный товар более чем на полмиллиона рублей...

...В Москве, куда был командирован следователь продолжать следствие, обнаружена компания спекулянтов, скрывших товар на несколько миллионов рублей и финансировавших предприятие по преступной переправке мануфактуры из Советской Республики в стан белогвардейства.

В ходе следствия чекисты арестовали в Воронеже и Москве большую группу спекулянтов. На допросах они всячески изворачивались, отрицали свою вину. И когда наконец поняли, что собранные воронежскими чекистами улики обличают их в преступной деятельности, спекулянты решились на новое преступление. С целью «зачистить» свое грязное дело они предложили следователям губчека «вознаграждение». Но тут же выдвинули условие, что оно будет выдано только после освобождения арестованных и арестованного товара.

Разумеется, чекисты ни на какие сделки с преступниками не пошли. Спекулянты получили по заслугам.

Председатель губчека О. П. Хинценбергс был беспощаден к врагам Советской власти, а также к тем, кто, работая в советских учреждениях, пытался использовать свое служебное положение в корыстных целях. По его докладу военный трибунал вынес смертный приговор сотруднику Воронежской ЧК Соломину, уличенному в вымогательстве денег у родственников крупного спекулянта, арестованного советскими органами.

Но Хинценбергс не был сторонником массовых расстрелов. Добрый по натуре, он отлично понимал, что среди арестованных немало людей, которые на стороне врагов Советской власти оказались по своей политической неграмотности.

Он находил время для индивидуальных бесед с арестованными, пытался понять их сущность, их идейные убеждения, помочь им. Вот один из сохранившихся до наших дней документов:

*«В партийный губернский комитет
партии коммунистов
члена комитета О. Хинценбергса*

Заявление

Ввиду того, что мне достоверно известно, что заключенные в губернской тюрьме гр. Кондратьев и Инцеров перестали быть врагами Советской власти и не будут агитировать против нас, а, наоборот, согласны по целому ряду вопросов работать вместе с нами, я прошу разрешения под мое личное поручительство и ответственность освободить их из-под стражи.

С тов. приветом
Хинценбергс.

5 ноября 1918 года».

Губком РКП(б) в тот же день удовлетворил просьбу О. П. Хинценбергса.

Отто Петровичу приходилось принимать непосредственное участие в разработке операций по ликвидации различных контрреволюционных гнезд в Воронежской и соседних губерниях. Ежедневно, ежедневно — напряженная, изнурительная, кропотливая и опасная работа. И Отто Петрович выполнял ее с энтузиазмом человека, беззаветно преданного своему делу. Он был очень требователен к своим подчиненным, но прежде всего к себе самому. Те, кто с ним работал, сохранили о нем самые лучшие воспоминания.

Бывший комиссар Воронежской ЧК Б. И. Короткин с большой теплотой говорит о совместной работе с О. П. Хинценбергсом: «Успех деятельности Воронежской ЧК во многом объяснялся личным авторитетом Отто Петровича, его огромной работоспособностью и умением передавать ее окружающим. Хинца уважали и любили все наши работники за партийный подход к людям, требовательность, ясный ум, кристальную честность и справедливость; ему было чуждо высокомерие и зазнайство.

О Хинценбергсе можно смело сказать, что он отвечал высоким требованиям, предъявляемым Ф. Э. Дзержинским к работникам ЧК: «Чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Работа в земельном отделе губисполкома и ЧК от-

нимала много сил, но О. П. Хинценбергс находил еще время выступать с лекциями и докладами по актуальным вопросам текущего времени.

...В конце 1918 года Воронеж становится прифронтовым городом, и губком партии направляет Хинценбергса для связи с Реввоенсоветом 8-й армии Южного фронта. Отто Петрович занимается организацией и налаживанием работы Особого отдела армии.

В марте 1919 года О. П. Хинценбергс был выдвинут на должность начальника Особого отдела Южного фронта. Борьба с врагами революции, которые различными путями пробрались в ряды Красной Армии и всячески вредили ей, требовала от сотрудников Особого отдела предельного напряжения физических сил. А у Отто Петровича они были на исходе.

После разгрома Деникина он оставляет военную службу и в 1920 году приезжает в Москву. Уже больной, О. П. Хинценбергс не помышляет об отдыхе. С первых дней жизни в столице он активно включается в работу. Одновременно Отто Петрович трудится в Наркомпросе и Наркоминделе. В первом заведует высшими лесными школами и в то же время является представителем Наркомпроса в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а во втором — совместно с Внешторгом организует и возглавляет курсы по подготовке советских представителей за границей, консультирует экономическо-правовой отдел.

Находясь в Москве, О. П. Хинценбергс не прерывает связь с Воронежем, где он многое сделал для укрепления материальной базы сельскохозяйственного института, организации университета, в оказании помощи в улучшении жилищно-бытовых условий научным работникам вузов города.

В октябре 1920 года на губернской партийной конференции О. П. Хинценбергса вновь избирают в состав Воронежского губернского комитета партии.

Но здоровье революционера ухудшается с каждым днем, болезнь прогрессирует. Летом 1922 года Отто Петрович оставляет работу по настоянию врачей. Но уже ни санатории, ни специальное лечение на дому, организованное его заботливыми друзьями, не могли помочь Отто Петровичу. 11 декабря 1923 года Хинценбергс скончался. Его похоронили в Москве с революционными почестями. Центральный печатный орган нашей пар-

тии газета «Правда» писала в некрологе: «Когда мы узнаем о смерти таких людей, как товарищ Хинценбергс, то кажется, что смерть сознательно и организованно вырывает из наших рядов наших лучших товарищей... Трезвый взгляд, хладнокровие и выдержка, соединенные с глубокими теоретическими познаниями, выдвинули тов. Хинценбергса на руководящие посты партийной организации и Советской власти. Он заслужил глубочайшее уважение, горячую любовь всех близко его знавших тем, что во всей своей работе, во всей своей жизни он давал нам пример, каким должен быть строитель новой жизни — большевик, коммунист...».

* * *

Проходят годы, десятилетия, а память о первых борцах за Советскую власть передается в народе от одного поколения к другому. И вполне понятно желание молодежи как можно лучше знать их жизнь. Поиск документов из истории Воронежского края, из биографии старшего поколения продолжается.

Геннадий Лутков

УЛИЦА МОЕГО ОТЦА

От центра села Куликово Усманского района Липецкой области берет начало улица. На крайнем доме табличка с именем большевика Якова Ильича Луткова. Так она названа в честь моего отца, командира подразделения.

Потом отец стал чекистом. Долгие годы он мужественно боролся с контрреволюцией.

Уткнуться в гимнастерку и, немея,
Вдыхать тепло отцовского плеча.
Как сладко новенькая пахла портупея,
Тоску разлуки радостно леча.
Мы расставались часто, слишком часто,
И нам с тобой никто б не смог помочь,
Вы все, от рядового до начальства,
Не знали, день сегодня или ночь.
Так мало солнышка. Все сплошь метели.
Живи, темляк у шашки теребя.
Не выбрался всю жизнь ты из шинели —
Единственной одежды для тебя.
Такие в горькие деньки не кисли.
И положиться на тебя могли.
Ты хлеб кулацкий в самом точном смысле
Умел достать не раз из-под земли.
Что ж, смельчаков чуть реже убивают.
В себе носил трех долгих войн металл,
Такое на Руси не забывают,
Вот, батя, ты и улицею стал, —
Немножко незнакомый, необычный,
Ты — брови, нос, улыбка... Тут — дома...
Сражались все. Но соль заслуги личной
Определяет Родина сама.
И это — ты. Да, это продолженье
Тебя, всего, что сделано тобой.
Здесь будут свадьбы, будут дни рожденья,
Твоею осененные судьбой.
Я с несвязуемым опять свяжусь,
Спрошу мальчонку, рыжего такого:
— Ты где живешь?
— На улице Луткова...
И я слезы своей не застыжусь.

А. Клюквин

ПОД МАСКОЙ БАТЬКИ ВОРОНА

I

Крупной рысью на лошадях банда пролетела по селу. С гиканьем, со стрельбой, наводя страх на разбегающихся во все стороны крестьян. Разномастно одетые конники свернули к площади, спешили у большого кирпичного здания с самодельной вывеской «Новомеловатский волостной Совет», ввалились к секретарю Совета, коммунисту Иваненко.

Главарь банды Бачевский замахнулся на Иваненко плеткой.

— Красный прихвостень!.. Стараешься, бумажки пишешь!.. Может, доносы на нас в чека сочиняешь, а?.. Где председатель ваш? Где комиссар? Ну?

Иваненко — пожилой спокойный человек — стоял перед бандитами, с презрением и ненавистью глядя на них.

— Ну?! — угрожающе надвинулся на Иваненко главарь и ударил коммуниста в лицо.

Бандиты тут же набросились на беззащитного человека... Избитого, окровавленного Иваненко выбросили в сени. Сами принялись хозяйничать в доме: перевернули все вверх дном. Искали списки сельских коммунистов, активистов, всех сочувствующих Советской власти.

Разгромив Совет, бандиты разграбили амбар с общественным зерном, кооперативную лавку. Потом ринулись по домам. — Тащили все: шубы, валенки, женские платки, юбки, домстканое полотно, утварь... Тех, кто оказывал сопротивление, зверски избивали.

По указке кулака-предателя бандиты разыскивали ук-
рывшегося в одном из домов военного комиссара волос-
сти Т. И. Талалайко. Он давно мешал им: ловил дезер-
тиров, беспощадно расправлялся с бандитами, не да-
вал в обиду население волости. Бандиты давно охоти-
лись за Талалайко — героем гражданской войны, сме-
лым и честным человеком. Устраивали засады, но все
кончалось безрезультатно.

Увидев Талалайко, бандиты буквально взревели от
предвкушения расправы, каждый норовил «отличить-
ся». Волостного комиссара кололи ножами, жгли рас-
каленным железом, вырезали на спине полоски кожи.
Надругавшись, Талалайко повесили...

Банда умчалась в Шипов лес, где со времен
гражданской войны укрывалось много всякой нечисти:
дезертиров, уголовных преступников. Шипов лес был
практически под контролем бандитов: никто из мест-
ных жителей не рисковал отправляться через него в
одиночку. Женщин насиловали, детей и стариков уби-
вали, у мужиков отбирали лошадей и быков, самих их
вешали. Обозы с государственным хлебом двигались
через Шипов лес только под усиленной охраной отря-
дов самообороны и милиции.

Ликвидировать бандитов, укрывшихся в лесу, было
непросто. Они были хорошо вооружены, имели в окру-
жающих селах осведомителей — знали все о пригото-
влениях властей, своевременно укрывались от возмездия
или, объединившись, громили малочисленные отряды
красноармейцев.

И на этот раз взвод красной пехоты явился из Ка-
лача в Новомеловатку, когда след банды, как говорит-
ся, простыл.

Жители села с опаской выбирались из укрытий.
Крестьянки несли красноармейцам угощение: кто крын-
ку молока, кто краюху хлеба, кто вареной картошки.

В стороне убивалась над снятым с виселицы Т. И.
Талалайко жена. Унесли домой окровавленного Ива-
ненко.

— Что ж власть защитить нас не может?! — крича-
ла, обливаясь слезами, седая крестьянка.

— Житья нету, командир!

Командир взвода, совсем еще молодой, хмурился.

— Врангелей, Деникиных разбили, а от бандюг пря-
чемся!

— Сколько можно?!

Сам собой возник митинг. На крыльцо Совета поднялся комиссар красноармейского отряда.

— Граждане! — обратился он к собравшимся. — Красная Армия очистила республику от наемных войск мирового капитала, выбросила их вон. Теперь у нас новый враг, внутренний: бездельники, народные захребетники, организовавшие в банды. Командуют ими бывшие белые офицеры, кулаки — опасные недобитые элементы. И врозь мы с ними не покончим. Мы должны вместе вести с бандами беспощадную войну.

— Правильно!

— Бить их, гадов!

— Пиши нас в отряд! Добровольно пойдём!

К командиру решительно пробрался рослый загорелый парень.

— Пиши, командир. Тулинов Михаил.

Рядом с Тулиновым стояли еще двое.

— И нас пиши. Дмитрий Копенкин, Иван Смольянов.

— Мы вас не можем записать, — пояснил командир, — вам надо создать отряд самообороны, здесь, в Новомеловатке. А при случае мы поддержим.

Так родился в селе отряд добровольцев из двадцати человек.

Вечером красноармейский взвод ушел. Крестьяне разбрелись по домам. Что будет дальше? С дубьем и охотничьими ружьями против бандитских винтовок и пулеметов не пойдешь. Головорезов много, вся округа забита ими, и двадцать сельчан против них...

Шел 1921 год.

II

Заседание Воронежской губчека вел ее председатель, Дмитрий Яковлевич Кандыбин, — высокий, плотный, коротко стриженный мужчина средних лет. Справа от председателя сидел человек интеллигентного вида, в пенсне, в командирской форме. Это был Михаил Любушкин, начальник отдела по борьбе с бандитизмом. Любушкин в Воронеже недавно. До этого работал помощником начальника оперативного штаба по борьбе с бандитизмом на Украине. Узнав о гибели своих боевых товарищей — бывшего председа-

теля губчека Н. Е. Алексеевского и губвоенкома Ф. М. Мордовцева, Любушкин добился перевода в Воронеж.

Он доложил обстановку в губернии — она была очень напряженной. Голод, разруха, бандитизм.

— Несмотря на принятые меры, — говорил Любушкин, — в губернии действуют пятнадцать крупных банд общей численностью свыше семи тысяч человек. Особенно свирепствуют банды Гончаренко, Серобабы, Стрешнева, братьев Варравы, Курочкина, Фомина, Бачевского. Основным местом концентрации банд является Шипов лес. В губчека почти ежедневно из волостей поступают донесения о грабежах и бесчинствах бандитов. Вот на днях поступило очередное донесение из Калача о зверствах банды Бачевского. На рассвете бандиты ворвались в село. Разгромили Новомеловатский волостной Совет. Разграбили кооперативную лавку, крестьянские хаты, избили многих сельчан. После надругательства повесили военного комиссара волости коммуниста Талалайко. Повсюду в губернии бандиты творят зверства и бесчинства. От их рук погибли тысячи людей, села подвергаются грабежам и насилию. Бандиты издеваются над представителями Советской власти, коммунистами и комсомольцами, милиционерами, учителями, активистами... В волостях создаются отряды самообороны. Но что они, безоружные, против хорошо вооруженных бандитов?

Заканчивая, Любушкин сделал вывод:

— Нужны объединенные усилия частей Красной Армии, отрядов ЧОН¹, милиции и губчека. И, думаю, нужна при этом новая тактика, новые методы борьбы.

— Что касается частей Красной Армии, — заявил командующий войсками губернии Н. А. Никулин, — то силами пехотных подразделений эту задачу не решишь. Во-первых, подразделений этих в губернии мало. Во-вторых, бандиты очень маневренны, у них лошади, банды легко уходят от преследования. Кроме того, у них кроме винтовок, наганов и обрезов есть гранаты, ручные и станковые пулеметы, установленные на тачанках. Я согласен с Любушкиным, надо менять тактику, — поддержал Никулин.

Теперь все сидевшие за столом смотрели на Любуш-

¹ ЧОН — части особого назначения.

кина: что скажет начальник отдела по борьбе с бандитизмом? Должен ведь быть какой-то выход? Нельзя же больше терпеть издевательства распоясавшихся бандитов, ярых врагов Советской власти. Пора наконец покончить с ними!..

Любушкин предложил план действий...

III

На следующий день в кабинете председателя губчека Кандыбина обсуждалась кандидатура командира конспиративного чекистского отряда.

— На эту должность нужен человек смелый, решительный, имеющий опыт борьбы с бандитами, знающий их тактику, уловки, — рассуждал Кандыбин. — В минуту опасности он должен проявить выдержку, хладнокровие...

— Есть такой человек, Дмитрий Яковлевич, — сказал Любушкин, — это Иван Шматко. Я хорошо знаю его, воевали вместе в составе Особого полка войск ВЧК на Украине по ликвидации банд Махно. Это смелый, волевой и находчивый командир. В последнее время он служит в Богучарском полку. Шматко в боевом строю с восемнадцати лет, начал службу в старой армии. Награжден Георгиевским крестом, но за распространение запрещенной нелегальной литературы подпрапорщик 3-го Финляндского полка Иван Шматко был разжалован, лишен всех наград и арестован. Был приговорен к смертной казни, целый месяц находился в камере смертников. Но выпал счастливый случай: ему с шестью товарищами удалось бежать из тюрьмы. Активный участник двух революций, гражданской войны. Несколько раз ранен, после госпиталей и лазаретов снова возвращался в строй... В Богучарском полку он служит начальником пулеметной команды. Не раз участвовал в сражениях, проявляя при этом смелость и героизм. В полку его любят за доброту, честность и справедливость.

Характеристика Шматко, данная Любушкиным, Кандыбину понравилась.

— Ну что ж, именно такой командир нам и нужен, — сказал он, — пригласите его ко мне.

Шматко вызвали в Воронеж, в губчека.

В кабинет председателя губчека Шматко вошел с робостью — шутка ли, к такому человеку вызвали. Доложил чуть осевшим голосом:

— Командир пулеметной команды Богучарского полка Иван Шматко.

Кандыбин из-за стола любовался им: подтянут, физически крепок, взгляд прямой, открытый. Командирские ремни ловко перехватывали черную кожаную куртку.

— О вас много рассказывал Любушкин, ваш боевой соратник, — начал разговор Кандыбин. — Он дал вам отличную характеристику. И, думаю, не ошибся.

Шматко молчал. Он понимал, что к председателю губчека его вызвали не за тем, чтобы похвалить.

— Думаем назначить вас, Иван Петрович, командиром конного чекистского отряда по борьбе с бандитами. Очень уж много развелось их в нашей губернии. Терроризируют уезды, грабят села, убивают коммунистов.

— Я знаю, — вставил Шматко.

— Ну вот, — Кандыбин откинулся на спинку стула. — Как вы на это смотрите? Мы предварительно обсуждали план действий, считаем, что начать бы надо вот с чего...

Кандыбин изложил замысел чекистов. Шматко он пришелся по душе.

— Ну что ж, в таком случае не будем терять время, — заключил беседу Кандыбин. — Поезжайте, Иван Петрович, в Богучар, мы дадим туда телеграмму — в уком партии и уездное ЧК. Вам помогут кадрами. Людей надо подбирать осторожно, проверенных, надежных. Не спешите с действиями, отряд надо сколотить человек в семьдесят пять — восемьдесят, обучить людей конспирации, поведению в селах, на людях. Держите с нами постоянную связь, берегите себя. Вы еще молоды... Вон орел какой! — И Кандыбин дружески приобнял Шматко, улыбнулся подбадривающе. — Действуйте, «батько Ворон»! Желаю успеха!

...Забравшись на нары вагона-теплушки, Иван Шматко размышлял о предстоящем деле — опасном и ответственном, о своей жизни, давшей вдруг такой поворот, о родной слободе Журавке того же Богучарского уезда, где прошли его юношеские годы. Как там теперь, на родине?

Мысли снова вернулись к заданию губернского чека... Быть «батькой Вороном»... Хм, придумали же ему имечко! Да что имя — Вороном надо стать, иначе не поверят бандиты, не клюнут на приманку.

Потом мысли опять перешли на Журавку. Сколько натерпелся ее бедный люд от царских генералов, особенно от Краснова. Уж полютовал генерал, попил людской кровушки. В восемнадцатом году Краснов превратил Богучар в «опорный пункт казаков для освобождения России от большевизма». «Освободители» очень скоро стали жестокими карателями. Вzbунтовавшуюся Журавку в один из декабрьских дней почти поголовно выпороли шомполами. Никого изверги казаки не пожалели — ни старых, ни малых. Восемьдесят пять человек после той порки остались лежать на снегу...

Точно так же красновцы усмиряли крестьян и в других селах. За несколько дней пребывания в Богучаре «освободители» расстреляли более трехсот ни в чем не повинных людей, двести тридцать подверглись жестоким пыткам, избиениям.

И Иван дал слово — мстить. Мстить за отца, убитого белогвардейцами, за смерть своих односельчан. Нет, прощения бандитам никогда не будет в его сердце! Раз так надо для дела — он станет «атаманом Вороном», будет воевать с бандами, не пожалеет для этого жизни.

IV

В Богучаре Шматко доложил в уюме партии о своем прибытии.

— Мы получили телеграмму губчека, ждем вас. — Председатель укома Морозов пожал руку Ивану Шматко, улыбнулся располагающе. — Окажем вам всяческую помощь и поддержку. Подберем и направим в отряд лучших коммунистов из числа богучарских чекистов, работников милиции и бывших партизан. Все будет как надо, батько Ворон!

Председатель укома очень хорошо понимал, каким делом предстояло заниматься этому молодому парню, какая опасность подстерегала его на каждом шагу. Ведь стоит только бандитам догадаться или хотя бы усомниться в том, за кого будет выдавать себя Шматко...

А Шматко говорил уже о деле:

— Начну создание отряда с родной Журавки. Там много моих однополчан и бывших партизан. Земляки поймут меня, кое кого можно привлечь к работе без опаски. Да и родных заодно проведу.

Возвращение Ивана Шматко в Журавку встретили без особого удивления. Многие то объявлялись дома, то снова пропадали. Время было такое. Про Ивана знали, что служил у красных; теперь же пошел слух, что, мол, знался с батькой Махно, набил там руку, хочет свой отряд организовать, погулять на воле. Слухам верили и не верили. Но Иван скоро перешел к делу: стал в людных местах выступать, звал «бороться с большевиками», сулил какую-то «свободу».

Вскоре к нему потянулись ходоки. Однажды ночью явился из лесу угрюмый заросший мужик, колючими недоверчивыми глазами прошупывал Шматко, осторожно выпрашивал: кто, откуда, зачем? О себе он не сказал ничего, мол, послали поспросить, а там «жись покажет».

Лесному человеку Шматко «признался» — дескать, прибыл с Украины, от самого батьки Махно, будет подымать народ на бунт и смуту, пока большевики не закрепились.

Мужик слушал, кивал. Смолил самокрутку, о чем-то медленно думал, а потом ушел. Дня через два Шматко узнал, что мужик этот из банды Романа Соколова и что главарь подсылал к нему лазутчика не случайно — хотел, видно, договориться о совместном разбое.

Пора было действовать более энергично. Шматко открылся Прокофию Соболеву — бывшему сослуживцу, тот без колебаний согласился помогать чекисту. Привлекли они к себе в помощники еще четырех журавцев — П. Дибцова, Т. Украинского, С. Соколова и П. Кобылкина. Они вместе со Шматко воевали на Украине против банд Махно. Люди эти были проверенные в боях, надежные. Скоро отряд пополнился новыми бойцами.

Боевое крещение «банда Ворона» получила спустя несколько дней. В Журавку прискакал небольшой отряд чекистов под командованием Мовчана. «Банда Ворона» затеяла с отрядом «перестрелку», Мовчан «не выдержал», увел свой отряд в Богучар.

Теперь для жителей села не было загадок: Иван Шматко — один из головорезов, от него надо держаться подальше.

...Долго не мог в эту ночь заснуть Шматко. Кажется, «бой» сегодня был удачный, чекисты ускакали во свояси, слух о «батьке Вороне» утвердился. Но не допустил ли он какой ошибки, не поспешил ли с формированием «банды», верят ли ему в той же банде Романа Соколова? Кажется, нет. Иначе давно бы кто-то явился, повел переговоры. Нет никого. То ли присматриваются, то ли уже знают, что он из ЧК, ждут момента, чтобы расправиться с «батькой Вороном», поиздеваться над ним.

Он стал уже дремать, когда вдруг услышал осторожный цокот лошадиных копыт. Цоканье все ближе, ближе... У сарая, где ночевал Шматко, всадник остановился, бесшумно спешился.

— Эй! Выходи, дело есть! — крикнули из темноты.

Шматко выглянул — всадников, оказывается, было много, они стояли наготове чуть поодаль.

— Руки вверх! — скомандовали откуда-то сбоку, и Шматко подчинился. И неожиданно для самого себя выматерил непрошенных гостей.

— Мать вашу!.. Чего нужно-то?

Всадники захохотали, шевельнулись на лошадях. Один из них приблизился к Шматко, слез с седла.

— Не бойсь, свои.

Иван узнал в стоявшем перед ним человеке дальнего своего родственника, Якова Каблучкина. Яков был в банде Курочкина начальником штаба.

— Здорово, что ли, Иван?!

— Здорово, Яков!

Всадники соскочили с лошадей, расселись на бревнах у дома Шматко; сел с ними и Иван, стараясь вести себя непринужденно, естественно.

— Что это ты, то у красных воюешь, то повстанцем хочешь стать? Непонятно, — спросил Яков.

— А чего тут непонятного? — удивился Шматко. — Жить хочу вольно, свободу люблю. Без нее русскому человеку — тоска. Ты вот живешь не тужишь, а я что ж, рыжий?

Бандиты сдержанно, но одобрительно загоготали.

— Выходит, ты неидейный? — уточнил Каблуч-

кин. — Это хорошо. Такой ты нам нужен. У нас, Ванюха, воля настоящая. Пей, гуляй — не хочу. Девку — какую захочь бери. Коня дадим, оружие. Только чтоб коммунистов изводил. Ну?

Шматко помедлил.

— Так что ж, Яков. Дело предлагаешь. Только... не один я, ты, видно, знаешь. Хлопцы у меня надежные имеются.

— Валяйте все к нам! Всех примем! — Каблучкин гостеприимно распахнул руки.

Вечером следующего дня решено было навестить банду Бачевского. Взяв с собой Соболева и еще девять человек, Шматко отправился в Рыжкий лес.

Пока ехали, он снова и снова обдумывал детали: как вести себя, что говорить бандитам, чтобы они поверили в его искренность, в его желание стать с ними в один ряд, чтобы добиться их доверия и расположения.

Бачевский встретил Шматко и его «банду» неприветливо, настороженно. Он знал Ивана по службе в Богучарском полку и в перерождение Шматко не верил. Было написано на физиономии Бачевского: знаю, мол, тебя, гусь лапчатый, на простачков рассчитываешь. Но мы тоже тут не лаптем щи хлебаем, понимаем, что к чему.

Но сомнения рассеял Яков Каблучкин. Он принативно дал Ивану Шматко отменную характеристику, напомнил, как «батька Ворон» выгнал из Журавки чекистов, и что «вообще это мужик нашенский»...

Бандитов у Бачевского было человек пятьдесят. Они только что вернулись из-за Дона, где ограбили небольшое село, занимались «делами»: ошипывали кур, играли в карты, пили самогон. Лагерь представлял собой отвратительное зрелище.

Бачевский, сидевший у слабо тлевшего костра, вдруг вскочил на ноги, выхватил наган, приставил его к виску Шматко. Заорал:

— Раздевайся, чекистская шкура! Руки! Оружие на-земь, ну! Думал, проведешь Бачевского, да? Раздевайся, кому говорю!

Шматко, растерянно оглянувшись на своих товарищей, стал раздеваться; остался уже в нательном белье.

Бачевский орал:

— Думал, поверил я тебе, красный командир? Байки твои на веру принял? Го-го-го... Говори, собака, зачем сюда явился, ну?

Не известно, чем бы кончилась эта сцена — Соболев и остальные товарищи Шматко уже похватались за оружие, да и бандиты были настороже, но в этот момент выскочил из-за кустов отлучившийся по нужде Каблучкин. Он подскочил к Бачевскому, рванул на себе рубаху.

— Не веришь, да? Не доверяешь, выходит, и мне? Гляди, атаман, худо тебе будет. Батьке Курочкину скажу, в расход он тебя пустит, дурака.

Бачевский отступил от Шматко, сунул наган в карман галифе. Хохотнул:

— Попужать нельзя. Ишь, заступник! Но гляди, Яшка. В случай чего, твоя башка покатится. Никакой Курочкин не поможет.

Дальше беседа их пошла мирно. Бачевский хвалился своими «победами» над коммунистами и активистами.

— Мы тут недавно отомстили одному комиссаришке в Меловатке, — продолжал он. — Долго нас будут помнить. Вот и сейчас надо бы потрясти одно село, где засели коммунисты. Не поможешь, атаман?

— Поможем, — пообещал Шматко. — Людей я еще соберу, твоих вон полусотня. Вдарим так, что долго помнить будут!

Распрощались они с Бачевским «дружками». А по дороге в Журавку Шматко отделился от своего отряда, заскочил в село Бычек, где ждали его чекистские связные...

На рассвете отряд Шматко и чекисты, подоспевшие из Богучара, наголову разбили банду Бачевского. Растерявшись, бандиты побросали оружие, пытались бежать, но сделать этого никому не удалось. Сам Бачевский был ранен. В бессильной ярости скрипел зубами, по-страшному матерился, проклиная Яшку Каблучкина со всей его «красной родней».

Бачевского под усиленной охраной отправили в Воронеж, в губчека. Так отряд Шматко, выросший уже до восьмидесяти пяти человек, получил первое боевое крещение. Он сполна рассчитался за грабеж и насилие над крестьянами Новомеловатки, за смерть комиссара Талалайко и сельских активистов.

Вскоре отряд пополнился новыми людьми. Из богучарских чекистов в него вошли: В. Донской, М. Таковой, И. Марченко, А. Храпко, М. Дмитриев и другие. Пришли в отряд и работники богучарской милиции: П. Дибцов, И. Бондарев, И. Тынянский, Ф. Шаповалов. Из бывшей банды Бачевского Шматко отобрал несколько человек — такие люди нужны были отряду.

Укрепился отряд Шматко-«Ворона» и организационно. Заместителем командира был утвержден П. Соболев, начальником штаба — молодой чекист Ф. Дегтярев, командиром эскадрона — М. Веремеев, командиром взводов В. Донецкий и К. Лелекин.

В отведенные для учебы часы «батька Ворон»ставлял своих бойцов:

— Помните, что ни при каких обстоятельствах нельзя проговориться, иначе вся наша затея рухнет. Мы — «махновцы», прибыли сюда по заданию батьки бороться с большевиками...

Слух о «боевых действиях» «батьки Ворона» быстро распространился по Павловскому, Калачеевскому и Богучарскому уездам. К Ворону потянулись за поддержкой и помощью другие банды. Постепенно Иван Шматко становился как бы «верховным» среди них. А потом «вдруг» на отдельные банды нападали чекисты...

Так за короткое время перестали существовать тринадцать банд общей численностью около двух тысяч человек. Главари их Бачевский, Вихров, Соколов, Змеев... один за другим попадали в руки чекистов или погибали при боевых действиях. Но гуляли еще на свободе матерые батьки: Курочкин, Бондаренко, Безручкин, Фомин...

V

После небольшого отдыха отряд Шматко ночью отправился на хутор Стеценко, что в тридцати пяти верстах западнее Богучара. По сведениям верных людей где-то в этих краях обитала банда Бондаренко.

«Батько Ворон» написал совместно с начальником штаба Дегтяревым воззвание к главарю банды, в котором пояснял, что он-де прибыл с Украины от Махно для формирования разрозненных отрядов «повстанцев»,

предлагал объединиться. Воззвание это было передано через местного кулака, знавшего, где прятался Бондаренко, но тот осторожно ответил, что надо, мол, встретиться, потолковать. И назначил место встречи: у балки в трех верстах от деревни Цапково.

В назначенное время представители отряда и банды встретились. На словах договорились, что будут объединяться, но чекисты чувствовали, что Бондаренко и его помощники что-то затеяли. Предположение скоро подтвердилось.

На хутор Дубовиков, где ночевал отряд Шматко, прискакали ранним утром нарочные от Бондаренко, передали «атаману Ворону» послание, в котором предлагалось совместными усилиями сделать налет на Таловский волисполком, уничтожить его работников. Причем Ворон должен был сделать это практически своими силами, люди же Бондаренко в основном будут наблюдателями.

Прочитав послание, Шматко собрал «банду» и в присутствии людей Бондаренко сказал:

— Вот, не доверяет нам атаман, трусами нас, что ли, считает... Ну что, братва, покажем, как надо драться?

— Покажем! Веди, батька!

— Пустим красным кровицу!

— Пусть поглядят, как махновцы действуют! — вопили «бандиты» «батьки Ворона».

Тут же последовала команда: «По коням!» И отряд тронулся в путь.

По дороге успокоенные гонцы Бондаренко разоткровенничались, хвастались своими зверскими расправами с коммунистами, советскими работниками. Многие «вороновцы» едва сдерживали себя...

Налет на волисполком решено было сделать на рассвете. Шматко поручил Дегтяреву ночью добраться до села Талы, предупредить председателя волисполкома о готовящейся операции, договориться с ним о совместных действиях. «Банду Ворона» надо встретить огнем.

...Наступали на Талы с трех сторон.

Под огнем местного отряда бандиты Бондаренко застряли у дороги. «Встреча» была неожиданной. И тут же вихрем налетел на них «батько Ворон», замахал нагаком над их головами:

— Вы что это, мать вашу, разлеглись?! Мои ребята волисполком уже заняли, а вы вылеживаетесь!.. Вперед, ну!

Бандиты неохотно поднялись, потрусили по дороге. Местный отряд, как это и было условлено, отступил в сады.

«Банда Ворона» ворвалась в село, окружила волисполком, где никого уже не было. Полетели бумаги, хрястнул стул...

В это время со двора заскочил в дом какой-то человек, радостно кинулся навстречу «батьке». Вытянулся перед ним по-военному:

— Я подполковник старой армии Панов. Рад приветствовать вас, батько Ворон, поздравляю с победой и разгромом красной сволочи. Председатель волисполкома и его люди скрылись вон там. — И вздрагивающей от нетерпения рукой он показал направление.

Шматко лихорадочно соображал, как же поступить с этим «помощником». Приближались люди Бондаренко, ситуация могла измениться не в пользу чекистов.

— Ты, красная сволочь, — заорал на Панова «батько Ворон», — почему не задержал председателя волисполкома?!

— Да я... Мы... — стал было мямлить Панов трясущимися губами и рухнул на землю от выстрела в упор.

Бандиты Бондаренко, окончательно теперь поверившие в «Ворона» и его людей (им сказали, что убили председателя волисполкома), с радостью принялись за любимое свое дело — грабеж. Но вскоре на улице раздались выстрелы. Один из бойцов Шматко доложил:

— Батько, на нас наступают пехотинцы с пулеметом!

— По коням! В бой не вступать!.. Назад! — подал привычную команду «батько Ворон», и банда «трусливо» помчалась из села.

Авторитет «Ворона» еще больше укрепился. Бандиты Бондаренко умчались — доложить атаману о «совместных боевых действиях». А доложить было что: разгромлен Таловский волисполком, «убит» его председатель...

Да, «батько Ворон» — настоящий махновец, ему можно верить!

Слух о «батьке Вороне» быстро распространился по округе. Разведчики в селах доложили, что в бандах Серобабы, Безручкина и того же Бондаренко поговаривают о соединении с «героическими махновцами» — очень уж лихие ребята. Но батьки все же медлили, опасались чего-то. Тогда Шматко сам разослал им письма с предложением объединиться, назначал и место встречи — село Ивановку.

«Приедут, нет? Кто знает...»

И все же в условленный час потянулись в Ивановку группы «парламентариев» — от Серобабы, Безручкина, Бондаренко, Назарова... Около четырехсот головорезов собрались на площади у церкви. Все эти люди — из кулаков, дезертиров, уголовников — были полны ненависти к Советской власти, жаждали мести, крови, убийств...

С интересом приглядывались к «Ворону»: что за человек? А Иван Шматко приглядывался к ним, искал глазами «верховных», запоминал их.

Самого главного, Безручкина, не было. Хитрил бандюга, осторожничал.

Шматко взял инициативу в свои руки. Велел всем командирам собраться в доме попа. Пока шло совещание о «совместных действиях», кто-то из бандитов поджег дом местного милиционера. Отблески красноватого огня заметались на стенах поповской горницы.

«Ворон» выскочил на улицу, в хвост и в гриву чехвостила «самоуправство», призывал к порядку и дисциплине.

Всю ночь шло совещание. Банды не очень-то стремились к объединению: каждой хотелось оставаться независимой, самостоятельной. Так легче было прятаться, заниматься грабежом. Лишь один Серобаба не колебался, охотно поступил под начало «батьки Ворона», но просил, чтоб назначили его командиром конной разведки, что и было оформлено соответствующим приказом.

Написал «Ворон» и еще один приказ: через неделю всем бандам прибыть в район села Цапково, «для координации действий». Пошла депеша и в губчека.

...Теперь Бондаренко сам стал искать связи с «Вороном». Он сообщал ему, что в Калитву прибыла зачем-то крупная воинская часть — пехота и кавалерия; пред-

лагал совместными усилиями разгромить красных. «Ворон» дал согласие, но начало боевых действий оттянул на утро...

На рассвете банды Бондаренко, Назарова и «Ворона» стояли в балке под Калитвой. Ждали сигнала к наступлению. И он раздался.

Крепко досталось в этом бою бандитам. Красные действовали решительно, смело, напористо. Отряд бандитов редел на глазах, и батьки растерялись...

В балку, где сбились остатки банд, прискакал со своим отрядом «Ворон».

— Вам только баб щупать да курей воровать! — напустился он с руганью на Бондаренко. — Вояки!.. Нужно было нажать с фланга, красные бы отступили, у них там слабинка, а вы... Эх! Теперь надо уносить ноги, в следующий раз мы им покажем! По коням!

Растерянные бандиты подчинились «батьке Ворону», признали за ним силу. Бондаренко безропотно стал выполнять приказы Шматко — авторитет его в своей банде рухнул.

Всю ночь водил «батько Ворон» остатки разгромленных банд по окрестным степям и оврагам: «заметал следы». Водил до тех пор, пока бандиты не взмолились:

— Да дай ты передохнуть, черт! Никто нас теперь не съест, уже верст сто с гаком отмахали!..

«Ворон» смиловился. Бандиты в изнеможении попадали на землю...

В сторонке полушепотом шло короткое совещание:

— Их восемьдесят два, Иван. Нас... сам знаешь.

— Разоружить спящих. Тогда и...

— Рискованно, проснутся.

— Действуйте!

И склонялись над спящими бандитами тени, тихонько тянули из рук наганы, винтовки, обрезы... Многие остались уже без оружия, как раздался вдруг душераздирающий крик:

— Нас предали, братцы! Разоружают!!!

Началась паника, потасовка, раздались выстрелы...

Скоро все было кончено. Сорок пять пленных бандитов во главе с Бондаренко, связанные, шествовали под конвоем чекистов в направлении Богучара...

Полетела в Воронежскую губчека новая телеграмма.

VI

Хитер и осторожен был главарь Безручкин. Бывший кадровый офицер царской армии, он хорошо знал тактику, уходил от прямых стычек с красноармейскими отрядами, не спешил объединяться с другими батками. Но все сильнее сжималось кольцо вокруг банд, все активнее действовали красноармейские и чекистские отряды. Противостоять им можно было лишь крупными соединениями, организованными повстанческими отрядами.

Безручкин написал «батке Ворону»:

«...Сообщаю, что вернулся из Тамбова, от Антонова. Получил от него указания. Прошу пожаловать ко мне вместе с начальником штаба. Жду вас в Дерезоватой, в три часа. С отрядом не приближайтесь, иначе будет открыт огонь. Приезжайте вдвоем. Нам надо договориться о совместных действиях».

Шматко задумался. Не ловушка ли это? Похоже, что «батку Ворона» уже разоблачили и теперь зовут на расправу...

Думали всем штабом. Да, могло быть и так, что «Ворона» раскрыли — ведь одна за другой банды попадают в руки чекистов, а «Ворон» гуляет себе...

И все же Шматко решил ехать. Задание губчека было выше всего.

Прощались скупой, без лишних слов. На лицах провожавших была тревога: увидят ли снова своего командира?

Поехали к Безручкину вдвоем — Шматко и Дегтярев. Скакали к Дерезоватой на добрых конях, разговаривали:

— Ну, Федор, держись. Случится что — не дрейфь. Живыми им в лапы не дадимся.

— Не думай об этом, Ваня. Уговорить надо этого гада Безручкина. Чтоб поверил нам.

— Будем стараться.

Их встретил у въезда в село конный разъезд во главе с заместителем Безручкина. В окружении бандитов Шматко и Дегтярев проскакали по селу к штабу.

Из дома попа навстречу гостям вышел сам Безручкин — пожилой, с генеральской бородой, щеголевато-торжественно одетый: в военном кителе, в суконных

шароварах с генеральскими лампасами, в кавалерийских сапогах со шпорами.

Безручкин сошел с крыльца, подал руку «батьке Ворону», обнял его.

— Пошли в дом, командир.

И повторил приглашение Дегтяреву.

«Ох лиса! — думал Шматко, улыбаясь в ответ, стараясь вести себя естественно. — Мягко стелешь, атаман... мягко».

В комнате, куда они вошли, было полно бандитов. Безручкин представил гостей, и «хозяева» загомонили приветственно, заухмылялись: кажется, никто из них не верил, что «батько Ворон» — настоящий.

— Ну, братцы, выпьем за благополучие нашего общего дела! — предложил Безручкин. — За нашего гостя, брата Ворона!

Самогон был крепок.

Выпили по второй, потом еще. По всему было видно, что Безручкин задумал спить «брата».

Шматко отодвинул очередной стакан.

— Все, хорош! Не за этим сюда приехали.

Безручкин внимательно, с ехидцей в желтых глазах смотрел на Шматко.

— А зачем, брат Ворон? Не за моей ли головой? А?

И выхватил вдруг из кобуры наган.

Шматко спокойно отвел его руку.

— Если через два часа я не вернусь к своим, ни одного из вас в живых не останется.

Безручкин заколебался. Убрал наган.

— Оставьте нас тет-а-тет, — распорядился он, но бандиты не поняли мудреного этого барского слова, лупили на «парламентариев» глаза.

— Вон! — заорал Безручкин и кулаком ахнул по столу. — Кому сказано?!

На переговорах остался и Дегтярев. С двух сторон стола с наганами наготове стояли два бандита.

Разговор Безручкина со Шматко был похож на допрос. Безручкин спрашивал все: где Иван родился, где служил, почему из красных пошел в банду батьки Махно, за что ненавидит Советскую власть, как думает продолжать борьбу...

«Ворон» обстоятельно ответил на все вопросы Безручкина.

Тот довольно шевельнулся на своем месте.

— Ну что ж, брат Ворон. Вижу, наш ты человек. Можно тебе верить. — И жестом велел телохранителям убрать оружие.

Безручкин поднялся, стал рассказывать по затоптанному полу горницы, рассуждал вслух:

— Командиром, брат Ворон, оставайся ты. Я буду... ну, политическим руководителем; это сейчас важно: всякие штатания могут быть, перегибы. За людьми пригляд нужен. А насчет объединения с другими отрядами... Что ж, давай, командир. Я подскажу атаманам.

Шматко пригласил Безручкина к себе — погулять, потолковать о делах. Тот, поколебавшись, согласился. Взял с собой человек пятнадцать, легко вспрыгнул в седло. Поскакали.

— Уж я потешился над этими красными, — с хохотом рассказывал Безручкин «брату Ворону». — Политической работой у батьки Колесникова руководил. Председателя губчека Алексеевского и губвоенкома этого, Мордовцева, по моему приказу зарубили... Вот их удостоверения, на память держу. Не простые: красивые...

Безручкин рассказывал, а у Шматко дрожало все внутри.

«Все равно, гад, не уйдешь теперь, — сцепив зубы, думал он, — хоть сам погибну, а за товарищей тебе отомщу...»

За бугром их ждал отряд Шматко. Бандиты бросились «к своим», началось братание, объятия...

Безручкин тут же открыл митинг. Говорил он складно, пространно: о несостоятельности Советской власти, о «коммунистах-мародерах», которых народ ненавидит...

Именно в этот момент и бросился на Безручкина Иван Шматко...

Завязалась рукопашная схватка. Опешивших бандитов кого связали, кого зарубили шашками.

Безручкин, связанный по рукам и ногам, уложенный в телегу, страшно скрипел зубами.

— Перехитрил, красная сволочь!.. Старого дурака вокруг пальца обвел! Тьфу!..

Спустя месяц Иван Шматко докладывал в губчека, Кандыбину, о ликвидации банд.

Похвалив «батьку Ворона» за смелость и находчивость, Кандыбин долго расспрашивал его о положении на юге губернии, об оставшихся еще бандах, о том, как относится к ним население сел, о взаимодействии отряда Шматко с уездными подразделениями ЧК.

Членами коллегии губчека было сделано представление правительству о награждении Ивана Шматко, Прокофия Соболева, Федора Дегтярева орденом Красного Знамени. Все бойцы отряда были награждены ценными подарками.

А на следующий день «батя Ворон» снова ехал на юг губернии продолжать борьбу с бандитами.

К середине 1922 года вся Воронежская губерния была полностью очищена от многочисленных банд. Десятки банд были разгромлены. Около двенадцати тысяч бандитов обезврежено. Тридцать два главаря и организатора банд были взяты в плен, доставлены в губчека и после допросов предстали перед судом революционного трибунала.

В приказе Главного политического управления от 16 августа 1922 года, отметившем заслуги чекистов Воронежа по ликвидации бандитизма, сказано:

«...Итоги борьбы с бандитизмом на территории Воронежской губернии за 1921—1922 годы показывают, что сотрудники Воронежского губотдела ГПУ и бойцы Первого отдельного кавалерийского эскадрона войск ГПУ, от которых требовалась огромная затрата сил и энергии, большая самоотверженность, находчивость и особая ухищренность, — вполне справились со своей задачей и по всей линии борьбы с бандами вышли победителями...»

Этим приказом Воронежскому губотделу ГПУ и Первому отдельному кавэскадрону войск ГПУ была объявлена благодарность. Многие бойцы отряда награждены именными револьверами «маузер». Часть бойцов награждена полным комплектом обмундирования, сапогами. Семьям чекистов, павших в боях с бандитами, оказана материальная помощь.

По распоряжению губисполкома и губотдела ГПУ всем бойцам отряда выдали по лошади, по восемнадцать пудов ржи, вспахали и засеяли их землю.

За большие заслуги в борьбе с бандитизмом в марте 1923 года Президиумом ВЦИК воронежские чеки-

сты М. И. Любушкин, И. П. Шматко, Ф. Ф. Дегтярев, М. Е. Веремеев, З. К. Аргов, П. Д. Дибцов, В. М. Орлов-Потако и другие были удостоены высшей награды республики — ордена Красного Знамени.

* * *

Воронежские чекисты свято чтят память представителей старшего поколения. В комнате Боевых традиций ВЧК — КГБ, которая находится в Управлении государственной безопасности, бережно хранятся подлинные документы первых воронежских чекистов: Михаила Любушкина, Ивана Шматко, Федора Дегтярева и многих других. Здесь их фотографии, удостоверения личности, награды: боевой орден Красного Знамени, клинок в серебряной оправе, сабля, именной пистолет «маузер».

**За свободу
и независимость
Родины**

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

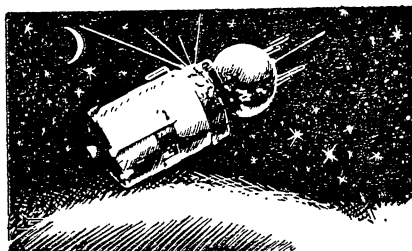
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Василий Лебедев-Кумач

К.Феоктистов, И. Бубнов
О ДОБЛЕСТИ,
О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

Меня известили о том, что создается книга о буднях воронежских чекистов, в которой предложено принять участие и мне. Я глубоко тронут этим предложением и не возражаю против помещения в сборник главы из нашей совместно с Игорем Бубновым написанной книги «О космолетах», в которой описана моя разведывательная работа в годы войны в Воронеже.

Приятно отметить, что наряду с непосредственной своей деятельностью сотрудники УКГБ СССР по Воронежской области должное внимание уделяют и военно-патриотической работе, воспитанию молодежи на славных традициях ВЧК — КГБ, на героическом примере коммунистов-чекистов старшего поколения. Это я рассматриваю как конкретное участие в выполнении решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

К. Феоктистов.

Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Константин Петрович Феоктистов первый подвиг совершил в годы Великой Отечественной войны как разведчик органов госбезопасности. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР наградил К. П. Феоктистова орденом Отечественной войны I степени.

Среди многих наград есть у космонавта К. П. Феоктистова и почетный нагрудный знак «50 лет ВЧК—КГБ».

...Человечество нечасто придумывает новые профессии. А придумав, быстро делает их если не массовыми, то распространенными, обычными. Исключение — профессия космонавта. 20 лет остается неизменным ее изначальное свойство — уникальность. За два десятка лет в космосе побывало немногим более ста человек.

...По-моему, Константин Петрович, так будет всегда. По крайней мере, долго еще участие в космическом полете будет считаться подвигом, требующим проявления личного мужества. И в этом нет никакого преувеличения. Особенно отчетливо ощущаем мы теперь, насколько высоким был этот подвиг в 60-е годы, когда техника пилотируемых кораблей только становилась на ноги, когда каждый виток полета таил в себе неизвестность. Взять «Восход». Три человека в небольшой кабине корабля, без космических скафандров должны были доказать своим полетом способность космической техники быть едва ли не абсолютно надежной. Но ведь абсолютно надежной техники не бывает...

— Космонавты не любят, когда их называют героями. Когда с этим сталкиваешься, ощущаешь неловкость, даже двусмысленность положения. Протестовать неудобно, выглядит вроде бы ханжески, не реагировать — значит соглашаться. Космонавты делают испытательную работу, это их профессия. Конечно, работа эта разная, требует разных условий и подготовки, разной степени выдержки и терпения. Я лично восхищаюсь первыми космонавтами, которые летали в одиночку. Огромное уважение вызывают у меня те, кто вдвоем способен прожить и проработать в замкнутом изолированном помещении станции многие месяцы.

— Я понимаю неловкость, о которой вы говорите. Это нормальная человеческая скромность, такая реакция свойственна каждому здравомыслящему человеку, когда о нем, о его делах говорят высокие слова. Но ведь эти слова — если они по делу, если нечрезмерны и умны — нужны всем другим людям. Так что, думаю, героям-космонавтам придется потерпеть. Но что такое вообще героизм? Иногда кажется, что это понятие настолько емкое и многогранное, что ему вообще нет определения. Как понятие «любовь». Увидеть, постичь суть героизма, мне кажется, совсем не просто.

— Я думаю, понятие «героизм» существует и оно вполне определено. Но слово это действительно замет-

но девальвировано от частого употребления. Что вы, Игорь Николаевич, вкладываете в понятие «подвиг»?

— Поступок, действие, непременно сознательное, во имя какой-либо высокой цели, связанное (осознаваемо!) с принесением в жертву своей жизни или с риском для нее, с риском для здоровья или вообще больших утрат личного свойства.

— Вот именно — сознательное действие, осознаваемый риск. А иногда это понятие отождествляют либо с безрассудной решимостью, либо с такими качествами, как мужество и смелость или даже просто терпение.

— Мужество, мне кажется, великое качество, и проявить его тоже дано не каждому! И уж, во всяком случае, не в каждой требующей того ситуации.

— Раньше, в детстве, мне казалось, очевидно, под воздействием не самой лучшей литературы, что мужество — это особый дар человека, дар едва ли не от рождения: ничего не бояться, не оглядываясь на опасности, идти вперед к своей цели. Такие люди достойны восторга масс и гимнов в свою честь. И тогда же, в детстве, я обнаружил, что я к таким людям не отношусь. Более того, я себя и смелым-то не считал.

— Давайте, это очень кстати, поговорим о вашем детстве. Оно, вероятно, было непростым — вам пришлось лицом к лицу столкнуться с войной. Итак, Воронеж?

— Да. Жили мы на окраине города. Отец работал бухгалтером и читал лекции на бухгалтерских курсах. Помню, очень часто вечерами он засиживался дома за письменным столом, на счетах щелкал до полуночи. Уже потом как-то я у него поинтересовался, почему ему приходилось так много работать. Выяснилось, что сотрудники отдела, где он работал, были неспециалистами и допускали множество ошибок. И ему, как главному бухгалтеру, приходилось постоянно за них пересчитывать. Мама чаще не работала: слишком много забот доставляли ей мы, сыновья. Но кроме домашнего хозяйства занималась она все время какой-то общественной работой. Одно время даже депутатом горсовета была. К родителям относился уважительно. Я был у них любимчик. Правда, делами моими и увлечениями никто особенно не интересовался — у всех была масса своих забот. Мой брат Борис был старше меня на четыре года, и учился он так себе, вечно где-то на улице пропадал. Я, наоборот, отметки приносил очень приличные,

много читал, домоседом был. Мать меня иногда даже выгоняла на улицу погулять. С братом мы были большие друзья, хотя часто ссорились, дрались, но быстро мирились. Он был остроумен, и я ему в этом завидовал. Когда ему шестнадцатый год пошел, он стал от меня отделяться, отношения наши начали на нет сходить. После 9-го класса они с приятелем ушли из школы и поступили в Сумское артиллерийское училище. Выпустили их, 19-летних, 11 июня 1941 года. Назначение получили в Западный военный округ. Все, больше о нем ничего не знаем. После войны уже получили мы известие: Борис Петрович Феокистов пропал без вести на фронте в сентябре 1941 года.

— Как для вас началась война?

— Мне тогда шел 16-й год. Помню, 22 июня слушал по радио речь Молотова и был совершенно спокоен — сотрем мы этого Гитлера в порошок в два счета. Хорошо бы на фронт как-нибудь попасть, пока война не кончилась. Война почему-то все не кончалась. Занятий в 9-м классе уже почти не было. В словах «наши отступают» был, казалось, весь смысл жизни тех дней. Объявили в городе запись в истребительные батальоны — ловить диверсантов. Мы с приятелем тоже пошли записываться. Но нас не взяли: не комсомольцы. Тогда я подал заявление в комсомол, меня приняли, потом записали в батальон и направили на дежурства.

В июне 42-го призвали отца (до этого у него была броня). Кстати, прошел он от Сталинграда до Берлина всю войну сапером и — самое удивительное — ни разу всерьез ранен не был. Тогда же, летом, немцы начали Воронеж бомбить. Вот с этого момента, по-видимому, мое детство кончилось — стало понятно, что идет тяжелая война. Налеты — по несколько раз в день, в городе начались пожары. Многие стали покидать город, и мать тоже решила, что надо нам уходить. Дом у нас был свой. Забили мы окна и двери досками, взяли с собой корову и пошли вместе со всеми через Чернавский мост на левый берег, на восток. Собака наша за нами увязалась, а кот Билли-Бонс не пошел, в доме остался. Хотя с собакой он очень дружил, даже спали они рядом. Потом, когда я уже в оккупированный город через линию фронта вернулся и зашел домой, кот наш откуда-то выскочил. Узнал меня, жалобно промяукал, погладился у ног и опять куда-то скрылся.

Прошли мы с мамой Придачу, Рождественскую Хаву и остановились в какой-то деревне на ночевку. Очень мне хотелось остаться в прифронтовой полосе. Но жалко было мать одну оставить. И все же я решился: дойдем до безопасного места, и я уйду обратно. Двое суток мы шли так в потоке беженцев, и на третий день, когда мать ушла в соседнюю деревню что-то обменять на еду, я написал ей записку, что должен быть там, в Воронеже. И ушел.

Еще весной приятель мой Валька Выприцкий — мы сверстники были, но он был выше меня, покрупнее — под большим секретом рассказал, что он выучился на разведчика и что, если я тоже хочу выучиться ходить в разведку через линию фронта, я должен обратиться в облуправление госбезопасности. Конечно, я туда тотчас же помчался. То ли фигурой своей им не показался, то ли еще что, но меня не взяли. И вот по дороге в Воронеж — по методу «язык до Киева доведет» — нашел я уже далеко за городом облуправление НКВД. И даже подполковника того встретил, звали его Василий Васильевич Юров. Напомнил ему о себе, и тем же вечером в машине мы поехали в сторону Воронежа (в городе уже были немцы). Было это 6 июля, и вез Юров, как мне показалось из разговоров, знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!». В небольшом лесу перед самым городом на полянке нашли штаб.

Здесь я получил первое задание: пробраться в город и уяснить, что там происходит. Дело в том, что четкой линии фронта вблизи города не было, и в городе — было слышно — шел бой. Последним инструктировал меня очень молодой генерал в кожаной куртке, кажется, танкист: «Посмотри, есть ли в городе танки, где они, сколько. На случай встречи с немцами придумай легенду». Совсем недавно я прочитал одну книжку и подумал: вполне возможно, что это был Черняховский! Впрочем, может, я ошибаюсь.

— Черняховский как раз в эти дни командовал на Воронежском фронте 18-м танковым корпусом, а с июля — 60-й армией. Так что вполне возможно... Вас зачислили в часть?

— Наверное, хотя как и кем я там числился — не интересовался. На довольствии я был в разведгруппе при Воронежском гарнизоне.

— Итак, навстречу врагу... Страшно было?

— Поначалу совсем нет. Было раннее, очень ясное утро, но город, лежащий на высоком правом берегу реки, горел, и над ним — пелена дыма. Зрелище было необычным, жутковатым. Километра четыре прошел я по пойме, дошел до излучины против Архиерейской рощи, снял сапоги и куртку и спрятал их на берегу в кустах, приметил место. Поплыл. Ширина реки была метров двадцать — тридцать. Вблизи берега немцы меня, очевидно, заметили и стали стрелять, но сбоку, с горы и издали — с километр до них было примерно. Попасть, конечно, никак не могли.

У самого берега пули довольно близко ложились. Выскочил на берег и залег. Потом побежал, но опять началась стрельба. До откоса, на котором начинался город, было еще далеко. Сделал несколько перебежек. Пока лежал, смотрел вверх, на город — видел Архиерейскую рощу и железнодорожную насыпь. Вдруг вижу танки — несутся прямо по рельсам, от центра города к окраине. Скрылись за деревьями, и там, куда они умчались, сразу же началась артиллерийская стрельба. Смотрю — возвращаются танки, два из них горят. Наши! Не удалось им прорваться из города! Сердце прямо сжалось от обиды. И потом уже на улицах города увидел я несколько подбитых и подожженных наших танков... Постепенно, перебежками приближался к городу. Вдруг слышу: «Хенде хох!» Три немца с автоматами вышли навстречу. Повели меня наверх, в рощу, а там уже сплошь немцы. Один по-русски меня спрашивает: «Куда идешь?» Выдаю ему придуманное заранее: «Вернулся в город, чтобы разыскать мать». Посадили меня в коляску мотоцикла и повезли. Места все знакомые. Привезли в городской парк, вижу — штаб и вокруг машины всякие. («Смотри, — говорю себе, — и все запоминай!») Стали допрашивать. Но я свое гну: «Шел домой на Рабочий проспект, ищу мать». Снова посадили в мотоцикл и повезли в Бритманский сад — там оказался еще какой-то штаб. Тот же вопрос и тот же ответ. Приказали: «Ждать!» Потом дали ведро: «Принести воды!» Пошел к колонке, там никого вокруг не было, оставил ведро и не торопясь, чтобы не привлечь внимания, ушел...

— Откуда выдержка?!

— Какая выдержка? Как было иначе вести себя? Сделал круг по городу. Немцев всюду было много. Но

кто они? Каких частей? Знаков различия не знаю. Неважный был я разведчик! Приметил только самое простое: где штабы (много машин, подъезжают и отъезжают), где батарея стоит, где танки. Прошел мимо своего дома, снова пошел в центр и напротив него вышел к реке. Спрятался в кустах и стал дожидаться темноты. Только хотел к воде сойти — патруль! Переждал. Потом немцы еще раз прошли. После этого я подполз к берегу и переплыл на ту сторону. Бегом через пойму на Придачу. Долго штаб свой искал, не нашел, попал в какую-то часть, куда за мной машину прислали и отвезли к своим. Все я им рассказал: где что видел. Хвалили меня, кто-то даже пообещал к ордену представить.

— Интересно, насколько командование могло доверять столь непрофессиональному, хотя и бесстрашному, разведчику?

— Доверие, конечно, само по себе возникнуть не могло. Наверное, разведчиков вроде меня посылали не раз. Если данные сходились и были полнее предыдущих — так, видимо, было у меня — значит, хорошо, доверять можно. Но были ведь, наверное, — чего греха таить — разведчики и незадачливые.

— Ну, хорошо, в первый раз все удачно обошлось. Но в следующий раз пострашнее должно бы быть.

— О страхе снова ничего сказать не могу. Был он, наверное, не могло без него быть. Но подавлялся он как-то — то ли по несознательности мальчишеской, то ли азартом каким-то, то ли, наоборот, расчетливостью в действиях, которая у меня тогда вдруг ясно прорезалась.

В следующий раз нас послали вдвоем с одним стариком, с которым я раньше не был даже знаком. Я сначала решил, что он опытный разведчик, но потом увидел, что ведет он себя как-то странно, на мой взгляд, даже глупо. Кончился бы мой поход в город с ним печально, но перейти фронт нам не удалось: там, куда мы пришли (кажется, это был поселок сельхозинститута), начался бой. Наткнулись мы на какую-то нашу часть — оказалось, разведчики. В штабе, куда нас привели, и понятия не имели, что существует Воронежский гарнизон со своей группой разведки. Но нам-то в тыл врага надо. Командир группы объявил: «Скоро в атаку на танках пойдем и вас туда забросим». Но вдруг по-

явился другой офицер, побеседовал с нами, и... нас задержали. Отпустили только через четыре дня.

Через десять дней меня снова послали на ту сторону, и все прошло удачно. А вот в третий раз дело обернулось трагически. Началось с того, что объявился вдруг Валька Выприцкий. Был он где-то в тылу немцев, с трудом выбрался и теперь находился, как заявил, на отдыхе. Неожиданно нас обоих вызвали к командиру и предложили пойти в город вдвоем. План перехода мы разработали хорошо и на рассвете оказались в городе. Ночью полковые разведчики проводили нас в дом, стоящий на нейтральной полосе, между нашими частями и немцами.

Дом стоял на окраинной улице, вблизи городского парка (незадолго перед этим наши пытались там наступать, и им удалось зацепиться за окраину), и когда наступило утро, мы с Валькой спокойно вышли из этого дома и направились в сторону немцев. Походили по улицам, немало интересного увидели. В частности, развешанные всюду листовки немецкого приказа об эвакуации мирного населения из города (внизу — «За неповиновение — расстрел!»). Это могло означать, что немцы собираются оставить Воронеж.

Валька меня слегка раздражал ненужным ухарством. Подойдет вдруг к немцу и попросит закурить. Зачем это разведчику? Пытаюсь его образумить, а он только ухмыляется — знай, мол, наших. Надо возвращаться. Я за свой привычный маршрут — ночью через реку, Валька же настаивает вернуться тем же способом, что и пришли. Я стал его убеждать: одно дело, когда в город шли, — немцы легко пропустили мальчишек, не опасны, да и не до нас им было, и совсем другое, когда к своим будем пробираться, могут задержать. Но Валька уперся, и я ему подчинился: он же старшим был. Долго я потом за это смирение укорял себя — все случилось, как я и опасался.

Только вышли на улицу перед парком, как тут же на нас выскочили немцы, схватили за руки, что-то кричат, — кто такие, мол, и куда идете? У нас за пазухами яблоки, показываем их, говорим: рвать ходили. Повели нас на холмик небольшой, там пулемет стоит, дали две лопаты — копайте! Только начали — вдруг раздается выстрел. Я оборачиваюсь — Валька лежит с пробитым виском. Мертвый. Началась перестрелка, и я

ушел. Дождался ночи и через реку вернулся к своим.

Смерть Вальки была для меня первым сильным потрясением. До этого я уже повидал немало трупов людей, но то были чужие, незнакомые люди, а тут лежал свой, близкий парень...

На следующий раз город встретил меня странной пустотой: местных жителей не видно, одни немцы бродят. Вспомнил о том приказе немецком и понял, что теперь будет очень трудно, просто так по улицам не походишь. Пришлось дворами идти, сквозь заборы посматривать. Что надо, все-таки увидеть удалось, и направился я назад. Перелезаю через очередной забор, прыгаю в какой-то дворик и с ужасом вижу перед собой двух здоровенных немцев. Ну, думаю, все, попался. Но что такое — они как-то странно, вроде бы виновато даже на меня смотрят и ничего не предпринимают. А в руках у каждого по мешку. Тут я смекнул: так это же мародеры, меня за хозяина приняли, слегка растерялись. В какой-то момент неясно было, кто из нас попался. Но и бежать мне было некуда. Тут же выяснилось, что попался все же я. Потасили они меня через весь город, привели к зданию (похоже, комендатура), посадили у входа на скамейку — жди, мол, — и ушли. Немцев вокруг множество — входят, выходят... Ждать я не стал, поднялся со скамейки и ушел.

— Все у вас как-то легко получается, никаких почти проблем и волнений. А между тем — это очевидно — каждый ваш поход в город на грани жизни и смерти.

— Не знаю, может быть, но рассказываю так, как вижу сейчас, и лишнего страха нагнетать не хочется. Следующий мой, пятый, поход в разведку оказался последним. Дали мне на этот раз с собой мальчишку лет четырнадцати — теперь вроде я был как бы инструктором. Сначала мы тоже шли дворами. Потом устали с ним по заборам лазить: ростом мал он, подсаживать приходилось. И пошли мы прямо по улице, один за другим на расстоянии метров сто. Выхожу на перекресток — с двух сторон патрули. Мальчик успел юркнуть в подворотню. А мне было явно не успеть. Через миг стало ясно: бежать бесполезно, пристрелят как миленького. Подходят, один из них, высокий, с эсэсовскими стрелками в петлицах, хватает меня за руку, что-то кричит и ведет меня в соседний двор. Толкает меня чуть от себя, достает из кобуры пистолет (отчетливо запомнилось:

почему-то не «вальтер», не парабеллум, а наш советский ТТ), снимает с предохранителя и, продолжая орать, размахивает им перед моим лицом. Начинаю различать слова «русс шпион», «партизан», «откуда пришел» и понимаю: пахнет жареным, дело плохо, наверное, даже совсем плохо; пожалуй, на этот раз не вывернуться... Но страха в этот момент не было. В какой-то миг промелькнуло: выбить из руки пистолет и дать деру, но тут же понял: бредовая мысль — слишком здоров немец. Подтолкнул он меня к какой-то яме. Испугаться я не успел, увидел только мушку на стволе пистолета, когда немец вытянул руку и выстрелил мне в лицо. Чувствую будто удар в челюсть и лечу в яму. Упал удачно, перевернулся на живот и не разбился, а грунт там был твердый. На какой-то момент потерял я сознание, но тут же очнулся — и до сих пор понять не могу, как это мне удалось, сообразил: не шевелиться и ни звука! Так и есть — немец (слышу — их уже двое) столкнул в яму кирпич, но в меня не попал. Потом, громко разговаривая, оба ушли со двора. Лежу, чувствую сильную боль в подбородке и слабость во всем теле. Встал на дно ямы — глубокая, метра два, как выкарабкаться? Вдруг слышу — возвращаются немцы! Я тут же рухнул лицом вниз, мгновенно приняв прежнюю позу. Подошли к яме, обменялись фразами и не торопясь ушли.

Полежал я еще немного, поднялся и быстро выбрался наружу. Время было около полудня. Побрел дворами осторожно, прислушиваясь (тишина была в городе удивительная). Чувствую себя худо: крови много потерял. Нашел какой-то большой деревянный ящик, забрался в него и решил дотемна отсидеться. В темноте вылез и опять пошел в сторону реки, но вскоре снова почувствовал — не добраться мне до нее, сил не хватает. В каком-то саду забрался в кустарник и уснул.

Утром слышу немецкую речь, что-то непонятное происходит вокруг. Ну и везет же! Пришлось целый день просидеть в этих кустах. Жарко, хочется есть и пить, но выйти никакой возможности не было. Даже шевелиться нельзя было: не дай бог сучок какой-нибудь треснет. Откуда только терпенье взялось. Под вечер стихло, ушли немцы. Вылез осторожненько из кустов и к ночи добрался до реки. Снова переждал патрулей и тихо, без всплесков, переплыл на левый берег.

Перешел пойму и в первой же деревне (между При-

дачей и Отрожкой) попросил пить. Вид у меня, окровавленного, был, надо полагать, жалкий, говорил я с трудом. Хозяйка поглядела на меня с сочувствием и притащила полную кружку воды. Но, чувствую вдруг, вода в горло не проходит. Пуля, как выяснилось, прошла через подбородок и шею, навывлет. Пошел я в свою разведгруппу, рассказал, что и как было, что видел. Отвезли меня в медсанбат, а там мне сказали: пищевод у меня перебит. Направили в госпиталь, а оттуда решили было меня еще куда-то переправить. Но потом дали мне воды, и она вдруг прошла — впервые за двое суток в желудок ко мне попала вода. Стало ясно, что пищевод не поврежден. Очень трогательно обо мне в госпитале заботились, но недели через две я оттуда сбежал и явился в свою часть. Меня, однако, снова отправили в медсанбат лечиться, и снова через пару недель я оттуда ушел. Однако на этот раз группу свою на месте не застал, куда-то она перебазировалась. Очень мне было обидно, что меня об этом не уведомили. Пришлось возвращаться в медсанбат.

— Я убежден, что работа эта ваша военная — проявление истинного, без малейших оговорок, героизма. Поражает, что все это проделал шестнадцатилетний юноша. Конечно, примеров юношеского героизма в годы Великой Отечественной войны мы знаем немало. Мне в первые послевоенные годы довелось познакомиться со своими сверстниками и ребятами чуть постарше, которые называли себя «сынами полка» и грудь которых была украшена медалями. Были среди них — по рассказам старших — истинные герои, трудяги войны. Помню, один из них, партизан и солдат маленького росточка Юра Кораблев, испытывавший на себе все возможные и невозможные боевые ситуации, к тому же потерявший родителей и сестру, получивший ранение, «посеяв» вдруг свой гвардейский значок... рыдал как простой мальчишка... То, что совершили вы, достойно высочайшего уважения и восхищения. Кстати, у вас есть боевые награды?

— Ваши слова в мой адрес я считаю преувеличением и уж, во всяком случае, излишним употреблением высоких слов... Тогда, в 42-м, представили меня, как говорили, к ордену Красной Звезды. И выдали бумагу о том, что я отличился в действующей армии. После войны получил я медаль «За победу над Германией». Уже

после космического полета, в 1965 году, наградили меня орденом Отечественной войны I степени.

— Итак, ваша воинская жизнь завершилась. Кстати, получается, что отвоевали в школьные каникулы... А что с вами было дальше?

— В медсанбате вдруг появилась моя мать. Надо же — нашла! Бросила свое хозяйство, корову, сумела проехать в прифронтовую полосу, узнала о моей судьбе, нашла госпиталь, где меня уже не было, и наконец нашла меня. Попался я ей, одним словом. И повезла она меня в тыл, в Коканд. Я особенно и не сопротивлялся. Шел сентябрь — надо было учиться. Успел только заехать в свою разведгруппу. Тепло попрощались со мной... Недели две мы добирались в Среднюю Азию, дорога была очень тяжелой и длинной. Там я поступил в десятый класс.

— Воевал человек, ранен был и даже года в учебе не потерял. Поразительно!.. Для меня ваш рассказ о своем коротком военном лете, кроме всего прочего, убедительное подтверждение того, что человеческая личность обладает огромными резервами психологической устойчивости, которая проявляется в поступках, требующих решимости, воли, смелости. Не каждый человек способен проявлять эти качества в повседневной жизни, но также не каждый, кто демонстрирует их обычно, способен проявлять их в условиях крайних, экстремальных, подобных тем, которые предложила война.

— Во время войны я убедился, что люди, внешне соответствующие моим представлениям о человеке смелом и мужественном и вроде бы действительно не боящиеся опасности, нередко к этой опасности на самом деле близко никогда не подходят. Всегда находят обстоятельства, оправдывающие сохранение некоторой дистанции. И наоборот, бывают люди, казалось бы, не претендующие ни на какие подвиги, в ситуации предельно острой, требующей немедленного принятия решения, идут навстречу опасности, входят с нею в контакт без видимых сомнений.

— Без видимых сомнений, это понятно. Но иногда говорят: не задумываясь. То есть не зная уровня грозящей опасности или пренебрегая ею и не чувствуя риска. Мне лично такая способность человека, не вооруженного оценкой ситуации, к импульсивным действиям очень импонирует, во всяком случае, она в тысячу раз лучше

любого подобия нерешительности и трусости. Но умом я понимаю: такая способность граничит с безрассудством и нередко ведет — увы! — к неудаче, проигрышу ситуации. А на войне, может быть, даже к гибели. Не хотелось бы показаться псевдотеоретиком и схоластом, поэтому снова возвращаюсь к вашему военному опыту. Поскольку трудно представить более веские обстоятельства для выявления человеческих качеств, чем война. Мне кажется, ваше поведение являло собой пример как раз сознательного риска, внутренней готовности к встрече с опасностью, расчета в лучшем смысле этого слова. Решимость, даже порой безрассудная, всегда прекрасна, но опять же я понимаю, что решимость должна быть эффективной. А такое чаще бывает, когда человек видит, понимает, откуда ему грозит опасность, и может держать себя в руках, уберечься от безрассудства и действовать с необходимой осторожностью.

— ...Мужественность и решительность свою одни люди способны проявлять только в более или менее привычных условиях, а другие способны сохранить их на все случаи жизни или вообще проявлять только в условиях крайнего стресса. На мой взгляд, подтверждение этому легко найти в среде летчиков. Первые — это обычные летчики, а вторые — те, которые становятся хорошими летчиками-испытателями. Наблюдал я не раз Сергея Николаевича Анохина. В обычной жизни это скромный, незаметный человек. Но ведь он оказался способен, попав в аварию и потеряв глаз, выбраться из кабины падающего самолета, пройти по фюзеляжу, держась за провод антенны, а затем прыгнуть с парашютом. Таким был и Юрий Александрович Гарнаев, погибший во Франции на испытаниях вертолета с огнетушащими средствами, — чем горячее ситуация, тем поведение его становилось расчетливее и решительнее.

— В проблеме подвига, Константин Петрович, меня волнует еще один вопрос. Бывают ситуации «открытые», публичные, когда сама обстановка, отчетливое видение социальных последствий поступка ведут человека к проявлению высоких качеств — смелости, мужества, героизма. А бывают «закрытые», когда нет доказательств того, что о твоём поступке узнают и оценят его по достоинству. Мне кажется, проявить мужество и даже совершить подвиг в бою, когда рядом товарищи, это сов-

сем не то, когда рядом только враг и нет уверенности, а иногда и надежды, что о твоей стойкости узнают свои. «На миру и смерть красна» — я это понял еще мальчишкой, вчитавшись в строки о подвиге Юрия Смирнова, а позже — генерала Карбышева; я выделил их для себя из многих героев войны, о которых тогда узнавал из газет. И был просто потрясен, когда прочитал обо всем этом у В. Быкова в «Сотникове».

— Все это так. Но испытание физической болью — это особое испытание. Мне трудно судить, я его не проходил, и статистики, как говорится, никакой нет, но здесь критерии совсем иные. Такое испытание переносят люди только великого мужества. Во всех других случаях можно говорить о каких-то закономерностях. Хотя и «на миру», бывает, не каждый способен проявить себя достойно, даже когда ставка велика. Если честно, то и среди космонавтов бывало такое: пропадали куда-то хладнокровие и выдержка, срывались нервы. И это у всех на глазах. Немного случаев, два-три, может быть, но были.

— Переплыть речку Воронеж среди бела дня на сторуку немцев — это ведь не «на миру», можно и повернуть, попробовать переждать, а то и совсем отказаться и уйти в тыл.

— Повторяю, что ничего героического я в той своей работе не вижу. Замечу, кстати, что «социальный фактор» действует не только в экстремальных условиях. Любое обязательство или обещание для меня, например, — условие неперемennого их выполнения. К сожалению, приходится сталкиваться с людьми, для которых собственное слово, даже «на миру» сказанное, — я говорю о служебных делах, — ничего не означает. Но это я к слову. Мне кажется, многие не хотят вдуматься в высокий смысл таких понятий, как «подвиг» и «героизм», и употребляют их тогда, когда необходимо всего лишь достойно и по существу оценить хорошо проделанную работу. Я уже говорил о летчиках-испытателях. У них, на мой взгляд, самая опасная работа...

(Из книги К. Феоктистова, И. Бубнова «О космолетах»).
Москва, «Молодая гвардия», 1982 год).

В. Довгер

БОЕВЫЕ МОИ ДРУЗЬЯ

Время все дальше уносит от нас грозные годы войны. Сегодня, когда многих боевых товарищей уже нет с нами, думаю, что наш священный долг не только сохранить память о них в своих сердцах, но главное — рассказать о них новым поколениям.

И я хочу рассказать о чекисте и писателе Дмитрие Николаевиче Медведеве и истинном патриоте Родины разведчике Николае Ивановиче Кузнецове.

В то время мы знали друг о друге до обидного мало. Не принято было «копаться» в воспоминаниях, в прежней жизни. Шла суровая борьба с врагом, главным было выполнение порученного тебе задания. Учитывая сложность обстановки, мы строго соблюдали правила конспирации, не расспрашивали друг друга... Мы доверяли друг другу безгранично. Без этой веры в лю-

Суровые жизненные испытания выпали на долю Валентины Константиновны Довгер — бесстрашной помощницы легендарного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Юные годы В. К. Довгер отданы борьбе с фашизмом. Она принимала участие в подготовке многих операций по уничтожению крупных гитлеровских военачальников. В январе 1944 года В. К. Довгер была арестована гестапо, подвергнута пыткам и вывезена в концлагерь. Капитуляция Германии застала ее в концлагере. Долгое время В. К. Довгер работала в группе советских войск в Германии. В 1950 году вместе с мужем приехала в Воронеж.

В. К. Довгер занимается активной военно-патриотической работой. Самые тесные контакты она поддерживает и с Управлением КГБ СССР по Воронежской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Валентина Константиновна Довгер награждена орденом Ленина.

дей, поддержки товарищей работать в условиях фашистской оккупации, в тылу врага было бы невозможно.

О Дмитрие Николаевиче Медведеве я знала, что это опытный чекист, который прошел хорошую партийную школу, что это заботливый и внимательный к своим людям человек, смелый командир. Многие боевые операции партизанского отряда «Победители» отличались глубокой тактической продуманностью, четкостью, оправданным риском. Об этом хорошо рассказано на страницах книг «Это было под Ровно» и «Сильные духом». Собирался ли Дмитрий Николаевич писать эти книги, еще командуя отрядом, трудно сказать. Но, по-моему, вряд ли. Не до того было: шла война, отряд должен был выполнять особые задания... Но, несомненно, память сохранила события тех лет. Уже после войны Д. Н. Медведев выступал по радио с рассказом о боевых друзьях. И пошли письма с просьбой рассказать подробнее о подвигах Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Д. Н. Медведев взялся за перо...

В 1948 году выходит в свет книга «Это было под Ровно», а через два года — «Сильные духом».

Первые экземпляры с автографом посылались боевым друзьям. Вот они лежат передо мною. Читаю: «...Тебе, Валюша, мой первый экземпляр...». «Вале Довгер на память о героических днях борьбы. Автор и командир Дм. Медведев». Сегодня это — самые дорогие для меня реликвии.

В предисловии от автора «Это было под Ровно» говорится: «Если после войны, — сказал мне как-то один из героев этого повествования, Николай Иванович Кузнецов, — мы будем рассказывать о том, что и как делали, этому едва ли поверят. Да я бы и сам, пожалуй, не поверил, если б не был участником этих дел».

Эти слова полностью можно отнести и к Дмитрию Николаевичу. Недолгой была жизнь нашего командира, но какой удивительно яркой, богатой!

Как-то в Москве на мой вопрос, почему в своих книгах ничего он не написал о себе, Дмитрий Николаевич улыбнулся и сказал:

— Знаешь, это я предоставляю другим, а моя задача рассказать о вас.

В этом — весь Дмитрий Николаевич, с его скромностью, добротой, заботой прежде всего о других, уважением и любовью к людям.

И вот моя попытка рассказать о нем, командиру и старшем товарище, учившем нас, тогда совсем еще юных, сложной работе разведчика, борьбе в тылу врага.

Справлюсь ли? Прошло много лет, а память человеческая несовершенна. Записей, дневников мы, естественно, не вели; те короткие записки с советами и рекомендациями командира, доставленные связными, после прочтения сжигались.

Дмитрий Медведев рос в многодетной семье рабочего-сталелитейщика. Родители делали все возможное, чтобы дать детям образование. Все дети Медведевых рано начали революционную деятельность на заводах Брянска и Бежицы.

В первый же год гражданской войны Дмитрий Николаевич добровольцем вступает в ряды Красной Армии, уходит на фронт.

Возвратившись в мае 1920 года в Брянск, он вступает в органы Всероссийской Чрезвычайной комиссии, становится коммунистом. Борьба с врагами молодой Советской Республики, разгромы вражеского подполья, забота о беспризорных детях и организация в Каменец-Подольске коммуны имени Феликса Дзержинского — вот далеко не полный перечень дел нашего командира. Основная чекистская работа Дмитрия Николаевича Медведева проходила на Украине.

Здоровье заставило уйти на пенсию, но недолгим был его отдых. Уже в первые дни Великой Отечественной войны Дмитрий Николаевич писал заявления руководству Наркомата с просьбой направить его в тыл врага для ведения партизанской борьбы.

Спустя несколько лет после смерти Дмитрия Николаевича, помогая его жене в разборе писательского архива, мы нашли одно из его заявлений с резолюцией наркома: «Предложить т. Медведеву составить подробный план возможности борьбы в тылу врага».

Дмитрий Николаевич составил план организации и переброски через линию фронта партизанских отрядов, отдельных групп. Ему поручили командование одним из таких отрядов.

В августе 1941 года с отрядом «Митя», состоявшим из 33 человек, Дмитрий Николаевич переходит линию фронта. В Москву идут сообщения о передвижении фашистских войск, рвущихся к Москве. Летят под откос вражеские эшелоны. Отряд проводит боевые операции,

помогает населению организовать партизанскую войну на Брянщине.

Отряд стали искать попавшие в окружение бойцы и командиры Красной Армии. Так пришел и Герой Советского Союза майор Сипович. Он стал начальником штаба.

На открытии новой экспозиции музея Д. Н. Медведева в январе 1984 года во Дворце культуры и техники имени Медведева в Бежицком районе города Брянска один из участников отряда «Митя» рассказывал, как им, группе бойцов Красной Армии, попавших в окружение, отказывали поначалу в приеме в отряд.

Выслушав их внимательно, Дмитрий Николаевич сурово сказал: «Мы дадим вам возможность оправдать доверие Родины, оружие будете добывать себе в бою».

Каким нужно было обладать знанием людей и тонким чутьем, чтобы суметь в той сложной обстановке поверить и понять человека. В тех, кто был принят в отряд, Медведев не ошибся.

После четырех месяцев пребывания в тылу врага отряд, который вырос в несколько раз, вернулся в Москву.

16 февраля 1942 года в газете «Правда» была опубликована статья о партизанах, выполнивших рейд по вражеским тылам, и Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении их орденами и медалями.

Д. Н. Медведеву был вручен орден Ленина. Он получил новое задание — формирование отряда «Победители» для действий в Ровенской области.

С приходом отряда в Сарненские леса Ровенской области, осенью 1942 года, мой отец вступил в его ряды. Ночью часто раздавался условный стук в окно — в наш дом входили партизаны. Вначале родители старались скрыть от нас, детей, их визиты, но это было невозможно. Начала и я выполнять поручения отца.

Чаше других бывал у нас чекист Виктор Васильевич Кочетков. Под его руководством я делала свои первые шаги в разведке. Не забыть мне комиссара отряда Сергея Трофимовича Стехова, который провожал и встречал меня с задания.

Все партизаны, которые приходили к нам, с гордостью и глубоким уважением говорили о командире. Мне очень хотелось увидеть Медведева, познакомиться с ним.

Обстановка на Западной Украине в то время была очень сложной. Партизаны оказались между двух огней. С одной стороны — фашистские оккупанты, с другой — вскормленные и подготовленные фашистами банды буржуазно-украинских националистов всех мастей: бандеровцев, бульбовцев, мельниковцев и т. п. Они нападали на отряды, убивали всех заподозренных в связи с партизанами, уничтожали целые семьи, сжигали их дома...

Однажды, уходя на задание, отец пообещал после возвращения взять меня в отряд. Я выполнила поручение отца — получила сумку от переводчика начальника жандармерии, в которой был пистолет, патроны и чистые бланки с печатью и подписью шефа. До последней минуты я даже не подозревала, что переводчик помогал отцу. Он сопровождал меня при выезде из города. (Находясь уже в Ровно, я узнала, что он был убит бандеровцами в одном из сел Клесовского района.)

В назначенный час я пришла на условленное место встречи, но среди встретивших меня партизан отца не было. По их лицам я поняла: что-то случилось.

Первым подошел В. В. Кочетков.

— Мы ждем тебя, — сказал он. — Отец не придет, сегодня он погиб. Сейчас там идет бой, наши ребята отомстят за твоего отца.

Мы ушли в отряд. Все старались утешить меня, отвлечь от тяжелых мыслей.

Навсегда запомнилось то пасмурное раннее утро, когда меня привели к штабной землянке. У входа ее стоял командир — высокий, худощавый, подтянутый, в белом полушубке человек. Его пристальный взгляд, плотно сжатые губы придавали лицу строгость и суровость. Робко посмотрела я на командира, и слова, какие так хотела сказать ему, застряли в горле.

Медведев, а это был он, почувствовал мою растерянность. Молча подошел ко мне, взял бережно за плечи и по-отцовски прижал к груди. И мне стало легче, словно часть моего горя он принял на себя. Показалось, будто я давным-давно знаю этого человека.

— Я ждал тебя, Валюша, — сказал Дмитрий Николаевич.

Мы зашли в землянку, он посадил меня у печурки.

— Знаю, горе очень большое, его так много сейчас. Утешать не буду. Вижу, справишься сама. Знай только,

что сейчас здесь твой дом, твоя семья. За отца мы им отомстим.

В его взгляде, в словах было столько тепла, отцовской нежности...

А потом был серьезный разговор о предстоящей работе. В отряде со дня на день ждали приземления самолета, чтобы отправить тяжелораненых бойцов. Этим же самолетом ждали и начальника разведки А. А. Лукина.

Наши отрядные «журналисты» стали готовить газету о моем отце, обо мне, то и дело заходили в землянку к командиру. Но газета эта так и не была написана.

Было принято решение включить меня в группу Н. И. Кузнецова.

Мое знакомство с ним состоялось так: неожиданно подошел ко мне человек в темно-синем комбинезоне. До этого он сидел в стороне и, казалось, не обращал внимания на наш с Дмитрием Николаевичем разговор.

Человек в комбинезоне вдруг заговорил по-немецки. Чтобы не ударить в грязь лицом, я призвала на помощь все свои знания немецкого языка и ответила ему.

Пристально посмотрев на меня, он вдруг спросил: «А что, если пойдете с нами в разведку?» Он угадал мое желание. Дмитрия Николаевича я стала просить разрешить мне заниматься разведкой. Кузнецов старался убедить командира в целесообразности такого решения. Взвешивали все «за» и «против». Командира настораживали моя неопытность, неумение владеть собой, скрывать свои чувства, почти детская внешность.

После длительного разговора Дмитрий Николаевич все же сказал: «Пусть будет так! А ты хорошо подумала, сможешь ли? Там нас не будет, и тебе придется быть одной среди врагов. Непросто в оккупированном городе найти и друзей; они есть, но их надо уметь находить, ошибиться нельзя».

Сегодня многим известны имена Н. Гнидюка, Ж. Струтинского, Н. Приходько, М. Шевчука. Им посвящены страницы книг Д. Н. Медведева, он познакомил читателей с их боевыми действиями в тылу врага.

Много месяцев отряд «Победители» выполнял задания на территории Ровенской, Волынской, Львовской областей. Все это время в отряд приходили люди, росли ряды народных мстителей. Приходили целыми семьями. С появлением детей Дмитрий Николаевич поручил груп-

не бойцов добыть корову, чтобы дети могли получать необходимое им молоко.

В отряде поддерживалась строгая дисциплина, каждый обязан был беспрекословно соблюдать правила конспирации. Партизаны следили за своей внешностью, лесные условия в расчет не принимались. Здесь, на временно оккупированной территории, мы были представителями Советской власти.

Мне приходилось видеть Дмитрия Николаевича Медведева в сложных условиях боя — он уверенно и спокойно руководил им.

Спокойствие и выдержка — эти качества были всегда присущи ему.

Вспоминаю случай, который произошел со мной, когда отряд шел по направлению к Ровно. После боя с фашистами во время перехода через железнодорожную линию отряд наскочил на бандеровцев. Кругом лес, свистят пули. Вижу, как все с оружием в руках бросаются в бой. Оставив на повозке все свои записи, таблицы (моя подготовка к работе в Ровно, под руководством Н. И. Кузнецова, не прекращалась и на марше), хватаю пистолет и бегу за всеми. Неосторожный прыжок — спотыкаюсь о кочку и падаю. Вдруг чувствую на своем плече чью-то руку. Боюсь открыть глаза, в голове одна мысль: вот и отвоевалась!

Неожиданно слышу знакомый голос Дмитрия Николаевича:

— Ты ранена?

Вскакиваю на ноги, стараюсь что-то сказать, но слышу строгий голос командира:

— Ни шагу от меня!

Шла рядом, но это длилось недолго. Когда между нами пролетела пуля, таким же суровым голосом он сказал:

— Марш к радистам! И чтобы я тебя больше здесь не видел.

Нагруженные тяжелыми рациями, запасным питанием, радисты находились под прикрытием бойцов. Потерять рацию — это значило потерять связь с Москвой и возможность передавать полученные сведения. Радистов очень берегли.

Закончился бой, все отдыхали. Ко мне подошел Дмитрий Николаевич, сурово спросил:

— Тебе известно, что и на войне у каждого свое за-

дание? Ты свое задание знаешь, вот и выполняй. Учись, готовься.

— Но ведь шел бой, — сказала я.

— А кому стало бы лучше, если бы шальная пуля попала в тебя?! Что касается твоих снайперских способностей, то в них я очень сомневаюсь, а вот намеченный план работы в городе мы могли сорвать. Запомни: цель у всех одна — бить врага, но задания разные.

Наконец наступил день, когда разведгруппа пошла в город. Далеко остался партизанский лагерь, а Дмитрий Николаевич все шел с нами. Но вот пришла минута прощаться.

— Дорогие мои, задание надо выполнить. Будьте осторожны. Мы всегда с вами.

Голос Медведева был тихим, взволнованным.

Мы обнялись.

Наша группа во главе с Николаем Ивановичем Кузнецовым приступила к выполнению заданий. Не буду подробно говорить о делах отряда, об этом написано уже много книг. Хочу вспомнить лишь некоторые эпизоды из боевых подвигов моих друзей.

Николай Иванович не жалел своей жизни в борьбе за свободу Родины. Зная о том, что предстоит очень трудная, опасная работа в тылу врага, 27 июля 1942 года, в день своего рождения, перед вылетом из Москвы он писал брату Виктору на фронт:

«...Я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как я глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество...»

С первых дней нашей работы в Ровно мы упорно старались проникнуть в окружение наместника Гитлера на Украине — Эриха Коха. Этим занималась вся группа.

Уничтожение палача Украины Николай Иванович Кузнецов считал своим долгом разведчика и патриота. Он говорил: «Я должен, обязан его уничтожить! Фашисты должны чувствовать, что не они здесь хозяева, а мы — советские люди. За кровь и слезы матерей они нам ответят, в том числе и Кох».

Нам стало известно о готовящемся параде в Ровно по случаю дня рождения Гитлера. В донесениях в отряд Николай Иванович просил дать разрешение ему с группой товарищей «командовать парадом».

Разрешение было получено, но только в том случае, если на трибуне будет сам Кох. Все мы, разведчики, старались узнать одно: будет ли Кох? Если его не будет, операция отменяется.

Началась подготовка. На параде будут все наши боевые друзья. Понимаем: задание не из легких, возможности вернуться после операции почти не будет.

Николай Иванович спокоен. Он понимал: приблизиться к трибуне практически может только он. Только он один в форме немецкого офицера. Но как приблизиться, чтобы не привлечь к себе внимание? Решаем идти вместе: офицер и девушка в трауре... Договариваемся: если увидим знакомых, будем завязывать разговор, всем своим видом показывая, что мы здесь свои. Приближаясь к трибуне, станем пристально следить за появлением Коха. Действия Николая Ивановича — это сигнал товарищам.

20 апреля мы вышли на площадь. Здесь шли последние приготовления; подъезжали машины, выходили высокие чины рейхскомиссариата, поднимались на трибуну, раздавались фашистские приветствия...

Зазвучал фашистский гимн, последовала речь, восхваляющая доблесть гитлеровской армии, полились потоки злобной клеветы на все советское.

Я глянула на Кузнецова, поняла: он еле сдерживал себя, чтобы не бросить в самодовольного палача гранату. Но это был не Кох. Даргель, заместитель Коха, дождется еще своего часа...

Потом мы с Кузнецовым медленно шли по городу. Приближался комендантский час, люди старались попасть в свои квартиры заблаговременно.

Мы тихо разговаривали. Вдруг я почувствовала на себе пристальный взгляд. Навстречу шла пожилая женщина. Взгляд ее, полный ненависти, заставил меня вздрогнуть. Увидел женщину и Николай Иванович. Видимо, большое горе коснулось ее, заставило забыть осторожность и опасность. В ту минуту она, возможно, думала, что немецкий офицер не знает украинского языка, но девушка, которая идет с ним под руку, должна понимать.

Приблизившись, женщина сказала:

— Провалились бы вы на этом месте! И как вас только земля носит!

Сказав так, она сплюнула и медленно пошла дальше.

Николай Иванович сильно сжал мою руку, и я поняла, что сказанные слова ему далеко не безразличны. Как хотелось мне в ту минуту подойти к женщине и сказать: «Бабушка, дорогая, не проклинай нас, мы ведь не те, за кого ты нас принимаешь».

Видимо, читая мои мысли, Николай Иванович сказал:

— Успокойся, прошу, все правильно.

Уже на квартире, понимая мое состояние, он убеждал, что так и должно быть, мы не вызываем подозрения.

После войны, во время встречи с жителями города Ровно в музыкально-драматическом театре, ко мне подошла женщина. Это была не та старушка, но одна из тех, кто был в городе во время оккупации.

— А я вас знаю, хорошо помню. Это ведь вы жили весной 1943 года через дом от меня. Я часто видела вас с немецким офицером. Все вокруг говорили, что это ваш жених. Разве могла я тогда подумать, кто в действительности был тот офицер. Всю правду о вас я узнала потом. Не думала, что еще когда-нибудь встречу. Простите, тогда у меня другое мнение было о вас и вашем товарище. Очень жаль, что извиниться перед Николаем Ивановичем я уже не смогу.

...Находясь в Ровно, Николай Иванович Кузнецов провел ряд смелых, рискованных операций. Они вселяли веру в победу над врагом, давали новые силы подпольщикам и партизанам.

Из далеких ровенских лесов, из отряда «Победители», ушли на Большую землю сведения о готовящемся фашистском наступлении под Курском.

Мы уже прочно обосновались в городе. С каждым днем круг наших знакомых среди местного населения расширялся. Росло число боевых друзей из местных жителей. Понимая всю опасность, зная, как жестоко расправляются фашисты с теми, кого заподозрят в связи с партизанами, люди тем не менее предоставляли нам свои квартиры, включались в борьбу с оккупантами. Без их поддержки и помощи выполнять задания мы бы не смогли.

Соблюдая все меры предосторожности, заводили мы знакомства среди немецких офицеров, работников рейхс-комиссариата.

Одно из знакомств, с дрессировщиком служебных собак для Коха, обер-ефрейтором Шмидтом, оказалось для нас очень полезным. Оно повлекло за собой и знакомство Кузнецова с адъютантом Коха.

В беседах в казино, на квартире Кузнецов очень умело, не проявляя повышенной торопливости, завоевывал симпатии новых «друзей», не вызывая у них подозрения. Он обдумывал каждый свой шаг, действовал осторожно, но целенаправленно.

Как того требовали имеющиеся у Николая Ивановича документы и его легенда, он время от времени уезжал из Ровно в «свою часть» в районе Курска. Конечно, ни в одну из немецких частей он не был внедрен и сам факт существования Пауля Зиберта оставался огромным риском. Но умение Кузнецова держать себя уверенно в любой обстановке всегда выручало его самого и восхищало нас.

Наступил день, когда Николай Иванович обратился ко мне:

— У меня был разговор с моими новыми знакомыми о тебе. Я им сказал, что твоего отца убили бандиты, когда он шел, чтобы оформить свою принадлежность к «фольксдойче», вместе с ним погибли все документы. Единственное, что у тебя осталось, это справка о гибели отца.

— Все хорошо, — сказала я, — справка на подлинном немецком бланке, она не вызовет подозрения. Но что нам делать с немецким происхождением? Никто из моих знакомых, знающих меня с детства, этого не сможет подтвердить. Отец на всю жизнь сохранил свой белорусский акцент. Как быть?

— Не волнуйся, — успокоил Николай Иванович. — Им я объяснил, что лично был знаком с отцом, видел документы, да всего этого нам и не понадобится. Думаю, до этого не дойдет. Главное, нам необходимо проникнуть к Коху, ты ведь знаешь! К концу дня я зайду за тобой, сегодня мы встречаемся со Шмидтом.

В назначенный час состоялась встреча. Каково же было мое удивление, когда Шмидт протянул нам пригласительный билет, где было сказано: «Гауляйтер Вос-

точной Пруссии и рейхскомиссар Украины готов принять обер-лейтенанта Пауля Зиберта и фрейлейн Довгер». Прием назначен на завтра. То, чего мы добивались полтора месяца, становилось реальным.

Прощаясь с обер-ефрейтором, мы договорились о встрече на следующий день. Испытывая особую симпатию к обер-лейтенанту, Шмидт вызвался сопровождать нас до резиденции Коха.

А на квартире с нетерпением нас уже ждали товарищи, все, кто в тот день находился в городе, — Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Жорж Струтинский. Необходимо было обсудить план предстоящей операции. Все больше и больше возникало вопросов. В отряд ушел наш связной Коля Маленький. Надежды на получение совета командира и начальника разведки почти не было. Трудно в течение одной ночи проделать путь в отряд и обратно. Утешало одно: командование узнает о предстоящей операции.

Осложнялось все еще и тем, что прием был назначен не в здании рейхскомиссариата, а в личной резиденции Коха. Она была обнесена забором, вверх колючей проволокой, а у ворот — проходная с автоматчиком.

План операции необходимо было составить так, чтобы у фашистов не возникло ни малейшего подозрения. Мы понимали, что, уничтожив палача, шансов уйти самим не имеем. Где-то вблизи резиденции наши друзья, они постараются в нужную минуту прийти на помощь, но...

Мы старались предвидеть все случайности, весь ход событий. Составили план нашей беседы с Кохом, предугадывая все те вопросы, которые могли его интересовать, и тут же давали на них ответы.

Под диктовку Николая Ивановича заявление на имя Коха мне пришлось переписывать несколько раз. Прочитав его снова и снова, мы находили его недостаточно убедительным. Придирались к каждому слову, букве.

Кончалась тревожная ночь, оставалось решить вопрос с оружием. Выстрел из пистолета «вальтер» давался мне с трудом, а там дорога каждая секунда. Да и как пронести «вальтер»? В сумке, но ее могли оставить в бюро пропусков.

К рассвету приняли окончательное решение: вручая Коху заявление, я отвлекаю его внимание и тем самым

даю возможность Николаю Ивановичу вынуть пистолет.

Наступило утро 31 мая. Разговор перешел на другие темы. Мы с Николаем Ивановичем занялись своими туалетами. Посыпались шутки друзей, кто-то бросил реплику по поводу коммерческих способностей Коли Гнидюка. Ему было поручено купить или одолжить фаэтон в городе и в качестве извозчика сопровождать нас. Расчет был простой: при виде сидящего в фаэтоне офицера с девушкой и знакомого им дрессировщика фашисты откроют ворота и мы свободно окажемся на территории особняка.

Утром к дому подкатил фаэтон. В ящик под передним сиденьем были положены гранаты, автоматы. На козлах восседал наш Коля Гнидюк. Рядом с Николаем Ивановичем, в начищенном мундире и со сверкающими регалиями, я — в черном платье, знак траура по отцу. По пути к нам подсаживается Шмидт со своей дрессированной овчаркой, «которая чувствует партизан на далеком расстоянии»; она спокойно уселась у наших ног.

Приближаясь к резиденции, видим наших друзей; за внешним спокойствием — огромная напряженность. Каждый из нас только взглядом говорил друг другу: «Все хорошо, не волнуйся».

Первая неожиданность нас уже подстерегала. Не подействовал на фашистов ни уверенный, надменный офицер, ни хорошо знакомый им дрессировщик, — ворота они нам не открыли. Стоянка у здания рейхскомисариата была запрещена.

Обращаясь к Гнидюку, Николай Иванович по-немецки дал команду уезжать, а сам с обер-ефрейтором направился в бюро пропусков.

На вопрос Шмидта — готовы ли документы для оберлейтенанта Зиберта и фрейлейн, эсэсовец, знавший дрессировщика, протянул пропуска.

В приемной на втором этаже нас встретил Бабах, адъютант; находились здесь уже и другие посетители. — Я доложу о вас, — сказал Бабах и ушел в соседнюю комнату.

В наступившей тишине каждая секунда казалась часом, и мы еще не знали, что нас поджидает и вторая неожиданность.

Приоткрылась дверь, появился Бабах.

— Прошу, сейчас вас примут, — обращаясь ко мне, сказал он.

Мы встали, готовые идти.

— А вы, обер-лейтенант, посидите, только фрейлейн, — произнес адъютант.

Волнение охватило меня. Посмотрела на Кузнецова, в его взгляде хочу прочитать все, что он мог бы сказать мне. В моих руках заявление, и больше ничего! Как быть?

Коснувшись моего плеча, Николай Иванович спокойно сказал:

— Все будет хорошо, иди!

Мысли опережали одна другую: «Справлюсь ли? Не выдам ли себя? Смогу ли отвечать на все вопросы? В нужную минуту Николай Иванович мог бы вмешаться в разговор, повернуть его в безопасное русло. Но как быть теперь? Если Кох не примет Кузнецова, что тогда? «Спокойно, спокойно! — твердила себе. — Осторожность вдвойне и внимание».

Переступив порог кабинета, я сделала шаг назад при виде бросившейся ко мне огромной овчарки.

«Вот для чего ему нужны собаки!» — промелькнуло в голове.

— На место! — раздался окрик.

Подняв глаза, я увидела за массивным письменным столом очень тучного, в темной форме немца. Его холерное, с усиками под Гитлера лицо было надменно и, мне показалось, брезгливо. От его пронизывающего, свирепого взгляда сжалось сердце.

— Здравствуйте, — как можно спокойнее сказала я и протянула свое заявление.

— Садитесь! — резко отозвался он.

Стул стоял на расстоянии от стола; отхожу, и этих секунд было достаточно, чтобы окончательно справиться с волнением. Главное, отвечать так, как договорились с Николаем Ивановичем. Никаких лишних слов.

Вот она, третья неожиданность! Могли ли мы подумать, что Кох, имея мощную охрану извне, разместит ее и у себя в кабинете?

Сидящие за столом, у окна офицеры хотя и делали вид, что заняты работой, постоянно и пристально наблюдали за мной.

Каждый жест, малейшее мое движение насторажи-

вали сидевшую перед столом Коха собаку. В любую минуту она готова была броситься вперед.

Вопросы сменялись, следуя один за другим.

— Почему вы не хотите ехать в Германию, если считаете себя немкой? — спрашивал Кох.

— Только болезнь мамы не позволяет мне сделать это сейчас. Она убита горем, гибелью отца. Забота о семье лежит на мне. Я могу быть полезной и здесь. Я знаю языки: немецкий, русский, украинский, польский, — отвечала я.

Решив, очевидно, проверить мои знания, Кох заговорил по-польски. Этот палач до нападения фашистов на Советский Союз был заместителем Гитлера в Белостокском округе. Много горя и слез принес он польскому народу.

— А где вы познакомились с немецким офицером? Он что, знаком был с вашим отцом? Где служит ваш друг? Он мой земляк? — вдруг спросил Кох.

Спустя десятилетия убеждаюсь все больше: хорошо, что так много внимания мы уделили предстоящему диалогу с Кохом, согласовали все до малейшей подробности.

Закончив беседу со мной, Кох нажал кнопку. Вошел адъютант.

— Фрейлейн свободна, пригласите обер-лейтенанта

Вместе с адъютантом я ушла из кабинета, мое заявление оставалось лежать на столе.

К нам подошел Николай Иванович. При стоящем рядом Бабахе, сидящих тут же посетителях сказать Кузнецову о дополнительной охране, свирепой овчарке, об офицерах за столом было невозможно.

Мы обменялись взглядами, и Николай Иванович скрылся за дверью кабинета.

Не помню, как я оказалась рядом с тощим генералом. Бросилась в глаза рука — это был протез: кисть в черной кожаной перчатке.

Генерал забрасывал меня вопросами. Стараясь отвечать впопад, мыслями я была в кабинете рядом с Николаем Ивановичем. По документам, легенде Кузнецов — уроженец Восточной Пруссии, земляк Коха. Малейшая неосторожность грозит провалом.

Я хорошо понимала: выстрелить нет возможности — собака, охрана, их настороженные взгляды. Немаловажную роль играл и строго соблюдавшийся этикет, субор-

динация в фашистской армии. А для рядового армейского офицера, даже если он и с Железным крестом, нашивками о ранении, Кох — фигура важная, отступление от правил поведения быть не может.

Стало предельно ясно: даже при попытке опустить руку в карман на Кузнецова бросятся овчарка и охрана.

Минуты превращались в вечность. Подготовив себя к неизбежному, упорно ждала выстрела. Представила себе: как только прозвучит выстрел, любезно беседующие офицеры схватят меня, скрутят руки, а дальше... Дальше гестапо, пытки.

Когда в приемной появился Кузнецов с моим заявлением в руках, почувствовала: силы покидают меня, вдруг все закружилось перед глазами, поплыло...

Офицеры вскочили, подошли к нам.

— Покажите, что написал вам рейхскомиссар.

Как в тумане я услышала слова:

— Оформить документы, предоставить работу в рейхскомиссариате.

А Кузнецов, обращаясь к Бабаху, сказал:

— Моей невесте плохо от счастья, дайте стакан воды!

Как всегда, Николай Иванович быстро нашел выход.

Посыпались поздравления. Раздались голоса:

— Гауляйтер не мог отказать земляку, тем более фронтовику! Вам повезло!

На улице, придя в себя, понимая, что решение было принято верное, сама все видела, я все же спросила:

— Почему не стрелял? Второй раз у нас такой возможности не будет, никогда!

— Валя, ты только подумай, как хорошо мы поговорили, это очень важно! — произнес Николай Иванович. — Кох только что вернулся из Берлина, — продолжал он, — посоветовал мне как земляку: вместо того чтобы ухаживать за девушкой сомнительного происхождения, возвращаться на свой участок, в свою часть под Курск. У вас там будет возможность отличиться перед фюрером, именно там готовится сюрприз большевикам! А сказав это, он вдруг строго посмотрел и произнес: но об этом болтать не следует, вы понимаете? Валя, пойми, это очень важно, фашисты там что-то замышляют, надо немедленно сообщить нашим. Если бы я и смог выхватить пистолет, не успел бы выстрелить, собака повисла бы на руке.

Слушая Николая Ивановича, я мысленно возвращалась в кабинет, соглашалась с ним. Но, честно говоря, в ту минуту я до конца не могла осознать, сколь важны были полученные сведения.

Кох, гордость фашистов, любимчик фюрера, беседуя с нами, ни на секунду не заподозрил, что перед ним не его земляк и девушка немецкой крови, а партизанские разведчики.

На основании резолюции Коха я получила подлинные документы, работу в рейхскомиссариате, о чем мы даже не могли и мечтать. Появился новый круг знакомых. Работа продолжалась...

Хочу сказать, что с первых дней пребывания в Ровно я была окружена вниманием и заботой товарищей. Через связных я получала моральную поддержку, советы. Всегда чувствовала заботу командира отряда. Это придавало силы, уверенности в себе.

...Однажды получилось так, что все ушли в отряд. В городе оставались Михаил Шевчук и я. К этому времени мы уже были хозяевами нашей партизанской конспиративной квартиры (сейчас там мемориальный музей Н. И. Кузнецова). Вместе со мной поселилась и моя мама. В целях конспирации посещать ее в любое время имел право лишь Николай Иванович, остальные разведчики — в случае крайней необходимости.

Придя с работы, я «дома» застала Михаила Шевчука — дядю Мишу, как его в то время звала. Ничего особенного у него не произошло, а это было уже нарушением правил.

Дядя Миша стал рассказывать мне о подготовленной им на завтра операции — взрыве немецкого казино. Лично я в этой операции участия не принимала, знать мне о ней было не положено.

Незаметно наступил комендантский час. Отпускать Шевчука было опасно. Дядя Миша остался ночевать.

Рано утром меня разбудила мама, указала на окно. Внутри все похолодело: по улицам стояли патрули. Решаем: что делать? Куда спрятать дяди Мишин портфель? В нем всегда лежали пистолет, обоймы и граната. А если будет обыск?

Из минутного оцепенения нас вывел спокойный голос дяди Миши: «Один пистолет у меня в кармане. Портфель с открытым замком будет висеть в комнате на вешалке. В случае чего, пока я буду стрелять, бросай

гранату. Не волнуйся, живыми мы им не дадимся».

Обидно было погибать так нелепо. Работа в городе только паладилась, все шло хорошо... Принимаем еще одно решение. Согласовываю с дядей Мишей его легенду. Он друг отца, работник луцкой газеты, приехал в командировку, остановился у нас. Маму попросила накрыть на стол, поставить чашки и съестное. Взяв свои документы, вышла на крыльцо.

Жандарм, стоявший напротив, через улицу, закричал по-немецки:

— Девушка, закройте дверь, выходить запрещается! Только после проверки.

На мои объяснения о работе в рейхскомиссариате он только замахал рукой.

Жду на пороге кухни. Вошел офицер с двумя жандармами. Протягиваю свои документы, доказываю, что жду меня неприятности за опоздание. А он, ехидно улыбаясь, говорит:

— Мы прочесываем город, ловим советских партизан, и ваш рейхскомиссариат помогает нам. Вы хорошо говорите по-немецки. Вы немка?

Показываю офицеру документы местной немки, они у меня были. Стараюсь не замолкать. Представляю дядю Мишу как друга отца. Мама хлопочет у стола. А когда взор офицера упал на вешалку и портфель, стала его уговаривать выпить с нами чашку чаю. Это его отвлекло; повернувшись ко мне, он сказал:

— С удовольствием выпил бы, мы стоим давно, но у меня еще много непроверенных квартир. Вы можете идти на работу, как только мы снимем посты. Здесь все в порядке, — обращаясь к солдатам, произнес он и вышел вместе с ними.

В первые минуты мы не могли поверить, что опасность миновала, все обошлось. Дядя Миша попросил меня о случившемся никому не говорить. Наученные горьким опытом, мы знали: повторения подобного не должно быть. И долго верили в то, что об этом случае никто не знает.

Закончилась война. Разбросала судьба бойцов отряда по разным местам. Дмитрий Николаевич, выписавшись из госпиталя, стал всех нас разыскивать. Двери его квартиры были открыты для каждого. Мы часто собирались по несколько человек. Для меня его квартира стала вторым домом.

Получилось так, что нас в Москве оказалось несколько человек.

Вспоминая прошлое, Дмитрий Николаевич, обращаясь ко мне, вдруг сказал:

— Валюша, может быть, ты сейчас сама расскажешь, как у вас с Мишей прошла тогда проверка, когда прочесывали город в поисках партизан?

Так я узнала, что Дмитрию Николаевичу все было известно на второй день. Видимо, дядя Миша после завершения операции с казино ушел в отряд и под впечатлением пережитого кому-то об этом рассказал. Тогда Дмитрий Николаевич не стал нас ругать, не стал наказывать, он хорошо понимал, что это и без того стало нам хорошим уроком на будущее.

Прошли годы. В 1946 году Дмитрий Николаевич Медведев в Ровно организовал встречу бывших партизан. Это были незабываемые дни. Командир планировал встречи и в будущем, намеревался отыскать многих товарищей по оружию. Но болезнь сердца внезапно оборвала его жизнь. Остались незаконченными рукописи на письменном столе, а под стеклом фотографии — улыбающиеся детские лица. Это уже дети вчерашних партизан, друзей. Получая новую фотографию, он бережно укладывал ее под стекло.

Нам в жизни посчастливилось. В дни суровых испытаний, в тяжелый для Родины час рядом был такой человек — чекист, коммунист Дмитрий Николаевич Медведев. Глубокая вера в дело, которому он всю жизнь служил, вера в людей и были залогом успеха боевых действий отряда, всей нашей разведывательной работы.

...Незабываемым для меня останется приглашение в Москву на торжественное собрание, посвященное 50-летию органов ВЧК — КГБ, многие интересные встречи.

Дороги мне внимание и забота товарищей Воронежского управления и то, что орден Ленина за выполнение задания в тылу врага был вручен мне в коллективе воронежских чекистов, не забудутся встречи с сотрудниками Управления и молодежью города.

Сегодня, когда пишу эти строки, отчетливо представляю себе, какие ответственные и сложные задачи стоят перед органами КГБ в современных условиях. Обострение международной обстановки произошло по вине американского империализма, сопровождается активиза-

цией подрывной деятельности спецслужб противника и зарубежных антисоветских центров всех мастей. Задачи чекистов неизмеримо усложнились.

Нашли себе нового хозяина и украинские националисты, бежавшие после разгрома фашистов из дивизий «Гатчина», «Нахтигаль» и других карательных частей фашистской Германии в Западную Германию и за океан. Это их руки обогреты кровью более миллиона человеческих жизней. Их и по сей день на Украине называют бандитами.

Сегодня в Белом доме радушно встречают руководителей антисоветских центров, всевозможными средствами разжигают националистические страсти, переправляют антисоветскую литературу, засылают эмиссаров.

Вспоминая годы войны, работу в тылу врага, хочется в канун 40-летия великой Победы пожелать молодым чекистам и всем читателям, для которых Великая Отечественная война стала уже страницей истории, постоянно повышать бдительность, надежно обеспечивать безопасность нашей любимой Родины, мирный труд советских людей.

И пусть путеводной звездой в выполнении патриотического долга перед Родиной будет пример людей старшего поколения, боевых моих друзей — Героев Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева и Николая Ивановича Кузнецова.

Л.Тарасов

ПРОСЧЕТ АБВЕРА

В Петроградскую губчека красноармеец привел задержанную им девушку. Девушка обронила на улице сверток, а когда он поднял его и хотел отдать, бросилась бежать. Это показалось подозрительным — кто же бежит от собственных вещей, — поэтому и привел. Теперь разбирайтесь, а ему пора в часть.

В свертке были карты и схемы с обозначением военных объектов.

Отец девушки оказался французом, постоянно проживающим в России. Он работал на резидента английской разведки.

Подписывая протокол, француз заявил: «Если бы не случай, вы бы меня не поймали».

«Ошибаетесь, — ответил ему тогда Дзержинский, — дочь ваша потеряла сверток действительно случайно, но красноармеец не случайно обеспокоился и задержал ее. Именно в том, что это не случайно, — сила ЧК»¹.

В годы Великой Отечественной войны слова Феликса Эдмундовича Дзержинского подтверждались не раз.

...В мае 1942 года вечером у дежурного в Воронежском управлении НКВД раздался телефонный звонок. Взволнованный женский голос просил помочь связаться с оперативным работником Управления Александром Васильевичем Синяковым.

— Звонит Денисова, — торопливо говорила женщина, — возможно, вы не помните меня. Несколько дней

¹ Тишков А. Дзержинский. ЖЗЛ. М., 1976, с. 280.

назад в нашем домоуправлении я выписывала вам справку.

— Помню, — ответил Синяков.

— Если можете, прошу вас или другого работника как можно быстрее прийти ко мне на квартиру.

Синяков тотчас отправился к Денисовой. Она рассказала ему, что, возвращаясь с работы, увидела на скамье около дома мужчину в темной шинели, похожей на железнодорожную. Когда открыла дверь своей квартиры, мужчина назвал ее по имени и попросил разрешения войти. Не подозревая ничего плохого (к ней часто по роду работы приходили жители домов), Денисова впустила его и спросила, чего он хочет. Незнакомец протянул ей записку, сказал, что это привет от мужа. Записка действительно была написана рукой мужа, от которого не было вестей семь месяцев.

— Значит, он жив! — обрадовалась женщина.

— Да, читайте.

В записке излагалась просьба помочь этому человеку. Незнакомец рассказал, что служил в армии вместе с ее мужем, они убедились в бесполезности войны с немцами и добровольно сдались в плен. Он попросил ее достать справку о том, что его документы — паспорт, военный билет и броня об освобождении от воинской обязанности — находятся по месту жительства, и по возможности, завтра же подобрать временную квартиру.

На следующий день наблюдавшие за квартирой Денисовой чекисты заметили, что незнакомец не решился войти в квартиру. Во дворе одного из частных домов он встретился с напарником, в руках которого был вещевой мешок, оба пошли к станции Придача, где в это время происходила интенсивная эвакуация оборудования воронежских заводов, строились оборонительные сооружения.

Чекистами было принято решение: задержать подозрительных людей. В вещевом мешке у них оказались приемопередающая портативная радиостанция, оружие, большая сумма советских денег...

Подозрительные оказались очередными фашистскими шпионами. Абвер просчитался. Там, за линией фронта, в лучших разведшколах рейха, не учитывали того обстоятельства, что со шпионами будут бороться не только чекисты, но и все советские люди.

На первом своем заседании 26 октября 1941 года городской Комитет обороны принял обращение к воронежцам, в котором призвал их «вести беспощадную борьбу со шпионами, диверсантами, провокаторами, саботажниками, мародерами, грабителями, спекулянтами, сеятелями панических настроений и оказывать в этом активнейшую помощь и полное содействие органам власти в целях превращения Воронежа в крепость, способную достойно выдержать любое испытание войны»¹.

Обком ВКП(б) и Управление НКВД совместной директивой обязали секретарей райкомов партии и начальников районных аппаратов НКВД начать комплектование партизанских отрядов, подбор патриотов для подпольной работы.

К лету 1942 года было создано 158 партизанских отрядов, 81 подпольный партийный комитет. Для работы в тылу врага осталось около 4 тысяч человек, большинство из них коммунисты и комсомольцы. В тайники закладывалось продовольствие, оружие и боеприпасы.

Из резерва Политуправления Юго-Западного фронта в распоряжение Управления НКВД прибыло десять кадровых военных для назначения командирами и комиссарами отрядов.

Управлением НКВД переброшено во вражеские тылы 4 партизанских отряда и 10 разведывательных групп, которые пустили под откос 4 вражеских эшелона, взорвали мост и склад боеприпасов противника, уничтожили 258 фашистов, 12 предателей.

С 1 июля 1942 года по решению обкома органы НКВД были освобождены от руководства партизанским движением. Эти функции были возложены на штабы фронтов и местные партийные органы. Партизанское движение в области возглавил секретарь обкома партии А. М. Некрасов.

Летом 1942 года обстановка крайне осложнилась, часть территории области была подвергнута оккупации.

14 сентября 1942 года Воронежский обком ВКП(б) и областной Совет депутатов трудящихся обратились к населению временно оккупированных фашистами районов с призывом создавать повсеместно невыносимые условия для оккупантов и уничтожать их на каждом шагу. «Громите вражеские гарнизоны и штабы, — говори-

¹ ПАВО, ф. 2819, оп. 1, д. 1, л. 58.

лось в том обращении, — устраивайте засады на дорогах, взрывайте мосты, пускайте под откос поезда — всеми средствами боритесь с подлыми немецко-фашистскими захватчиками, сторицей платите им за каждое их злодейство»¹.

Борьба в тылу врага разгоралась. Областной комитет партии в одной из своих информаций в Центр отметил, что к 11 декабря 1942 года через линию фронта было переброшено 9 партизанских отрядов в составе 121 человека.

В сентябре 1942 года на территории Лосевского района был создан партизанский отряд «За Родину». Организационная и подготовительная работа с отрядом проводилась под руководством секретаря Евдаковского райкома партии С. Александрова и начальника районного отделения НКВД А. П. Клячина. На заседании бюро райкома партии командиром отряда был утвержден И. А. Зинченко. Партизаны отряда в своих заявлениях поклялись всеми силами и средствами помогать Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В селах Щучье, Переезжее, Селявное Лискинского района действовал партизанский отряд «За Родину» (командир — начальник районного отделения НКВД И. П. Деверилин, комиссар — участник революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции И. Л. Жданов, житель села Щучье). Когда фашисты захватили село Щучье, отряд связался с командованием одного из полков 309-й стрелковой дивизии и стал совершать дерзкие налеты на оккупантов, помогал добывать «языки».

Партизанский отряд «Внезапный» в Михайловском районе вступил в бой с гитлеровцами, на станции Митрофановка взорвал элеватор, в котором находилось 300 вагонов зерна, предназначавшегося для вывоза в Германию.

Бесстрашно действовали Ладомирский партизанский отряд под командованием секретаря райкома партии П. А. Прокопенко, Богучарский — под командованием председателя райисполкома А. Г. Дубровского и другие.

В Ольховатском районе была создана подпольная комсомольская организация, которой руководил Алексей

¹ История Воронежской области. Воронеж, 1964, с. 125—126.

Добрынь. Патриоты собирали и прятали оружие, а в момент наступления советских войск сражались вместе с нашими войнами.

В Голосновском районе подпольный комитет комсомола возглавляла учительница Мария Григорьевна Петрова. С риском для жизни она сообщала командованию Красной Армии о приближении фашистских танков к переправе. Созданная ею молодежная группа шефствовала над семьями фронтовиков, призывала население не выполнять приказы оккупантов.

Отважные патриоты вели в тылу врага разведывательную, диверсионную, боевую и агитационную работу, поднимали советских людей на борьбу с фашистскими захватчиками, помогали чекистам, перед которыми стояли очень сложные задачи.

В годы войны воронежские чекисты надежно охраняли тылы Красной Армии от проникновения фашистских лазутчиков, обеспечивали своевременной информацией командование фронта о планах и замыслах противника, содействовали развитию партизанского движения, боролись с агентурой абвера.

Еще в предвоенные годы состав Управления НКВД по Воронежской области пополнился молодыми коммунистами и комсомольцами. По путевкам партийных и комсомольских органов на чекистскую работу пришли С. А. Ананьин, Л. И. Андреев, Н. Н. Дуванов, Г. А. Докукин, А. Л. Кузнецов, П. Ф. Земцов, Л. Л. Мирошников, Н. Н. Никольский, М. П. Палкин, А. В. Синяков, Л. М. Прудовский, И. Г. Турбин и другие.

В начале войны Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР для решительной борьбы с подрывной деятельностью противника прислал в Воронеж опытного чекиста Н. А. Беленко, долгое время служившего в пограничных войсках. Став заместителем начальника Управления НКВД, он возглавил истребительные батальоны, которые занимались выявлением и захватом вражеских парашютных десантов и отдельных агентов-парашютистов. Он же руководил подготовкой и переброской наших разведчиков в тыл врага.

Для обучения разведчиков-радиостов был приглашен и зачислен в штат УНКВД работник кафедры физики Воронежского университета А. И. Соловьев. Вместе с ним работал опытный чекист П. Я. Рыжкин, знавший радиотехнику.

По мере приближения боевых действий к Воронежу на линии фронта создавались и действовали оперативно-чекистские группы УНКВД для борьбы с агентурой противника.

Они же занимались подготовкой и переброской через линию фронта наших разведчиков. Возглавляли группы квалифицированные чекисты, руководители районных аппаратов НКВД, хорошо знавшие местную обстановку. Дислоцировались группы при штабах армий и крупных воинских соединений.

Активно действовала Центральная оперативная группа Управления НКВД, возглавляемая В. С. Соболевым. Располагалась она в левобережной части Воронежа и занималась разведкой в ближайшем тылу противника, выполняла специальные задания руководства Управления НКВД по координации действий местных органов госбезопасности с командованием воинских частей Юго-Западного и Воронежского фронтов. Центральная группа вела подготовку и заброску разведчиков в тыл противника, принимала возвращавшихся из разведки людей, осуществляла руководство созданными ею небольшими группами, которые действовали в непосредственной близости от линии фронта. Этими группами руководили опытные чекисты товарищи М. М. Назарьев, К. С. Могилин, Г. А. Докукин, С. А. Погорельцев, А. П. Чепцов, А. К. Павлюкевич, А. П. Кононов, П. С. Малютин и другие.

На временно оккупированной фашистами воронежской земле со специальным заданием органов госбезопасности находились 899 отважных разведчиков, 501 из них был подготовлен и заранее оставлен в тылу врага.

До вторжения гитлеровцев в Воронеж Ева Павловна Никитина работала доцентом кафедры иностранных языков Воронежского университета. Она изъявила желание остаться в городе на подпольной работе. Прикрытием послужили семейные обстоятельства: слепая парализованная мать и сестра с ребенком, которых она не могла оставить одних. Знание немецкого языка сыграло решающую роль в определении характера задания — устроиться на работу в один из крупных разведывательных органов (или штаб воинского соединения) противника, выявлять там кадровых разведчиков, карателей и вражескую агентуру, засылаемую в наш тыл. Потом

через связника передавать добытые сведения в Управление НКВД.

Вскоре Никитиной представился случай познакомиться с начальником карательной зондеркоманды СД фон Радецким. День-два Никитина помогала Радецкому в переводах, потом он передал ее Августу Бруху, возглавлявшему карательные акции над жителями Воронежа. Ева Никитина постоянно находилась при нем в качестве переводчика.

Она вынуждена была присутствовать на допросах задержанных и арестованных советских патриотов. Об одном таком случае Никитина потом рассказала следующее: «Во второй половине августа 1942 года я должна была переводить допрос арестованной студентки второго курса Воронежского педагогического института Пелагеи Сиволаповой, схваченной гестаповцами около наблюдательного поста на фронте. Штурман Брух бил ее по щекам, а для лучшей развязки языка ее вывели в другую комнату, где рядовой СС Эдуард Золя по распоряжению Бруха избивал ее резиновой палкой. На второй день ее пытали огнем и, не добившись ни слова, расстреляли».

После кровавых расправ и выселения воронежцев из города гестапо и карательная команда СД возвратились к месту своей дислокации — в город Курск. Здесь Никитина, заболевшая туберкулезом, была переведена из гестапо в городскую управу. Работа у Бруха и тот факт, что ее мать происходила из немецкой прибалтийской семьи, открыли разведчице двери курской колонии «фольксдойч», затем она установила связи с высокими кругами военной и гражданской администрации. После освобождения Курска Никитина явилась в органы НКВД и дала подробную информацию о зверствах фашистов в Курске и Воронеже, о личном составе карательного отряда СД и разведывательного органа, действовавшего на воронежском направлении.

Большую помощь чекистам оказал инженер Владимир Дмитриевич Гладышев, который 19 июля 1942 года был переброшен через линию фронта. Ему было поручено организовать в своем доме в г. Воронеже конспиративную квартиру для наших разведчиков и по возможности самому заниматься разведывательной работой. Однако гитлеровцы стали выселять из Воронежа всех жителей. Гладышев также был выселен в Нижне-

девицкий район. Здесь он устроился на работу в автомастерские и, неправильно заряжая аккумуляторы, вывел из строя около 120 фашистских автомашин. Во время налетов нашей авиации Гладышев сигналами указывал летчикам скопления фашистских эшелонов с боеприпасами на станции Курбатово. А когда был освобожден Нижнедевицкий район, разведчик сообщил органам госбезопасности сведения о том, что здесь происходило во время оккупации.

Четырнадцатилетний Вася Шепилов добровольно изъявил желание стать разведчиком, прошел специальную подготовку и посылался в тыл противника. Потом он был включен в состав истребительного батальона Управления НКВД для выполнения специального задания в оккупированной части Воронежа. Отряд столкнулся с немецко-фашистскими войсками, завязался бой, и Шепилов, рискуя жизнью, в течение двух суток обеспечивал связь отряда с соседними воинскими подразделениями, оказывал помощь в эвакуации с поля боя раненых бойцов и командиров Красной Армии. В настоящее время Василий Михайлович Шепилов работает старшим преподавателем лесотехнического института.

В июле — декабре 1942 года несколько раз перебрасывались в тыл врага Мария Павловна Щербинина, Полина Михайловна Клешина, Мария Сафроновна Луцки с заданием разведывательного характера и возвращались с ценными сведениями, которые использовались разведотделом 60-й армии.

Рискуя жизнью, советские патриоты проникали на должности старост, переводчиков, полицейских, в местные органы самоуправления, созданные фашистами, и свято выполняли свой гражданский долг.

По заданию чекистов на должность бургомистра Землянска внедрился инструктор райземотдела по пчеловодству А. Д. Бунин, а работник райкомхоза А. С. Баев стал старостой. Патриоты передавали информации военного характера, активно помогали советским людям, оказавшимся в беде, документами, раздавали колхозникам награбленные оккупантами вещи и продукты, помогали красноармейцам переходить линию фронта.

П. А. Шевченко остался при оккупантах работать на посту главного агронома немецкой сельхозкомендатуры. Он сумел организовать саботаж мероприятий захватчиков по сбору продовольствия для немецко-фашистской

армии. Гестапо заподозрило его в связи с партизанами и расправилось с ним.

Трудно переоценить значение разведки, которую вели в тылу врага советские патриоты. От них поступали ценные данные об оккупационном режиме, настроении населения, дислокации вражеских войск, наличии фашистских разведывательных органов, гестапо, карателей, предателей и изменников Родины.

Командование Воронежского боевого участка, а затем Воронежского фронта ежедневно получало от воронежских чекистов разведывательные данные о противнике, что позволяло маневрировать силами, наносить врагу чувствительные удары и сохранить жизнь многим советским людям.

Чекисты помогали советским войскам выявлять и подготавливать переправы в город через реку Воронеж, указывали частям Красной Армии маршруты движения во время наступательных операций.

Не жалея своих сил, а нередко и жизни, вели воронежские чекисты борьбу с разведкой противника.

Усилиями оперативного состава Воронежского управления НКВД за короткое время удалось изучить структуру и руководящий состав одного из крупных фашистских разведорганов — «Абвергруппы-105», действовавшей на территории области.

«Абвергруппа-105» обосновалась в селе Сомово Землянского района, а ее подразделение (мельдекопф) «Бруно» базировалось в селе Хохле с разветвленными пунктами и конспиративными квартирами в многочисленных населенных пунктах. Мельдекопф «Бруно» под командованием капитана Шульца активно действовал под Воронежем.

В оккупированных районах находились и другие германские разведывательные и контрразведывательные органы, абверовские команды и службы безопасности (СД), полевая полиция и жандармерия.

При штабе 8-й итальянской армии, дислоцировавшемся в городе Миллерово, работал орган информации. Его агентура размещалась в селах Подгорном, Старой Калитве, Россоши, Писаревке, Богучаре, Кантемировке и других. При штабе 2-й венгерской армии, располагавшемся в селе Алексеевке, имелся разведотдел.

В селе Старой Ведуге размещался штаб крупного не-

мецкого воинского соединения. При нем функционировали отдел войсковой разведки, полевая жандармерия и тайная полевая полиция. Штаб имел большую радиостанцию, АТС, подразделения по изготовлению на месте топографических карт и планов местности.

В правобережной части Воронежа, в одном из двухэтажных кирпичных зданий, были развернуты курсы по обучению агентов германской разведки. Шпионы готовились для заброски в тыл Красной Армии с целью сбора разведывательных данных.

По мере усиления боев на берегах Дона засылка тайных лазутчиков в тыл советских войск приобретала все больший размах.

С началом активных военных действий врага на юге германские разведорганы усилили заброску шпионов и диверсантов в места предполагаемой концентрации советских войск и техники — Тулу, Тамбов, Елец, Мичуринск, Саратов, Балашов, Ртищево, Грязи, Липецк, Поворино, Таловую, Лиски. Лазутчики должны были вести наблюдение за передвижением частей Красной Армии, совершать диверсии на линии железных дорог, проходящих через эти города.

Воронежскими чекистами были разоблачены десятки шпионов. Большинство из них прошло специальную подготовку в таких крупных немецких разведывательных школах, как варшавская и полтавская.

В Варшаве была самая крупная разведывательно-диверсионная школа «восточного направления». Контингент ее формировался из советских военнопленных — изменников Родины. Здесь же находился специальный центр абвера — штаб «Валли», созданный в мае 1941 года для руководства всей разведывательной и контрразведывательной работой на советско-германском фронте. В школе готовились разведчики-радисты для работы в тылу Красной Армии. Школа состояла из трех блоков, отгороженных друг от друга большими заборами, поверх которых была натянута колючая проволока. В двух блоках обучались разведчики-радисты, в третьем — шпионы-ходоки. Ходок засылался на нашу сторону пешим порядком.

Постоянный состав обучавшихся насчитывал около 200 человек.

Помимо обучения способам проникновения через линию фронта, методам сбора секретных сведений и со-

вершения диверсий на важных объектах агент проходил активную антисоветскую обработку. Практиковались, например, письменные работы, в которых шпионы должны были изложить, каким путем они намерены бороться с большевиками. Их обучали, как применять сильнодействующие яды, давали знания по топографии, ориентировке на местности и маскировке. После этого агенты переводились в специальные лагеря, где они получали дополнительный инструктаж по разведработе в советском тылу, а также фиктивные документы, рации, шифры, оружие, деньги, экипировку и потом уже через армейские оперативные органы — абверкоманды и абвергруппы — переправлялись на советскую сторону.

Часть шпионов перебрасывалась непосредственно оперативным штабом «Валли». От него тянулись нити к немецким армиям, действовавшим на территории Советского Союза.

Набор в школу осуществлялся специально подготовленными вербовщиками, которые разъезжали по лагерям военнопленных и отбирали там будущих шпионов преимущественно из лиц среднего командного состава. При этом для обработки колеблющихся использовались самые гнусные средства: пытки голодом, провокации, подкупы, угрозы, репрессии родственников, если они проживали в оккупированных фашистами районах. Но главная ставка делалась на изменников и предателей, добровольно сдавшихся в плен, уголовников, оказавшихся на оккупированной территории.

Наибольшую опасность представляли бывшие белогвардейцы. Они ревностно выполняли полученные от врага задания. Так, в августе 1941 года был завербован и переброшен в тыл Красной Армии бывший шкуровец Дьяконов, трижды судимый за уголовные преступления. Выходец из дворян, он окончил в свое время Воронежский кадетский корпус. В поле зрения германской разведки попал в Бобруйске (там он отбывал наказание по приговору советского суда).

Дьяконов добрался до Семилуки. Устроился на работу, замаскировался. Его шпионская деятельность пресечена 28 марта 1942 года Семилуцким районным отделением НКВД.

У каждого завербованного в разведывательную школу отбиралась подписка примерно следующего содержания: «Изъявляю добровольное согласие активно помо-

гать Германии в разгроме и уничтожении Советской власти и большевиков. Буду точно и аккуратно выполнять задания германской разведки». Тут же присваивалась кличка-псевдоним. Под этими мнимыми именами агенты общались между собой. Строго запрещалось называть подлинные фамилии. И все же многие узнавали их друг у друга. Являясь с повинной, они давали ценные сведения о тех, с кем готовились к заброске в советский тыл, и чекисты принимали быстрые меры к обезвреживанию вражеской агентуры.

Полтавская разведывательная школа готовила агентов-радиостов. Из подготовленных ею агентов воронежскими чекистами были обезврежены Пачков, Осипенко, Сенковский, Чепленко, Абрамов и многие другие. Все они перед заброской на нашу сторону получали инструктаж и конкретное шпионское задание от разведоргана «Бруно», а потом забрасывались в тыл Воронежского фронта.

В ночь на 11 сентября 1942 года Особым отделом НКВД Воронежского фронта были задержаны агенты из полтавской разведшколы Буднев, Рубцов и Клепков.

В том же месяце Эртильским районным отделением НКВД перехвачен агент-парашютист Селин, уроженец этого района. После приземления он добрался до своего дома и выжидал, когда можно будет приступить к выполнению задания германской разведки. Агент Гарсев после приземления в Щучинском районе сразу же явился с повинной в Особый отдел НКВД Воронежско-Борисоглебского района ПВО и сдал выданную ему взрывчатку, с помощью которой он должен был совершить диверсию на железнодорожной ветке Грязи — Борисоглебск.

Для добычи нужных сведений фашистская разведка использовала даже детей и подростков. В июне 1943 года из детских домов Смоленской области ею было отобрано более 30 подростков и вывезено в Германию, в город Кассель, для обучения их диверсионному делу. В принудительном порядке у них взяли подписки о службе в фашистской разведке и в течение месяца обучали шпионскому ремеслу. 25 августа 1943 года подростки были доставлены в город Оршу, где им объявили о предстоящей заброске в тыл Красной Армии, для выполнения диверсионного задания на станциях Лиски, Льгов, Воронеж, Касторное, Курск. Каждому были выданы по

2—3 куска взрывчатки весом 500 граммов каждый, замаскированные под каменный уголь. Этот «уголь» они должны были подбрасывать в эстакады, в топки паровозов в районах железнодорожных станций. Диверсанты были экипированы под эвакуированных или беспризорников, снабжены советскими деньгами и пропусками для обратного прохода через линию фронта.

Подростки были выброшены группами и в одиночку в районах Смоленска, Тульской, Московской, Курской и Воронежской областей. Многие из них сразу же после приземления явились в советскую контрразведку и сообщили о замыслах фашистов, другие были задержаны по подозрению. Так, Парфин, воспитанник детского дома из Смоленской области, приземлился в Земляном районе, был обнаружен бойцами истребительного батальона. В июле 1942 года Особый отдел Воронежского фронта задержал бывшего ученика одной из воронежских школ ФЗО И. Мажалова. При выселении жителей из города его подобрал разведорган «Бруно» и после соответствующего обучения перебросил через линию фронта в советский тыл с разведывательным заданием.

На какие только ухищрения и коварства ни шел абвер, все равно терпел провал за провалом. Большинство агентов, в том числе и подготовленных разведорганом «Бруно», были обезврежены воронежскими чекистами и военной контрразведкой Воронежского фронта.

...Дезертир Иван Жарков за день до оккупации Воронежа фашистами нелегально явился к своей семье. Заняв город, гитлеровцы начали выселять всех, кто не успел эвакуироваться. Жарков оказался в лагере для перебежчиков. При очередном посещении этого лагеря руководителем «Бруно» Шульцем дезертир добровольно изъявил желание стать шпионом. В этом не было ничего удивительного. Отец Ивана в период нэпа держал в селе Боеве крупорушку, на станции Колодезная — ссыпной пункт. Одним словом, являлся кулаком, за что в 1929 году лишен имущества и выслан из области. Два брата Ивана в 30-х годах подвергались суду за нарушение советских законов, да и он сам в 1939 году был осужден за хулиганство. Став предателем, Жарков участвовал в карательных акциях, нанимался служить в так называемую «русскую освободительную армию» предателя Власова. При разведцентре штаба «Валли» в Варшаве он выучился на шпиона-ходока, освоил ра-

цию и в 1944 году из Минска готов был к переброске в тыл Красной Армии с диверсионным заданием, но сделать ему это не удалось из-за стремительного наступления наших войск. В январе 1945 года Жарков проник в ряды Красной Армии и в ноябре того же года по демобилизации снова вернулся в Воронеж. Дом его был разрушен, семьи не было. По приказу гитлеровских головорезов, которым он ревностно прислуживал, его сын и мать 27 августа 1942 года были расстреляны в Песчаном логу в числе 450 ни в чем не повинных воронежцев, а жена погибла от вражеской бомбежки. Самого Жаркова ждало суровое возмездие.

Среди агентов разведоргана «Бруно» выделялся Митрофан Мещеряков, родом из-под Воронежа. Оказавшись в немецком тылу, он предложил свои услуги фашистам и стал Иваном Стукой. Неоднократно переходил линию фронта в районе города Ельца для сбора шпионских сведений. У руководителя разведгруппы Стука пользовался особым доверием, выполнял задания «Абвергруппы-105» по выявлению неблагонадежных агентов. Каждый раз по возвращении Мещерякова с задания Шульц устраивал в его честь обеды. За усердие Стука был удостоен звания ефрейтора и награжден бронзовой медалью. Вскоре после войны Мещеряков предстал перед советским судом.

В селе Гусевке Нижнедевицкого района при «Абвергруппе-105» были созданы специальные курсы по подготовке фашистских шпионов на месте. Эти курсы размещались в здании начальной школы. Руководил ими выходец из города Хмелева Сумской области бывший белоэмигрант деникинский контрразведчик В. А. Власов (он же Вандерер).

В прошлом капитан царской армии, Власов враждебно воспринял победу Советской власти в нашей стране. В 1917—1919 годах он служил в контрразведывательных воинских формированиях Деникина, Скоропадского, Петлюры. В декабре 1919 года с остатками разбитых белогвардейских частей бежал в Германию. Выполнял задания белоэмигрантской, а затем гитлеровской разведок по подбору кадров для использования их в шпионской работе против Советского Союза. С ноября 1939 года Власов служил в гитлеровской армии, участвовал в составе ее войск в оккупации Франции, а потом после специальной подготовки прибыл на советско-гер-

манский фронт как официальный сотрудник абвера. В марте 1942 года Власов появился в «Абвергруппе-105».

Являясь начальником разведкурсов при «Абвергруппе-105», Власов лично вербовал и перебрасывал агентов в советский тыл. Полученные от агентуры сведения о советских и партийных работниках, оставшихся для подпольной работы, он лично передавал в гестапо. По его доносу были расстреляны секретарь Курского горкома партии Хозиков и сотрудник НКВД Петров. Власов занимался допросами советских военнопленных, отдавал приказы своим агентам расстреливать советских граждан. Он выезжал на передовую линию фронта и через усилитель призывал красноармейцев переходить на сторону немецко-фашистских войск. Власов оказывал активную помощь оккупационным властям в установлении в селе Гусевке фашистского «нового порядка», избивал на допросах советских граждан и отбирал у населения имущество.

В гусевской разведшколе побывал наш разведчик Бесстрашный. Под предлогом розыска своей семьи, не успевшей эвакуироваться из Воронежа, 1 сентября 1942 года Бесстрашный по заданию Управления НКВД пробрался в правобережную часть города для выполнения специального задания. При переходе линии фронта он был схвачен гитлеровскими патрулями. Рассказ о розыске семьи показался убедительным, и Бесстрашного переправили на пересыльный пункт в село Девицу Семилукского района, где через вербовщиков «Бруно» он проник в разведшколу Власова. Прошел краткосрочные курсы и в ночь на 5 ноября 1942 года переправился у села Малышева через реку Воронеж на нашу сторону. Встретили его военные контрразведчики. Бесстрашный дал ценные сведения о разведоргане «Бруно» и школе Власова.

С переходом Красной Армии на воронежском направлении в наступление Власов со своей агентурой бежал сначала в Курск, а затем в Сумы. Осенью 1943 года он перешел в другой разведорган — «Абвергруппу-103». В последний год войны, когда разведывательные органы Германии потеряли свое бывшее значение, Власов командовал 210-м отдельным казачьим «штыл-батальоном» до пленения и ареста (16 января 1945 года) органами контрразведки «Смерш» 1-го Украин-

ского фронта. За свои преступления В. А. Власов понес наказание по всей строгости советских законов. Он признал свою вину перед советским народом и государством, назвал известных ему официальных сотрудников гитлеровских разведывательных органов и агенто-шпионов.

...В разведгруппу «Бруно» внедрился наш разведчик Агрономов, до марта 1943 года он находился в доверительных отношениях с официальными сотрудниками этого органа. Он внимательно присматривался к агентам, готовившимся к заброске на нашу сторону, и через надежных лиц передавал о них сведения советской военной контрразведке. Шпионов быстро обезвреживали.

Располагая сведениями о предполагаемых забросках лазутчиков в наш тыл, чекисты не давали возможности им выполнять задания.

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками органы государственной безопасности опирались на помощь местного населения, на патриотов своей Родины. Благодаря этой неразрывной связи чекисты не допустили на территории нашей Воронежской области ни одного диверсионного акта фашистских лазутчиков, обеспечили в тылах Красной Армии спокойную обстановку. Много провалов потерпела фашистская разведка, не оценившая в должной мере этого фактора — шпионам абвера противостояли не только мастерство, мужество чекистов, но прежде всего беззаветный патриотизм советских людей, их высокая политическая бдительность.

После освобождения Воронежской области от оккупантов у чекистов появились новые задачи. Требовалось выявить и привлечь к ответственности тех, кто производил массовые расстрелы, расправы над мирным населением, изменников и предателей. Нужно было вскрыть и разоблачить фашистскую агентуру, новых шпионов, которых абверовцы и гестаповцы, конечно, постарались завербовать и, уходя, оставили на воронежской земле.

В освобожденных районах области для борьбы с отдельными вражескими проявлениями, дезертирами и мародерами создавались оперативно-чекистские группы во главе с заместителем начальника Управления НКВД В. С. Соболевым. Из центрального аппарата НКВД СССР для оказания практической помощи в работе Управления прибыло несколько опытных оперативных ра-

ботников: А. И. Вотяков, Н. Т. Матвеев, М. Т. Дубовик и другие.

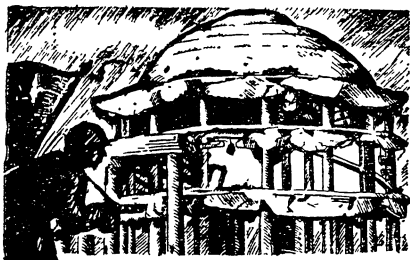
Родина высоко оценила заслуги воронежских чекистов. За образцовое выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности в условиях военного времени Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 сентября 1943 года орденами и медалями были награждены И. Г. Прошаков, Я. С. Турчанинов, Г. С. Михайлов, Д. Ф. Матвеев, В. Ф. Матвеев, А. А. Сидоров, М. А. Янов, М. С. Борзенков, Н. И. Лифановский, А. П. Чепцов, Н. Т. Техов, С. А. Сивков, Н. Н. Никольский, Г. Ф. Хмыров, П. С. Малютин и другие.

За годы войны большая группа воронежских чекистов удостоена высокого звания «Заслуженный работник НКВД». Среди них А. А. Акиньшин, М. М. Гречихин, А. И. Гуренко, И. П. Деверилин, А. Н. Дедов, М. Т. Збродов, А. П. Клячин, П. Г. Пищугин, С. В. Шохин, Т. И. Егоров, В. В. Юров.

За успешное выполнение заданий НКВД — НКГБ СССР в условиях военного времени 14 сотрудников Управления награждены именным оружием: С. А. Ананьин, А. С. Картавых, К. С. Могилин, М. Д. Михальченко, М. А. Палкин, М. Я. Пушкарев, А. К. Павлюкевич, А. П. Кононов и другие.

За проявленную инициативу, находчивость при розыске особо опасного фашистского агента Задорожного приказом НКГБ СССР от 15 марта 1944 года награждены именным оружием Л. Л. Мирошниченко и Н. Н. Дуванов, за поимку агента тайной немецкой полиции — именными часами А. И. Пучков и М. Г. Васильев.

Воронежские чекисты внесли свой достойный вклад в общее дело разгрома врага.

А.Гринько

ЧЕКИСТЫ В БОЯХ ЗА ВОРОНЕЖ

Бои в правобережной части Воронежа—одна из памятных страниц летописи Великой Отечественной войны. Мужеством и героизмом советских воинов были пресечены все попытки гитлеровцев полностью овладеть городом и через него продвинуться дальше на восток. «Опьяненные первыми успехами, — писала газета «Правда» 27 июля 1942 года, — немцы широко разбежались и расшибили себе лоб о стену стойкости наших частей. Более полутора месяцев колотится враг под Воронежем, будучи не в состоянии продвинуться дальше».

В числе частей Советской Армии, оборонявших в те дни Воронеж, были 41, 125, 233 и 287-й полки НКВД. Воины-чекисты сражались с врагом на южных, западных и северных окраинах города, участвовали в боях на Чижовке, у аэропорта, сельскохозяйственного института, Отрожских железнодорожных мостов, Березовой рощи, стадиона «Динамо», бились с фашистами на площадях и улицах центральной части города. Они нанесли врагу тяжелые потери в людях и технике, заставляли его топтаться на месте, а в ряде случаев и отступать.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Когда младший лейтенант Алексей Арефьев с группой красноармейцев, миновав нейтральную полосу, оказался на опушке небольшой рощи в тылу противника, то был поражен увиденным.

Зарево горящего Воронежа окрашивало холмистую местность то в багово-розовый, то в сине-голубой, то в оранжево-желтый цвет. Высвечивались овраг и отрезок дороги, силуэты машин и людей. Длинные колеблющиеся тени все время перемещались, сливались, исчезали, появлялись снова. Страшная картина дополнялась вспышками ракет, пунктирами трассирующих пулеметных очередей, тяжелым рокотом танковых двигателей, гулками раскатами артиллерийской перестрелки.

Но в этом хаосе Арефьев сумел высмотреть подходящие ориентиры и наметил путь дальнейшего продвижения. Он повел свою разведывательную группу по песчаному овражку в глубину расположения противника.

Алексей Арефьев был командиром взвода 4-й стрелковой роты 233-го полка НКВД. Эта вылазка в тыл врага была первой в его фронтовой жизни. Однако молодой командир действовал в сложной обстановке уверенно и расчетливо.

Поздним вечером 5 июля, когда стало ясно, что попытка гитлеровцев ворваться в Воронеж сорвана, никто в штабе боевого участка не считал, что опасность окончательно предотвращена. Все понимали, что противник постарается развить свой успех. За ночь он подтянет свежие силы и с утра снова бросится на штурм города. Но когда именно он начнет свои атаки, на каких направлениях и какими силами? Надо было во что бы то ни стало разгадать намерения гитлеровцев, выяснить состав их основных группировок. Помочь в решении этих задач должна была тщательная разведка. Все полки НКВД получили соответствующий приказ.

Но в полках НКВД не было штатных разведчиков, специально подготовленных для действий на переднем крае. Пришлось подбирать их на ходу, комплектовать разведгруппы из наиболее инициативных бойцов и командиров, имеющих боевой опыт, способных за считанные часы короткой июльской ночи добыть нужные командованию сведения о противнике. Среди чекистов такие люди нашлись.

Разведывательные группы расходились по своим направлениям. Так как у противника еще не было сплошного переднего края, разведчики без особого труда проникали на значительную глубину в расположение неприятеля и сумели многое увидеть. К утру все группы благополучно вернулись в свои части.

— Прибыли без потерь, задание выполнили! — докладывал командиру полка Д. М. Якубенко младший лейтенант А. А. Арефьев. — На обратном пути уничтожили «опель» с офицерами. Вот наши трофеи.

Положив на стол командира добытые документы, Арефьев подробно рассказал о действиях своей разведывательной группы.

Гитлеровцы чувствовали себя победителями и не проявляли особой осторожности. Солдаты горланили песни, разжигали костры, ради забавы пускали в небо ракеты, автоматные очереди. Машины сновали с включенными фарами. В такой обстановке разведчикам удалось многое увидеть. В частности, они засекли большое скопление танков в селе Подклетном и вдоль семилюкской дороги, сосредоточение пехоты в низине у села Подгорного. В середине ночи разведчики подкараулили на полевой дороге легковую машину, забросали ее гранатами. Шофер и два офицера были убиты. Их документы и лежали на столе командира полка.

— А это лично вам, товарищ майор, — закончил свой рассказ Арефьев, протягивая Якубенко большой цейссовский бинокль двадцатикратного увеличения. — Немецкому офицеру он больше не потребуется, а вам пригодится.

Самым ценным документом среди трофейных бумаг была карта с оперативной обстановкой. Через весь лист с запада на восток протянулась широкая красная стрела. Она пронизывала Воронеж и тянулась почти до Саратова. От главной стрелы ответвлялись поменьше размером и совсем маленькие. Они огибали Воронеж с севера и юга, упирались своими острыми концами в Задонск, Грязи, Новую Усмань. Одна из стрел была обозначена пунктирной полудугой и тянулась к Рязани.

Трофейная оперативная карта была незамедлительно доставлена в штаб боевого участка, а затем — в штаб фронта. Она раскрывала замыслы врага и сыграла немаловажную роль в дальнейших мероприятиях нашего командования по организации обороны воронежского направления.

Ценные сведения о противнике доставили в свой штаб и разведчики 287-го полка НКВД. Здесь наиболее удачно действовала группа, которую возглавлял коман-

дир взвода автоматчиков лейтенант Е. И. Листопадов. Чекисты заметили, что некоторые машины сворачивают с острогожской дороги к западной опушке Шиловского леса. Машины останавливались в небольшой балочке, солдаты разгружали какие-то ящики. Видимо, тут создавался склад. Гитлеровцы вели себя беспечно. Разведчики решили воспользоваться удобным случаем. Некоторое время спустя они вернулись к опушке уже десантом на танке и устроили переполох в стане врага. В завязавшейся перестрелке чекисты и танкисты уничтожили два грузовика, бронетранспортер, часть складского имущества и до двух взводов пехоты. Потерь с нашей стороны не было.

Разведывательные группы, побывавшие за передним краем, к утру доставили в штаб Воронежского боевого участка довольно обширную информацию о противнике. Она была использована при составлении плана мероприятий на предстоящий боевой день.

ТАНКИ НЕ ПРОШЛИ

В середине дня 6 июля критическая обстановка создалась на правом фланге 287-го полка. На позиции батальона старшего лейтенанта В. Н. Сороки двинулись девять немецких танков. Машины шли не спеша, без опаски. Фашисты знали, что у обороняющихся нет противотанковых средств.

И вдруг из глубины обороны захлопали частые выстрелы «сорокапятки». У чекистов неожиданно обнаружилась собственная артиллерия. И хотя она состояла всего из одной боевой единицы, фашистам пришлось отступить.

Эту пушку, расчет которой погиб, красноармейцы по приказу комбата прикатили с нейтральной полосы еще ночью. Маленькая сорокапятимиллиметровка с небольшим запасом снарядов была поставлена на выгодную позицию и тщательно замаскирована. Среди бойцов нашлись бывшие артиллеристы, их набралось на полный расчет.

— Тренируйтесь изо всех сил, но себя не демаскируйте, — предупредил расчет Василий Нестерович Сорока. — С пехотой мы справимся сами, а вы готовьтесь к борьбе с танками.

Когда настал трудный момент, расчет не подкачал.

Правда, три первых выстрела были неудачными, зато четвертый снаряд точно угодил в цель. Головной танк задымил, а потом вспыхнул.

В ходе дальнейшего боя орудие подбило еще два танка. К сожалению, запас снарядов был невелик и быстро иссяк. Но вражеские танкисты уже были напуганы и действовали не столь нахально. Все же две машины некоторое время спустя рискнули снова приблизиться к позициям батальона. Они были остановлены гранатами и бутылками с горючей смесью из окопов истребителей, расположенных перед передним краем.

После неудачных атак центра и правого фланга 287-го полка НКВД противник усилил нажим на левый фланг. Здесь на южной окраине поселка Чижевки окопались подразделения второго батальона. Между ними имелись большие разрывы. Гитлеровцы атаковали со стороны Шиловского леса, намереваясь прорваться к Вогрэсовской дамбе. В случае удачи враг мог оказаться в глубине нашей обороны и в непосредственной близости от центра города.

В 17.00 противник ворвался в Чижевку. Чекисты остановили пехоту, обрушив на нее огонь из всех видов оружия, но танки задержать было нечем. Грохоча гусеницами, они с десантом автоматчиков ушли в глубину поселка¹.

Теперь на пути танков оставалась последняя преграда — рота автоматчиков лейтенанта Солодовникова. Она была растянута тонкой цепочкой от училища связи до берега реки. Ставя роту на этот рубеж, командир полка майор Н. М. Злобин рассчитывал, что, в случае отхода подразделений с переднего края, они уплотнят боевые порядки автоматчиков и таким образом усилят оборону непосредственно перед Вогрэсовской дамбой. Но эта надежда не оправдалась.

О прорыве фашистских танков лейтенанту Солодовникову доложили красноармейцы Кульнев и Дашутин, поддерживавшие связь с командиром второго батальона. Ротный немедленно принял меры для усиления обороны на пути движения танков. На угрожаемый участок был переброшен взвод младшего лейтенанта Петра Сафонова. В этом же направлении развернулся взвод млад-

¹ Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО СССР), ф. 72, оп. 35782, д. 1, л. 37.

шего лейтенанта Салиха Сабирзянова. Чекисты приготовили гранаты и бутылки с горючей смесью.

В тот момент, когда танки противника приблизились к позициям автоматчиков, с неба посыпались бомбы. Но тут же рухнул в пойму реки и один из «юнкерсов». Его сбили девушки-зенитчицы, пулеметная установка которых стояла около училища связи. По самолетам вели огонь из винтовок и чекисты. В этой неравной схватке с воздушным противником героически погиб командир отделения сержант Баранов. Он только что вернулся с наряда по охране банка. Когда началась бомбежка, Баранов приказал отделению открыть залповый огонь по самолетам. Сам он тоже стрелял и не успел укрыться в окопе, когда рядом разорвалась бомба.

А тем временем танки неожиданно свернули влево, обошли роту Солодовникова с открытого фланга и устремились к дамбе. Автоматчики отделения сержанта Ульянова все же достали десантников. Десятка полтора гитлеровцев замертво свалились на землю.

Дальше на пути танков уже не было наших бойцов. Машины прошли по кривым проулкам Чижевки на улицу 20-летия Октября, свернули вправо и по булыжной мостовой направились к дамбе. Фашисты стремились захватить мост, прорваться в левобережную часть города. Но едва головные машины достигли дамбы, как с левого берега ударили зенитки, застрочили пулеметы 41-го пограничного полка.

Оставив на дамбе один подбитый танк, фашисты отошли назад, укрылись за постройками. Прорвавшаяся группировка проникла на улицу Софьи Перовской, продолжая движение в северном направлении вдоль реки. Теперь под угрозой захвата оказался Чернавский мост.

Но опять с левого берега загревели выстрелы. Из центральных кварталов города наперерез врагу уже мчались «тридцатьчетверки» 110-й бригады. Разгорелась перестрелка. Два фашистских танка были подбиты, другие стали поспешно отходить к Чижевке, чтобы соединиться со своей пехотой. Но чекисты уже перекрыли им пути отступления.

В ходе боя воины 287-го полка и танкисты 110-й бригады полностью уничтожили прорвавшуюся группировку врага, а потом совместными усилиями контратаковали пехоту на переднем крае. К восьми часам вече-

ра южная окраина Чижовки была очищена от противника. Фашисты отступали на исходные позиции к опушке Шиловского леса¹.

КРЕПКАЯ ОБОРОНА

Среда 8 июля 1942 года стала днем грозного испытания для воинов 233-го стрелкового полка майора Д. М. Якубенко. Фашистские танки обошли полк с левого фланга и ворвались на улицу 9 Января. Линия обороны сперва изогнулась дугой, потом приняла зигзагообразную форму, а вскоре распалась на отдельные звенья.

Разрозненные подразделения и группы чекистов повсюду оказывали врагу упорное сопротивление. Они цепко удерживали в своих руках то группу домов, то часть улицы, то отдельное здание, а зачастую этаж или комнату. Враг повсюду имел численный перевес, но это не всегда обеспечивало ему успех. Укрываясь за развалинами, баррикадами, заборами и стенами, красноармейцы косили фашистов ружейным и пулеметным огнем, били их гранатами.

Более двух десятков гитлеровцев уничтожили на территории экскаваторного завода сержант Кириченко, красноармейцы Серов и Решетнюк. Втроем они удерживали участок, который по всем армейским канонам полагалось бы оборонять взводу. Но эти трое были храбрыми и умелыми воинами. Они подпускали захватчиков на близкое расстояние, били в упор, затем незаметно перебирались на новое место. Фашисты атаковали пустые развалины и тут же несли потери от флангового огня.

На северной окраине улицы Плехановской рота лейтенанта Н. И. Ларина в одном из дворов окружила большую группу фашистских автоматчиков и полностью истребила ее. Столь же успешно воины роты дрались на рубеже водосточного канала. Когда фашисты попытались перебраться через препятствие, то напоролись на мощный залповый огонь и кинжальные очереди пулеметов. На дне канала нашла себе могилу почти сотня вражеских солдат и офицеров. Позже, когда пришлось отойти на восточную сторону Плехановской, лейтенант

¹ ЦАМО СССР, ф. 203, оп. 2843, д. 14, лл. 5—6.

Ларин расположил своих бойцов среди развалин, приказал тщательно замаскироваться и не открывать огня без команды. Чекисты позволили гитлеровцам выйти на открытый участок и по команде лейтенанта ударили из всех видов оружия. Неприятелю пришлось спасаться бегством. На середине широкой улицы он оставил тридцать убитых и раненых.

Другое подразделение противника вышло на Плехановскую у завода «Электросигнал» и двинулось к виадуку. У холодильника фашисты наткнулись на плотный огонь группы замполитрука Пашенко. Первым ударил по врагу из ручного пулемета красноармеец П. А. Петренко, занимавший позицию на фланге и немного впереди товарищей. Гитлеровцы попытались окружить Прокофия Алексеевича. Но он был опытным солдатом. Расстреляв весь диск, Петренко по хорошо знакомым лазейкам незаметно ушел к группе Пашенко.

Эта группа была довольно многочисленной, так как за последние часы к чекистам присоединились отделение стрелков 605-го полка, несколько танкистов и зенитчиков. Всего набралось до полусотни человек. Замполитрука Пашенко был знающим командиром. Он умело организовал оборону, используя имеющиеся у виадука баррикады и противотанковые препятствия. Получив отпор, фашисты залегли, вызвали на помощь танки. Но и это усиление не помогло. Наткнувшись на стальные ежи, танки свернули с улицы и, ломая дощатые заборы, двинулись к густой сети железнодорожного полотна. А тут стояли мины. Два танка подорвались, остальные не стали рисковать и отошли назад. Ни через виадук, ни мимо него фашисты так и не сумели прорваться к центру города. Группа Пашенко наглухо перекрыла улицу Плехановскую.

До взвода гитлеровцев просочились к дому, где располагался полковой медицинский пункт. Военврач Федор Григорьевич Винокуров вместе со своим помощником фельдшером Истоминым отложили свои дела и взялись за оружие. В борьбу с автоматчиками вступили и те раненые, которые были способны держать в руках винтовку или гранату. В окровавленных бинтах они подползали к окнам, били наседавших врагов в меру своих сил. В считанные минуты медицинский пункт превратился в неприступный узел обороны. Потеряв несколько человек убитыми, враги отступили. Вторая их

попытка овладеть медпунктом была сорвана группой чекистов, которую прислал на помощь Винокурову замполитрука Пашенко. Раненые были эвакуированы в более безопасное место.

НОВАЯ ТАКТИКА

Бои в кварталах большого города требовали иной тактики действий, чем на открытой местности. Это учло командование 287-го полка НКВД. Майор Н. М. Злобин вместе с батальонным комиссаром Т. П. Куприяновым разработали план действий мелкими группами и успешно применили его.

Отделения, расчеты, пары, а то и отдельные воины, действуя изолированно друг от друга, но поддерживая огневую связь, хорошо использовали здания и развалины для отражения атак противника. Нередко они преднамеренно пропускали врагов вперед, а потом били им в спину. При первой же возможности чекисты проникали в тыл фашистов.

Особенно горячие схватки происходили на отрезках улиц Кольцовской и Володарского, Плехановской и Таранченко, Пушкинской и Карла Маркса. Здесь бои шли в заводских цехах и на верхних этажах жилых домов, в парках и на бульварах. Городские условия создавали широкие возможности для скрытого маневра, и наши воины умело пользовались этим. Часто в прочесанном фашистами квартале снова появлялись чекисты, и бой опять разгорался на прежнем месте. Пропустив часть гитлеровской колонны, красноармейцы открывали по ней огонь. Движение врага останавливалось, начиналась проческа развалин. А красноармейцы успевали уйти в другое место и уже атаковали другую колонну.

Семь чекистов под командованием помощника командира взвода и комсорга роты Авраама Стасюка подобрались с тыла к дому, в котором засели гитлеровцы. Внезапный дружный огонь из автоматов и несколько гранат решили исход дела. Уцелевшие фашисты покинули дом, а наши закрепились в нем. Враги трижды пытались вернуть здание и трижды откатывались с большими потерями. Тогда они окружили дом и пытались проникнуть в него с разных сторон, но сломить сопротивление чекистов не смогли. Гитлеровцы подожгли здание. Только и это не помогло. Сквозь пламя и дым гре-

мели выстрелы, из проломов в стенах летели гранаты и камни. Чекисты отбивались всем, чем могли. Число неприятельских трупов вокруг дома росло. Когда боеприпасы были на исходе, а огонь уже не давал возможности держаться в здании, Стасюк взял винтовку наперевес и скомандовал:

— За мной! Коли гадов!

Грозный вид чекистов, выскочивших из пламени, ошеломил гитлеровцев. Они не успели опомниться, как советские воины скрылись за глыбами развалин соседнего дома. Группа старшего сержанта А. А. Стасюка в этот день истребила около восьмидесяти гитлеровцев. Отважный комсорг был награжден орденом Ленина, отмечены наградами и его боевые товарищи.

Группа чекистов, которой командовал младший лейтенант Шингарев, заманила фашистских автоматчиков в подвал разрушенного здания. Тут и произошла решительная схватка. Ни один из фашистов живым из ловушки не выбрался.

В ряде мест успешно действовали одиночки и пары чекистов. Красноармеец Гусельников забаррикадировался в дверях парикмахерской и удерживал ее, обороняясь один против пяти гитлеровцев. А рядом, тоже в одиночестве, дрался в подъезде дома сержант Иван Пальгун. Вскоре оба воина перебрались на новую позицию и стали действовать вместе.

Невиданное упорство в боях даже за незначительные внутриквартальные рубежи объяснялось не только стратегической значимостью города, но и тем, что в борьбе за него участвовали отборные фашистские головорезы, а противостояли им чекисты — люди с крепкими нервами и высочайшим чувством ответственности за выполнение поставленной боевой задачи. В этом гитлеровцы убеждались на каждом шагу. Недаром многие пленные утверждали, что Воронеж якобы защищает специально обученная «Стальная дивизия».

Врагам было невдомек, что против них действует не дивизия, а всего лишь несколько подразделений разных частей. Только воины этих подразделений проявляли в схватках с гитлеровцами действительно железную стойкость, не пасовали перед их превосходством в численности и вооружении. Даже оказавшись в безвыходном положении, чекисты бились до последней возможности.

— Против таких солдат воевать трудно, — жаловался в штабе 233-го полка пленный унтер-офицер. — Они сражаются до последнего патрона, потом отбиваются камнями или бросаются в штыки. Они сгорают в огне, но не сдаются.

Одним из ярких примеров подобного упорства может служить бой за комнату № 5, описанный в «Комсомольской правде».

«В дни, когда немцы наступали, когда весь дом уже был занят ими, комната № 5 продолжала держаться, словно советский дот. Из ее окон расстреливали фашистов, перебегающих вдоль улицы. Забаррикадировав квартиру мебелью, советские люди сопротивлялись до последнего патрона. Немцы сумели взять ее только с помощью пушки, которую вкатили на лестницу противоположного дома и через окно дали несколько выстрелов по комнате № 5...»¹.

Уж не эту ли комнату имел в виду командующий немецкой группировкой, штурмовавшей Воронеж, генерал-полковник фон Вейхс, делая пометку в своем дневнике: «8.7.42. Все еще не удалось уничтожить три огневые бронированные точки, которые, по-видимому, заняты фанатиками и хорошо вооруженными людьми (НКВД)».

Барон фон Вейхс явно кривил душой, когда писал эти строки. Уж ему-то было хорошо известно, что в центре Воронежа нет никаких бронированных огневых точек. И коли барон точно указал дату, то ему следовало сказать, что 8 июля в кварталах города действовали не три огневые точки, а по меньшей мере триста. Такой точкой являлись любое окно, пролом в стене, любая дверь или чердачная форточка, всякая развалина, где мог приспособиться советский боец. И не броня служила красноармейцам защитой. Крепче брони было их мужество. Не зря они носили гордое имя советских чекистов.

Длительное время удерживал небольшой двухэтажный дом пулеметный расчет 233-го полка в составе сержанта Михаила Назарова, красноармейцев Степана Лебедева и Алексея Ситникова. Обойденные фашистами с двух сторон, чекисты не думали о том, чтобы скорее выбраться из трудного положения, а продолжали унич-

¹ Комсомольская правда, 1943, 26 янв.

тожать ненавистных захватчиков. В то время как командир строчил из пулемета, его помощники вели огонь из винтовок. Приближавшиеся к дому враги оставались намертво пришитыми к асфальту улицы или уползали обратно.

Обозленные гитлеровцы стали бить по дому из орудия. Рухнул потолок, в стенах зияли пробоины, пламя охватило стены, помещение заполнилось едким дымом, а пули по-прежнему летели в фашистов. По мнению генерала Вейхса, и эту огневую точку, наверное, следовало бы отнести к числу бронированных. Однако это был обыкновенный жилой дом с не очень прочными стенами. И обороняли его всего три человека. Не иступленные фанатики, а самые обыкновенные советские воины, ни чем особенным не выделяющиеся среди однополчан. Все дело в том, что эти трое были верными сынами своего народа, пламенными патриотами Советской Родины.

В тяжелой неравной борьбе героически погиб комсомолец Михаил Григорьевич Назаров, уроженец Калининской области. Его товарищи вдвоем продолжали удерживать дом, который они теперь называли «крепостью Назарова». Они дрались до тех пор, пока не израсходовали последнюю гранату и последнюю пулю. Потом, скрываясь за развалинами, чекисты незаметно пробрались к своим. А фашисты еще долго стреляли по пустому дому.

За этот бой все воины расчета были отмечены правительственными наградами. Орденом Красного Знамени награждены М. Г. Назаров (посмертно) и С. С. Лебедев. Красноармеец А. Ситников стал кавалером ордена Отечественной войны 2-й степени¹.

Неподалеку от «крепости Назарова» отважно действовал расчет ручного пулемета, в составе которого был комсомолец Галям Фаттахов. Пулеметчики все время перемещались, умело используя развалины для маскировки, подпускали фашистов на близкое расстояние и били по ним в упор. Когда погиб первый номер, красноармеец Фаттахов продолжал бой один. Гитлеровцы долго гонялись за хитрым и подвижным чекистом, но каждый раз окружали те места, которые он уже успел покинуть. Кочующий пулеметчик был неуловим.

¹ ЦАМО СССР, ф. 233, сп. НКВД, оп. 682524, д. 1001, л. 538.

Так смело и инициативно действовали и другие чекисты. Враг вынужден был все время оглядываться назад, отвлекать силы на борьбу с огневыми точками, ожившими у него в тылу. Казалось, сами развалины не хотели покоряться захватчикам.

Оправдывая свои неудачи, фашистский генерал ссылался на бронированные огневые точки, а его солдаты полагали, что им противостоят красноармейцы особой дивизии с грозным наименованием. Ничего этого на самом деле не было. Чекисты били фашистов не числом, а умением. Не слепой фанатизм, а ненависть к врагу, сыновья любовь к Родине и верность долгу придавали воинам-чекистам нестигаемую стойкость.

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОГО ГАРНИЗОНА

В то время, когда в центральных кварталах Воронежа шли упорные бои за отдельные здания, крупная группировка фашистов прорвалась со стороны Подгорного в городок сельскохозяйственного института и к вечеру 8 июля полностью овладела им. После этого гитлеровцы попытались пробиться в Отрожку по железнодорожным мостам.

Здесь держали оборону подразделения 125-го полка НКВД майора П. Н. Беломытцева. Они встретили врагов сосредоточенным ружейно-пулеметным огнем и заставили их залечь на открытой местности перед мостами. Фашисты торопливо окапывались, а чекисты ловили их на прицел и били без промаха. Высокие результаты снайперской стрельбы показали воины группы, которую возглавлял помощник командира взвода старший сержант Дмитрий Ефремов, точно поражали цели красноармейцы Александр Залесских, Яхрам Валитов, Кирилл Бельский.

Гитлеровцы стали отползать к кустарнику. Но тут последовала контратака роты младшего лейтенанта С. И. Дуракова. С другого фланга бросился вперед взвод лейтенанта П. Ф. Горшкова. Чекисты Алексей Тараканов, Василий Тертышный, Алексей Рипачев показывали товарищам пример бесстрашия и боевого мастерства.

Противник был отброшен.

Утром 10 июля советские воины атаковали против-

ника, засевшего в городке СХИ. Со стороны Отрожки наступал сводный полк НКВД под командованием начальника Воронежского боевого участка подполковника А. М. Дюльдина.

Подразделения сводного полка НКВД при поддержке зенитчиков смяли оборону гитлеровцев и ворвались в котлованы глиняного карьера. Противник пытался удержать свои позиции, сопротивлялся изо всех сил, предпринимал контратаки.

Когда роты батальона майора А. Н. Харитонова продвинулись в глубину карьера, фашисты с разных направлений бросились навстречу. Но тут по гитлеровцам ударили пулеметы роты лейтенанта Я. И. Тульникова. Восемь «максимов» остановили контратакующих, прижали их к земле. Ударили минометы роты Ф. А. Сосидко. Уцелевшие гитлеровцы кинулись назад. Чекисты роты лейтенанта В. Н. Нехорошко дружно пошли в атаку, их поддержали соседи слева и справа. Противник был отброшен. Батальон прорвался на территорию кирпичного завода.

У печей обжига, в сушильных сараях, в других постройках и между штабелями кирпича происходили острые схватки. Повсюду рвались гранаты и гремели выстрелы, возникали рукопашные стычки. Командир роты лейтенант Н. И. Ларин получил тяжелое ранение, но продолжал руководить боем. Раненный, с простреленной грудью, воронежец Иван Михайлович Сухомлинов строчил из пулемета до тех пор, пока не потерял сознание. Когда погиб командир отделения сержант Кириченко, его заменил красноармеец П. А. Петренко. По его команде чекисты спрыгнули в траншею и добились последних гитлеровцев.

В числе первых достигли зданий СХИ пограничники. До крайнего корпуса — рукой подать, но из окон неумолчно били пулеметы и автоматы.

— За мной! — крикнул коммунист Боровой и бросился вперед. За ним ринулся Долгов, который минувшей ночью был принят кандидатом в члены ВКП(б). И вот уже все отделение сержанта Григория Евтушенко ворвалось в здание.

В соседний дом проникли чекисты группы, которую возглавлял Аветис Акунян. В помещениях и коридорах шла рукопашная. Пограничники Николай Беляев, Валико Аршаба, Леонтий Бузаев били фашистов прикла-

дами. Красноармейцы Николай Ларин и Григорий Коркия уничтожали их гранатами. Геройски действовали друзья-ростовчане Василий Рыковский и Петр Сорокин. Заметив в развалинах пулемет, они обошли его с тыла и взорвали гранатами, а автоматчиков, кинувшихся удирать, подняли на штыки.

Сильная перестрелка завязалась у одного из учебных корпусов. Окруженные со всех сторон, фашисты яростно оборонялись. Но ничто не могло сдержать наступательного порыва советских воинов. Вслед за разрывами гранат в здание проникли и сошлись в смертельной схватке с врагом русский Иван Молчанов, грузин Саби Бабашвили, армянин Михаил Тер-Симонян. Только они расправились с четырьмя фашистами, как из соседней комнаты выскочили еще пятеро. Красноармейцы укрылись за развалинами стены и в упор расстреляли атакующих.

А в это время в соседнем подъезде один на один схватился с гитлеровским офицером уралец Александр Харламов. Через минуту отважный воин уже строчил из трофейного автомата по удиравшим фашистам.

На пути продвижения воинов 287-го полка неожиданно ожила огневая точка: вражеский пулеметный расчет находился в трансформаторной будке.

Отделение старшего сержанта Кутаева блокировало трансформаторную будку и уничтожило гранатами пулеметный расчет. Затем воины ворвались в жилой дом. Бойцы взвода младшего лейтенанта Шингарева очистили от фашистов первый этаж, затем второй. Подразделения капитана П. Н. Беспалова продвинулись вперед и овладели еще несколькими постройками.

Как только сводный полк НКВД завязал бой на юго-восточной окраине институтского городка, с северной стороны в него ворвались сводные подразделения 121-й стрелковой дивизии. Враг оказался зажатым с двух сторон, однако не хотел уступать захваченной территории.

Упорный бой за институтский городок шел более шести часов. Во второй половине дня перестрелка стала затихать. Один за другим угасали последние очаги сопротивления гитлеровцев.

В руки наших воинов попали важные штабные документы 28-го пехотного полка противника. На территории институтского городка враг оставил свое воору-

жение, в том числе 6 орудий, 9 минометов и 25 пулеметов. Всего противник потерял до тысячи пятисот человек, 9 танков, 4 самолета, много орудий, минометов и другого вооружения.

Вечером, когда смолкла перестрелка, воины хоронили героев. Над братскими могилами троекратно прогремели прощальные салюты.

Чекисты сводного полка НКВД похоронили своих товарищей в парке СХИ неподалеку от главного корпуса. Прощаясь с боевыми друзьями, чекисты дали клятву:

— Воронеж был и будет советским! Ни шагу назад! Врагам — смерть, героям — слава!

А героем этого дня мог с полным основанием называть себя каждый боец сводного полка НКВД.

Много ратных подвигов в боях за Воронеж совершили воины-чекисты и в последующие дни. Всего они истребили около 6000 фашистов, уничтожили 14 танков, 6 орудий, 2 броневика, 13 автомашин, 40 дзотов.

Родина высоко оценила подвиг воинов-чекистов, отличившихся в боях за Воронеж. Высокими государственными наградами были отмечены командиры частей А. М. Дюльдин, Д. М. Якубенко, И. Т. Миронов, П. Н. Беломытцев, военкомы Н. И. Молодцов, П. Н. Сазиков, комбаты А. Н. Харитонов, В. Н. Сорока, командиры и политработники подразделений И. Я. Тульников, С. Г. Долгов, Н. И. Ларин, Я. Е. Резниченко, сержанты А. А. Стасюк, Д. И. Ефремов, П. А. Петров, К. А. Коккарев, М. И. Смоляков, красноармейцы П. В. Веселов, С. Н. Захаров, Н. П. Петров и многие другие.

От Воронежа до далеких западных рубежей пролегли фронтовые пути воинов-чекистов. Но город, поднимаясь из руин и пепла, не прерывал связи со своими защитниками.

В одной из телеграмм личному составу 233-го полка НКВД говорилось: «Воронежцы помнят суровое лето 1942 года, тяжелые бои, в которых чекисты упорно дрались с фашистскими захватчиками. Воронежцы никогда не забудут великого подвига славных чекистов».

И сегодня, в канун своего 400-летия, обновленный Воронеж свято чтит память о своих защитниках. В мемориале на площади Победы в числе отличившихся частей и соединений указаны все полки НКВД, а на плитах братских могил названы поименно все воины-чекисты, погибшие в боях за Воронеж.

Александр Голубев

БАЛЛАДА О МОСТАХ

Летом 1942 года шли ожесточенные бои с гитлеровцами в районе Отрожских мостов. Беспримерную храбрость и мужество проявили в битве с врагом воины 125-го полка НКВД.

На месте их героической гибели установлен памятник.

Победный день, победный день весны.

Он к нам пришел в том давнем,

сорок пятом.

Пришел раскатом первой тишины,

в обличии советского солдата.

Простого парня или тех парней,

что пали, грудью землю закрывая,

во имя нынешних счастливых дней,

во имя солнца, Родины и мая.

Их подвиги не так-то просто счесть,

и пусть не всех мы знаем поименно.

Но все равно они навечно есть,

те кровные, родные миллионы.

И среди них особый был отряд,

кто, не боясь ни пули, ни бомбежки,

сражался, предваряя Сталинград,

у двух мостов на пойме у Отрожки.

«Держать мосты! Держать любой ценой!»

Иначе день закатится лучистый.

Силен фашист — отпетый и хмельной,

но мы сильнее, на то мы и чекисты.

Бьют ошалело пушки с высоты.

И, глядя на разрывы хмуρο:

«Враг не возьмет горящие мосты», —

так порешит чекист товарищ Журов.

...Они уйдут в безмолвье тишины,

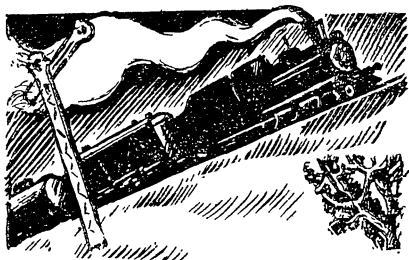
землею станут на лугу росистом.

Отечества бессмертные сыны —

простые хлопцы в звании чекистов.

Они уйдут, чтоб вновь прийти сюда,

презрев года и горькие прощанья.
Придут, остановившись навсегда
торжественным и скорбным изваяньем.
И каждый год к защитникам мостов,
как символ жизни и высокой веры,
с венками и букетами цветов
нарядные приходят пионеры.
Спасибо, павшие. Поклон вам и салют.
Мы молоды и, значит, непоседы.
Часы истории по-ленински идут
и не стареет светлый день Победы.
А те мосты, как доблести пароль,
останутся навек печалью строгой.
Они для нас и мужество, и боль,
и в будущее верная дорога.
Мосты, мосты — святая наша песнь!
Запомним вместе тех бойцов плечистых,
веселыми и гордыми, как есть:
прекрасных хлопцев в звании — чекисты!

С. Ананьин

И СНОВА ПОШЛИ ПОЕЗДА

В марте 1925 года Ф. Э. Дзержинский обратился к товарищам по революционной борьбе с памятным документом — им было написано «Письмо к старым чекистам». Суть «Письма» состояла в том, что история органов государственной безопасности имеет громадное значение не только при изучении Октябрьской революции, но и в последующие годы в борьбе за сохранение власти пролетариата, ибо чекисты принимали и принимают активное участие в строительстве социализма, в том числе и в решении народнохозяйственных задач. Поэтому Феликс Эдмундович призывал старых чекистов заняться составлением воспоминаний, охватывая в них и политическую и экономическую работу. По мнению Дзержинского, это было важно для истории.

Время подтвердило справедливость его слов. Ведь чекисты во главе с Ф. Э. Дзержинским занимались не только своим прямым делом. Многие и многие из них восстанавливали разрушенную в годы гражданской войны промышленность, поднимали железнодорожный и водный транспорт. Чекист — это прежде всего, по выражению Ленина, хороший коммунист.

В Великую Отечественную войну чекисты выявляли и обезвреживали гитлеровских шпионов, диверсантов, террористов. Советская разведка и контрразведка одер-

Сергей Александрович Ананьин — полковник в отставке, почетный сотрудник госбезопасности, участник Великой Отечественной войны.

жала победу над фашистской разведкой и контрразведкой. Произошло это благодаря тому, что советские чекисты всегда опирались и опираются в наши дни на помощь советского народа, патриотов других стран.

Выявлением и поимкой гитлеровской агентуры на Воронежском фронте, а также разведкой за линией фронта довелось заниматься и мне. Но в этой книге я хотел бы рассказать об одном эпизоде, казалось бы, не имеющем прямого отношения к чекистским делам.

...В начале 1942 года на стратегически важном участке Юго-Восточной железной дороги — Воронеж — Лихая — вблизи от фронта сложилось тревожное положение. За Лихой уже хозяйничали гитлеровцы, они предпринимали отчаянные попытки прорваться к этому участку дороги. Перед железнодорожниками стояла чрезвычайно важная задача: обеспечить бесперебойное продвижение воинских эшелонов. Но... многие эшелоны останавливались в пути, и не из-за бомбежки. Гитлеровские стервятники охотились за эшелонами, но машинисты научились их обманывать, — когда сбрасывались бомбы, они то резко тормозили, то развивали недопустимую в мирное время скорость. В чем же причина остановок? Возникло подозрение, что это дело рук диверсантов.

Воронежское управление получило указание НКВД СССР: срочно направить оперативно-чекистские группы на станцию Глубокая, где находилось основное паровозное депо, и на станцию Лихая. Я был назначен начальником группы на станции Глубокая — видимо, учли, что раньше я работал в дорожно-транспортном отделе НКВД Московско-Донбасской железной дороги.

Добрались до Глубокой 19 марта попутным эшелоном и сразу же включились в разбор чрезвычайного происшествия: машинист решительно отказывался вести эшелон, с отчаянием повторяя, что, мол, опять будет авария. Пришлось отстранить его от поездки. Мы пошли к начальнику отделения паровозного хозяйства Д. Н. Константинову. Из его слов поняли, что глубокинские машинисты привыкли водить поезда на твердом топливе, но Донбасс отрезали гитлеровские войска, угля не было, и надо было срочно переходить на нефтяное отопление. Дело это для машинистов было незнакомым. Управление дороги прислало машиниста-инструктора

депо Тбилиси Мелкадзе, но он плохо владел русским языком, и машинисты объяснения его понимали с трудом. Мы отправились в депо, чтобы побеседовать с железнодорожниками. Только подошли, началась очередная бомбежка депо, но никто из ремонтников не покинул рабочего места — уже привыкли. Они подтвердили, что причина ежедневных аварий, остановок в пути — плохое знание машинистами того, как отапливать паровозы нефтью. Разыскали Мелкадзе. Георгий Якинтевич оказался пожилым человеком, много лет водил поезд на нефти, а вот передать свой опыт другим не умел, говорил, что для этого нужно немало времени.

Немало времени! А тут дорог каждый день, каждый час! Вот мы и решили записать его рассказ-наставление и срочно отпечатать. Мои товарищи стали выполнять другие оперативные задания — надо было проверить версию, не действуют ли диверсанты, а я весь вечер и ночь сидел с Георгием Якинтевичем в конторе, записывал его лекцию.

После бессонной ночи мы с Мелкадзе пришли к Д. Н. Константинову, я попросил быстро собрать руководящий состав отделения, свободных от поездок машинистов, их помощников, слесарей-ремонтников и зачитал лекцию. Мелкадзе ответил на возникшие вопросы. Лекция была одобрена. Ее издание наша оперативно-чекистская группа взяла на себя. Отпечатали лекцию-памятку рабочие типографии районной газеты «Ленинский путь» тиражом 200 экземпляров, им не надо было объяснять, как это важно. В тот же день мы раздали памятки всем машинистам, слесарям, пояснили, что даем день на изучение, а потом устроим экзамен. Экзамен машинисты выдержали с честью. Сразу же после этого количество аварий резко сократилось.

И вот у меня в руках чудом сохранившаяся книжечка карманного формата. На обложке из серого мягкого картона напечатано:

ОПЫТ МОЕЙ РАБОТЫ НА НЕФТЯНОМ ОТОПЛЕНИИ

Лекция машиниста-инструктора депо Тбилиси
орденоносца Георгия Якинтевича Мелкадзе
машинистам депо Глубокая Ю.-В. ж. д.

И внизу:

Издание отделения паровозного хозяйства
ст. Глубокая Ю.-В. ж. д. Март 1942 г.

Теперь, когда прошло более сорока лет, можно сказать совершенно объективно, что эта книжечка — издание оперативно-чекистской группы Управления НКВД по Воронежской области.

Выждав немного, убедившись, что воинские эшелоны пошли бесперебойно, в начале апреля мы вернулись в Воронеж, чтобы вскоре принять участие в боях за свой родной город.

А.Сидоров

ОСТАВЛЕНЫ В ТЫЛУ ВРАГА

Из сообщения Совинформбюро за 6 июля 1942 года было известно, что в течение дня наши войска вели ожесточенные бои западнее Воронежа и юго-западнее Старого Оскола.

Линия фронта вышла к Дону. Лавина немецко-фашистского наступления покатилась к югу. А днем раньше в острогожском направлении устремились подвижные моторизованные части 4-й танковой армии генерала Гота. Наши войска отходили с тяжелыми боями к излучине Дона и Тихой Сосны, оставляя горящий Острогжск. Враг рвался к Воронежу.

Начальник Острогожского райотдела НКВД В. Ларичкин давал последние указания чекистским разведчикам, оставляемым в тылу врага. Группа патриотов была заранее подобрана из тех, кто не был призван в армию по состоянию здоровья или по возрасту. Они прошли специальную подготовку в Воронеже под руководством опытных чекистов Управления НКВД Н. А. Беленко и В. В. Юрова. Общее руководство подготовкой осуществлялось секретарем обкома ВКП(б) членом Военного совета Воронежского фронта А. М. Некрасовым.

Почетный сотрудник госбезопасности Анатолий Александрович Сидоров в годы Великой Отечественной войны работал в органах НКГБ—МГБ, руководил оперативной группой, позднее Острогожским районным отделом НКГБ. Ныне находится на ответственной советской работе.

Для Острогожска наступили черные дни оккупации. Гитлеровцы убивали активистов, грабили квартиры, разрушали постройки. На уцелевших стенах зданий запестрели приказы коменданта: за содействие партизанам и пленным — расстрел, за нарушение комендантского часа — расстрел, за малейшее неповиновение немецким властям — расстрел.

Фашистская газета «Острогожский листок» в сентябрьском номере за 1942 год сообщала: «На базе разрушенного халвичного цеха плодокомбината местные механики восстановили мельницу для размола муки. За восемь часов рабочего дня могут давать до 5 тонн муки».

А события развивались так. В начале июля сорок второго года, с приходом оккупантов, бургомистр К. Муратов, угрожая расправой, приказал специалистам приступить к работе. Для устрашения горожан на перекрестке улиц соорудили виселицу...

На работу явились механик плодокомбината К. Н. Согин, мастер-печник горкомхоза Г. А. Федосенко, главный электромеханик кожзавода Н. И. Белошапкин, старший механик городского кинотеатра В. Ф. Цыбулин...

Письменным разрешением на восстановление мельницы К. Н. Согин пользовался как пропуском. Под предлогом поиска запчастей он свободно расхаживал по городу, бывал в окрестных хозяйствах. А это давало ему возможность собирать разведанные о войсках противника, о местах их сосредоточения. При случае совершал диверсии. В пригородном совхозе «Победа» он вывел из строя двигатель мехмастерской и повредил приводы к станкам. А восстановление мельницы затянул на три месяца. Работать она стала лишь в сентябре.

Рабочие на мельнице часто менялись. Согин и пользовался этим. Оставаясь один, он в размолотый фураж подсыпал битое стекло и ядохимикаты, которые брал в хозяйственной лаборатории плодокомбината. Из размолотых 40 тонн зернофуража ему удалось привести в негодность свыше 25 тонн.

Местные жители приносили на мельницу зерно, спрятанное от фашистских грабителей. Согин с товарищами организовали его помол и тем самым многих спасли от голодной смерти.

В январе 1943 года, перед освобождением Острогож-

ска, когда наши войска уже вели разведку боем, К. И. Согин первым связался с прорвавшимися с передовой бойцами Красной Армии, передал командиру схему оставшихся огневых точек, складов оружия и боеприпасов противника.

Не менее успешно действовали и другие патриоты, оставленные для подпольной работы. Н. Белошапкин, чтобы не вызывать подозрений, пошел работать на кожевенный завод. Перед этим его в полиции предупредили:

— Твоего брата Данилу, коммуниста, уже расстреляли. И с тобой то же будет, если не станешь восстаивать завод.

В это время оставшуюся часть оборудования предприятия оккупанты демонтировали и увозили в Германию. Белошапкин, где это было возможно, перед погрузкой в вагоны разукomплектовывал и портил станки и машины. Он активно участвовал в спасении советских военнопленных, находившихся в лагере вблизи кожзавода. Их большими группами ежедневно под охраной, загоняли для работы на завод. По инициативе Белошапкина рабочие по окончании смены брали с собой по одному пленному, давали им в руки топор, лопату или корзину и выводили через проходную. Следуя его совету, рабочие завода М. А. Акимов, К. И. Лукьяненко, П. А. Зуева укрывали у себя дома пленных, помогали им переходить через линию фронта.

Старший киномеханик острогожского кинотеатра «Спартак» В. Цыбулин, которому тогда было немногим более двадцати лет, тоже был оставлен с заданием. Кинотеатр был разрушен. Виталий стал ремонтировать часы, замки. Заказчиков искал на рынке. Здесь, в многолюдье, узнавал нужную информацию...

Штабные связисты гитлеровцев на участке Острожск — Новая Сотня открыто уложили многожильный телефонный кабель. В. Цыбулин, близко проживавший от этого места, выбрал удобный момент, повредил линию. В результате линия связи с армейскими штабами белгородско-харьковского направления была выведена из строя.

Вот еще два примера. Комендант Ланг распорядился отремонтировать печи в двух казармах пересыльного пункта фашистских солдат. К этой работе привлекли печных дел мастера Г. А. Федосенко, дали ему в по-

мощь рабочих из немецкого хоззвода и пленных, Федосенко сразу понял, что они в печном деле мало что смыслят. В двенадцати печах, переложенных им, Федосенко устроил немцам «сюрприз». Угарные газы свободно проникали в казармы, и санитарные машины едва успевали вывозить своих вояк...

Выполнял задания и бухгалтер лушниковского колхоза «Политотдел» Ф. И. Попов. Он организовал раздачу колхозникам хлеба, заготовленного оккупантами. Составлял ведомости с приписанными трудоднями, выгadyвая хлеб и для пленных, бежавших из лагерей и спасавшихся у населения. Исключал из списков на изъятие скота семьи активистов и фронтовиков, предупреждал колхозников о намечавшихся облавах и обысках.

Бесстрашные патриоты Родины вели, казалось бы, незаметную, но самоотверженную борьбу с фашистами, помогали фронту чем могли.

М.Гончаров

ПАРТИЗАНСКОЕ ЗАДАНИЕ

Боевой программой воронежских коммунистов с первых дней войны стала директива Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, определявшая деятельность партийных и советских органов в условиях непосредственной близости фронта и на оккупированной территории. Исходя из требований этой директивы, указаний обкома партии, четко определила свои задачи и Подгоренская районная партийная организация. 20 июля 1941 года на пленуме райкома партии было принято решение о немедленной перестройке всей политической и организаторской работы на военный лад, подчинении ее интересам фронта, задачам разгрома врага.

Все, кто мог держать в руках оружие, уходили на фронт. И в первых рядах были коммунисты. Женщины, старики, подростки заменили ушедших на фронт мужчин. Они работали на тракторах и комбайнах, трудились на ремонте дорог, вступали в народное ополчение, изучали военное дело.

Летом сорок второго огненный шквал войны опалил и подгоренскую землю. Сотни трудящихся района вышли на сооружение оборонительных рубежей, шла подготовка к организации партизанской борьбы в тылу врага. Еще в начале июня на одном из совещаний партийного актива первый секретарь РК ВКП(б) А. Ф. Анпилов докладывал о конкретных мерах по организации партизанского отряда. Речь шла о подборе и подготовке людей, создании продовольственной базы и тайников с оружием, о развертывании массово-политиче-

ской работы среди населения на случай оккупации района. Всеми этими вопросами занимались секретари райкома партии, работники райисполкома, органов НКВД.

Однако обстановка сложилась так, что сформировать отряд, подготовить для него склады и базы не представилось возможным. В конце июня и начале июля немецко-фашистские войска крупными группировками начали наступление на воронежском направлении. Вскоре завязались бои на подступах к Россоши и юго-западнее Кантемировки. Противник подтянул туда большие резервы и предпринял попытку замкнуть в кольцо наши войска в районе Среднего Дона.

Райком партии и другие учреждения были эвакуированы за Дон, в Лосево. И уже там секретарем райкома ВКП(б) Анпиловым и начальником НКВД района майором Дружиненко при непосредственном участии оперативной группы областного комитета партии был сформирован партизанский отряд Подгоренского района «За Родину». Сначала отряд насчитывал до тридцати человек, но в связи со сложностями переброски больших формирований через линию фронта и особенно их переправы через Дон численность отряда была значительно сокращена.

Командиром партизанского отряда «За Родину» был утвержден Всеволод Данилович Костукевич — начальник уголовного розыска районного отдела НКВД, а комиссаром Николай Павлович Прохоренко — заместитель начальника политотдела Сагуновской МТС.

Партизаны прошли соответствующую подготовку. После проверки боевой готовности, экипировки и вооружения они в конце сентября вышли к переднему краю для перехода линии фронта. И было их всего восемь человек. Кроме Костукевича и Прохоренко в группу входили А. К. Самсоненко — второй секретарь РК ВКП(б), Л. М. Леонов — заведующий отделом райкома партии, А. А. Горбатко — заведующий финансовым отделом райисполкома, М. Г. Спичкин — управляющий конторой «Заготскот», М. Е. Банченко — председатель колхоза «Серп и молот» и Н. И. Мамонтов — участковый инспектор милиции.

Ночью группа Костукевича с помощью разведчиков и саперов одного из передовых полков наших войск переправилась в районе села Покровки через Дон, преодо-

лела передовые позиции противника и уже на рассвете следующего дня вышла на территорию Андреевского сельского Совета.

Так начались боевые будни подгоренских партизан во вражеском тылу.

Перед группой Костукевича ставилась задача вести разведывательную и диверсионную работу в тылу оккупационных войск, нарушать их линии связи, проводить массово-политическую пропаганду среди населения оккупированных сел, поддерживать постоянную связь с райкомом партии и штабом воинского соединения, куда регулярно пересылать всю информацию о разведке тылов противника, численности его войск в гарнизонах, дислоцируемых на территории района.

В выполнении этих задач партизанам помогали советские люди — патриоты Родины. Таких честных и преданных людей, проявивших готовность помогать партизанам, было немало. С их помощью разведчики добывали нужные сведения о противнике, они предупреждали партизан об опасности, обеспечивали их продуктами питания, помогали оружием.

Случилось так, что первые шаги партизан на подгоренской земле были сопряжены с опасностью попасть в облаву фашистских карателей. И первым, кто пришел им на помощь, был Роман Иванович Забугин из хутора Шедрин. Он укрыл разведчиков в надежном месте, а когда опасность миновала и партизаны уходили по своим маршрутам, Забугин передал им шесть автоматов с снаряженными дисками и несколько десятков гранат, в их числе две противотанковые.

— Где же ты раздобыл такое богатство? — спросил его Костукевич, довольный подарком.

— Подобрал на поле боя. В июле еще. Спрятал, знал, что пригодятся. Если бы вы не пришли, сами нашли бы им применение, — ответил Роман Иванович.

— Спасибо тебе, добрый человек, — поблагодарил Прохоренко, — все это нам пригодится.

Теперь все партизаны были вооружены автоматами ППШ. С ними было удобнее. Карабины спрятали про запас.

Добрые люди выручали партизан не раз. Встречи с такими людьми придавали им уверенности в своих силах, смелости и решительности.

Узнав, что в хуторе Ткачи оккупанты содержат в свинарнике около семидесяти военнопленных красноармейцев, партизаны решили напасть на охрану и освободить военнопленных. Провели разведку. Установили, что сарай охраняется небольшим караулом, состоящим из одного трехсменного поста. Ночью подошли к сараю, сняли часового, сбили замки, открыли двери и объявили, что все военнопленные свободны и могут уйти за Дон, к своим.

Костукевич и Прохоренко рассказали красноармейцам об обстановке на территории района, уточнили маршруты движения к Дону и возможные места переправы через реку. В ту же ночь красноармейцы ушли в сторону Дона, а вслед за ними ушли подальше от хутора и партизаны. Остаток ночи и весь последующий день они скрывались в густых камышах вблизи села Коренщины.

Партизаны были голодными, сильно промерзли, костра не разжигали, боялись обнаружить себя. Постоянного места базирования у них не было. Все время в бесконечном передвижении. Выполнив ту или иную задачу, разведчики тут же торопились уйти, чтобы не попасть в поле зрения карателей. Жизнь партизан осложнялась и отсутствием продовольственной базы.

Местные жители всячески помогали им, в том числе и продуктами питания, но разведчики знали, что сами они, эти люди, жили впроголодь и зачастую отдавали последнее. Потому партизаны старались сами добывать продовольствие, отбирая его у оккупантов.

Однажды Митрофан Григорьевич Спичкин узнал, что по дороге между Гончаровкой и Григорьевкой через каждые два дня курсировала повозка с двумя немецкими солдатами. Они возили из Гончаровки печеный хлеб, мясо, масло, яйца и другие продукты для своей команды. Дорога проходила по длинной ложбине и пересекала небольшой овраг, через который был перекинут деревянный мост. В этом овраге и засели на расвете Спичкин, Горбатко и Мамонтов. Сидели часа два, если не больше. Наступило утро. Наконец показалась повозка. Два фрица, усевшись на ней, громко и беспечно разговаривали о чем-то, гоготали, не подозревая об опасности.

— Разъезжают как у себя дома, гады. Ничего не боятся, — со злостью сказал Горбатко.

— Награбили, потом жрать будут. Они это любят, — поддержал разговор Спичкин.

— Сейчас мы их накормим. Приготовиться. По фашистам огонь! — скомандовал Мамонтов и первым пустил короткую очередь из автомата по гитлеровцам.

Фрицы мигом слетели с повозки, как будто их ветром сдуло, бросились бежать, но тут же их настигли очереди Горбатко и Спичкина. Убитых гитлеровцев партизаны сбросили в овраг, засыпали землей, а телегу с продуктами доставили в урочище Скорорыб. Там разгрузили продукты, а лошадей и повозку отогнали подалее от урочища.

...Когда Николай Павлович Прохоренко работал в Сагуновской МТС, он знал почти всех жителей поселка и поддерживал с ними добрые отношения. Хорошо он был знаком и с дежурным по станции Сагуны — Василевским Борисом Павловичем. Через него они узнали о складах с хлебом, подготовленным для погрузки в железнодорожные вагоны. Партизаны решили взорвать эти склады, не дать оккупантам вывезти хлеб. Но у них не было взрывчатки. Тогда решили поджечь их. И опять проблема: где взять бензин? Три канистры бензина добыл Прохоренко через того же Василевского. В распоряжении партизан была одна ночь. Пробравшись незаметно к хранилищу и выждав, пока часовой зашел в караульную будку погреться, Прохоренко, Леонов и Мамонтов полили стены хранилища бензином и подожгли его... Ну, а потом, как и всегда, бежать. И как можно дальше. Укрывали их темная ночь и густая лесополоса у дороги...

Эти небольшие, но довольно дерзкие операции подгоренских партизан не могли оставаться незамеченными оккупационными властями и карательными органами. Подгоренский бургомистр, немецкое гестапо и полицейское управление знали, что на территории их оккупационной зоны действуют советские партизаны. И, конечно, охотились за ними.

Длительную облаву на партизан провели каратели после освобождения пленных красноармейцев в хуторе Ткачи. Но эта акция закончилась безуспешно.

Партизаны после каждой операции сразу же меняли место своего базирования. Чаще всего они бывали у Михаила Прокопьевича Тарасенко — лесника из хутора Окраюшкино. Он пользовался некоторым доверием у

оккупационных властей, имел постоянный пропуск для передвижения по территории района, бывал в Подгоренском и выполнял задания Костукевича.

В начале октября группа Костукевича провела операцию по выводу из строя важной линии связи оккупантов, проведенной из Острогжска через Подгорное на Россошь. Ночью на участке между совхозом «Опыт» и карьером цементного завода партизаны в нескольких местах повредили линию. Гитлеровцы восстановили ее. Партизаны снова вывели ее из строя уже на границе Подгоренского и Ольховатского районов. Вырезанные куски кабеля они затаскивали далеко в посевы, забрасывали в овраги. Так несколько дней подряд разведчики лишали фашистов телефонной и телеграфной связи, необходимой им во фронтовой полосе.

Но была еще одна коммуникация связи гитлеровцев, которая не давала покоя Костукевичу. Ее оккупанты проложили из Россоши на Белогорье, и пролежала она через хутор Курени, где разместился какой-то штаб. Именно этот штаб и интересовал Костукевича. Ему нужна была связь с Куренями, нужен был человек, который помог бы разведчикам получить интересующие их сведения о линии связи, о штабе... Вот тогда-то он и вспомнил об Анне Гринько. С ней он познакомился в Подгорном еще до захвата его гитлеровцами. Аня приходила в магазин за мылом и солью, случайно оказалась свидетельницей, как здоровый молодой парень обворовал в очереди женщину — похитил у нее кошелек с деньгами. Вора поймали, привели в милицию. Туда же пригласили и Аню Гринько как свидетельницу. Костукевич присутствовал при разборе дела о хищении денег. Девушка понравилась ему. Он пригласил ее в свой кабинет, попросил рассказать о себе. Из рассказа узнал, что родилась она в селе Резникове Харьковской области, в семье бедняка. Ее отец, Николай Петрович Гринько, работал председателем колхоза, с первых дней войны ушел на фронт, а она с матерью и младшим братом эвакуировалась в придонской хутор Курени. Аня была комсомолкой, окончила десять классов, и ей очень хотелось пойти на фронт, но у них болела мать. Она нуждалась в ее помощи.

Вспоминая об Анне Гринько, Костукевич был уверен, что на эту девушку можно положиться: смелая, решительная, комсомолка. Значит, ему надо встретиться

с ней. И в Курени должен идти он сам. Посоветовавшись с Прохоренко, Костукевич пошел в хутор.

От Окраюшкина до Куреней напрямую — рукой подать. Но приходилось много петлять: пробирался по занятой врагом территории. На это ушла целая ночь. Потом почти весь день провел в ближнем от хутора лесу, в надежде встретить кого-нибудь из местных жителей и попросить вызвать к нему Анну. Наконец ему повезло. Он увидел парня лет семнадцати; тот ходил с длинной клюкой по лесу и обламывал сухие ветки на деревьях, заготавливал дрова. Костукевич тихо окликнул парня. Тот сначала испугался, увидев незнакомого человека, потом осмелел, подошел, спросил:

— Вы меня?

— Тебя, — подтвердил Костукевич. — Ты из Куреней?

— Из Куреней. А что?

— А кто будешь-то?

— А вам зачем? — осторожничал парень.

— Ну, ты можешь хотя бы сказать, как тебя зовут?

— Андреем. Но зачем вам?

— Да, понимаешь ли, какое тут дело, — доверительно заговорил Костукевич. — Я после ранения лежал в госпитале вместе с Гринько Николаем Петровичем, и он мне рассказывал, что в вашем хуторе живут его жена и дети, эвакуированные из-под Харькова. Не знаешь, есть такие?

— Гринько? Конечно, есть, — с мальчишеской откровенностью ответил Андрей. — И тетка Ирина, и Анька, и Николай... Все здесь живут.

— Ну, вот и хорошо, — с удовлетворением отозвался Костукевич. — Ты мог бы вызвать ко мне сюда Анну? Отец просил передать ей кое-что... Ты тайны хранить умеешь?

— Конечно. Я же комсомолец!

— Тогда иди в село и пригласи сюда Аню, но только так, чтобы об этом никто не знал. Матери и брату ни слова. Ясно?

— Ясно. Это я мигом, — заверил его Андрей и помчался в сторону хутора.

Костукевич облегченно вздохнул. Осталось подождать. В лесу было тихо, спокойно. Хорошо думалось. Снова и снова вспоминалось недавнее партийное собрание группы, на котором его приняли кандидатом в чле-

ны ВКП(б). Рекомендации для вступления в партию ему дали Самсоненко и Леонов. Все коммунисты проголосовали за него единогласно. Это была самая радостная и счастливая минута в его жизни.

...Родился он в 1896 году в селе Озеро Луцкого района Волынской области в бедной крестьянской семье. В десять лет уже работал, помогал отцу по хозяйству. В 1916 году призвали в царскую армию. Весть об Октябрьской революции воспринял с радостью. В гражданскую добровольно перешел на сторону Красной Армии. Воевал в артиллерийской батарее в составе 33-й Кубанской кавалерийской дивизии и конного корпуса Дубенко. Участвовал в боях против белогвардейских полчищ Шкуро, Мамонтова, Деникина, Врангеля. На всю жизнь запомнились бои за Краснодар, Новоросийск. Затем служил в составе коммунистического бронепоезда им. В. И. Ленина, где пришлось вести тяжелые бои на Северном Кавказе и против белополяков.

В 1922 году, после демобилизации из армии, добровольно пришел в органы советской милиции. Поначалу работал участковым уполномоченным, затем — в уголовном розыске. В 1926 году, после окончания Харьковской школы старшего комсостава милиции, был направлен в Черниговскую область, в Нежинский район для борьбы с бандами Сапонова. Это была самая жестокая банда на Украине. Ее целью было уничтожение советских и партийных работников, сельского актива. Долго гонялись за ней, пока не обезвредили ее атамана Сапонова и не разгромили всю шайку головорезов.

Там, на Черниговщине, в местечке Ичня женился, обзавелся небольшим хозяйством.

В 1929 году переехал в Россошанский округ Воронежской области. Сначала работал в Кантемировском районе, а с 1934 года — в Подгоренском. Там и осел. И все время в уголовном розыске. Работа ему нравилась, а мужества и отваги в борьбе со всякой нечистью ему было не занимать.

Еще до назначения командиром партизанской группы дважды побывал во вражеском тылу. Ходил туда со специальным заданием обкома партии и органов госбезопасности по сбору сведений разведывательного характера. Нелегко было, но задание свое выполнил с честью: доставил важные разведывательные данные о войсках и штабах противника.

Когда его назначили командиром партизанской группы, первый секретарь райкома партии Алексей Федорович Анпилов сказал: «Ты у нас, Всеволод Данилович, самый опытный в военном деле: гражданскую прошел, да и работа у тебя постоянно с риском связанная. Значит, тебе и командовать группой. Уверены, что доверие райкома партии оправдаешь».

Оправдать доверие партии — он считал это главным и сейчас, находясь на оккупированной врагом территории, возглавляя партизанский отряд.

...Наконец появились Андрей и Анна Гринько. Не сразу узнал он ее. В большой старой фуфайке, рваных резиновых ботах. Осунувшаяся, похудевшая, одни глаза блестящие. Они были такими же большими и открытыми.

Незнакомым человеком показался Anne и Костуевич. Ей было трудно узнать того лейтенанта милиции, которого она видела в Подгорном. Перед ней стоял мужчина гораздо старше, с густой бородой, в коричневой куртке и черных брюках, заправленных в кирзовые сапоги. А вот глаза и улыбка вспомнились...

Всеволод Данилович подробно расспросил девушку об обстановке в хуторе, о фашистах и полициях, о том доме, который его интересовал. Затем изложил свою просьбу — узнать, что находится в большом доме.

Девушка рассказала о зверствах фашистов в селе, о казни советского военнопленного Семена Козлова из Таловского района Воронежской области. Козлов с помощью хуторских комсомольцев пытался организовать побег пленных красноармейцев, находившихся в хуторе. Гитлеровцы использовали их на тяжелых работах в лесу. Фашисты узнали об этом. У Козлова при обыске нашли листовку с обращением Воронежского обкома и облисполкома к трудящимся временно оккупированных районов. Козлова всю ночь пытали. Когда он терял сознание, отливали водой и опять били. Семен держался стойко и фашистам не сказал ни слова. На другой день гитлеровские палачи привязали его к мотоциклу, потащили к Березнеговатскому лесу. Там они сначала заставили его вырыть яму, затем выкололи глаза и живым закопали в землю.

— С тех пор люди в хуторе боятся даже на улицу выходить. А к тому большому дому вообще подобраться страшно. Там постоянно стоит усиленная охрана, и

что там делается, никому не известно, — закончила свой рассказ Аня.

После убедительных доводов Костукевича Аня согласилась выполнить его задание: познакомиться с немецким или итальянским офицером и через него получить интересующие разведчиков сведения. Всеволод Данилович подробно проинструктировал девушку, как лучше сделать все это, как вести себя в хуторе, чтобы не вызвать подозрений о ее связях с партизанами. Рассказал, как их искать потом...

— Ищи меня в хуторе Окраюшкино у лесника Тарасенко Михаила Прокопьевича.

Аня Гринько задание Костукевича выполнила. С опозданием, но выполнила. Сделала она это, когда в хуторе уже находились итальянцы. На вечеринке у старосты Ефрема Семенюка, организованной им в честь нового коменданта капитана Джино Манкузо, куда ее пригласила секретарша старосты Лилька Полиновская, она познакомилась с итальянским офицером майором Антонио Марио. Бывая у него на квартире, Аня однажды, воспользовавшись тем, что Марио был сильно пьян и крепко уснул, похитила из его папки топографическую карту с боевой обстановкой и пакет с фотоснимками авиаразведки.

Заполучив эти документы, Аня в ту ночь не решилась сама идти на поиски Костукевича, побоялась за мать и брата. Узнав о пропаже, их могли арестовать в качестве заложников. Она послала в Окраюшкино своего брата Николая. Анну на другой день арестовали и после допросов в комендатуре отправили в россoshанскую тюрьму; там долго пытали, но Анна не сказала ни слова. Освобождение ей и другим арестованным принесли советские войска, взявшие Россoshь.

Брат Анны, Николай Гринько, честно старался выполнить порученное ему дело. Он более трех недель колесил по окрестным хуторам и селам в поисках партизан, но безуспешно. Тогда он решил идти за Дон к своим. В это время началось наступление наших войск. Николая задержали советские разведчики во фронтовой полосе, доставили в штаб полка. Там он и передал похищенные сестрой документы одному из командиров в чине капитана.

Тот быстро развернул карту, несколько минут разглядывал ее, полистал фотоснимки, сказал:

— Эх, парены! Где же ты раньше был с этими документами? На карте нанесены рубежи обороны противника, указаны номера частей и пункты тылового обеспечения. На фотоснимках — вся линия обороны от Нижнего Карабута до Белогорья, и в глубину, и в ширину... Ну, ничего, кое-что из этих сведений нам еще пригодится.

Он подробно расспросил Николая, каким образом попали к нему эти документы, далеко ли до хутора, откуда он пришел. Затем приказал накормить его, обуть в новые солдатские сапоги и отправить обратно в Курени.

— Жди нас там,—сказал он на прощание.

Комсомолец Николай Гринько был первым, кто принес хуторянам радостную весть о начавшемся наступлении частей Красной Армии в районе Среднего Дона.

...Группа Костукевича в середине октября проводила разведку дорог, по которым началось интенсивное передвижение войск противника. Костукевич, Леонов и Банченко находились недалеко от Сергеевки и наблюдали за передвижением транспорта по шоссе на дороге, ведущей из Россоши на Белогорье. За сутки по ней прошло шесть автотранспортных колонн, в общей сложности около двухсот машин с горючим, продовольствием и боеприпасами. Ночью прогромыхали две колонны танков и бронетранспортеров по двадцать машин в каждой...

Прохоренко, Самсоненко, Мамонтов и Спичкин были в Сагунах. С помощью дежурного по станции Василевского они заполучили копию графика движения поездов в сторону Лисок и в обратном направлении на Россошь и Кантемировку. За сутки по железной дороге в сторону Лисок прошли два эшелона с войсками, наливняк с горючим и один эшелон с техникой. На укрытых брезентом платформах находились танки и бронетранспортеры. Всего двадцать платформ. С полуночи движение на дорогах несколько поутихло, а на рассвете возобновилось с новой силой. И опять войска, техника, горючее, продовольствие.

Обобщив собранные разведывательные данные, Костукевич пришел к выводу, что противник перебрасывает в район Среднего Дона свежие силы, подтягивает резервы.

Было принято решение послать двух разведчиков за

Дон, чтобы доставить собранные ими данные в штаб воинского соединения и доложить в райкоме партии о состоянии дел в группе и ее работе. Пошли Алексей Горбатко и Леонид Леонов. Когда возвратились, принесли вещевой мешок, набитый листовками, изданными Подгоренским райкомом ВКП(б), для распространения среди населения оккупированных сел и деревень.

Листовки, забрасываемые в тыл врага, играли исключительно большую роль в мобилизации населения на борьбу с оккупантами. Областной комитет партии и Политическое управление Воронежского фронта организовали регулярный выпуск таких листовок. В них печатались письма-обращения к колхозникам, рабочим, интеллигенции, молодежи, партизанам оккупированных районов. С сентября сорок второго был налажен специальный выпуск газеты «Коммуна» для населения этих районов. Основной их целью было разоблачать лживую пропаганду гитлеровцев о Советском государстве, Красной Армии, положении дел на фронтах, не дать сломить у населения захваченных районов волю к победе, поднять его на борьбу с коварным врагом. Каждый державший такую листовку рисковал жизнью. И все же люди искали их, передавали из рук в руки, как великую ценность.

В одном из номеров газеты «Коммуна» от 14 сентября 1942 года было опубликовано Обращение обкома партии и облисполкома к трудящимся оккупированных районов. В нем говорилось:

«...Час возмездия близок. Через линию фронта мы протягиваем вам свою братскую руку и как родным своим сестрам и братьям говорим: мы с вами, товарищи, мы помним о вас. Мужайтесь и не опускайте в бессилии руки! Активной партизанской борьбой приближайте час гибели ненавистного врага...»

Много радостных надежд принесла людям листовка Подгоренского райкома партии, обращенная ко всем колхозникам, рабочим и интеллигенции района, в которой было сказано:

«Товарищи!

...Героическая Красная Армия обескровливает врага. С каждым днем он становится все слабее. Но победа, товарищи, не приходит сама. Ее надо организовать... В разгроме врага можете и должны многое сделать и

вы, временно попавшие под иго гитлеровцев... Всю свою ненависть, весь свой гнев к врагу надо направить на разгром фашистских захватчиков, на уничтожение гитлеровской тирании...

Бейте, истребляйте врага на каждом шагу!..»

Эти листовки всполошили гитлеровских прислужников. Они пытались найти и обезвредить тех, кто разносит их по хуторам и селам.

22 октября 1942 года разведчики распространяли листовку райкома партии. Прохоренко, Горбатко, Спичкин и Мамонтов проводили эту работу в Андреевке, а Костукевич, Самсоненко, Банченко и Леонов — в Буденновском. Когда пришли вечером в хутор, узнали, что в селе Грушевке комендант собрал десятка три полицейев. Готовилась облава на партизан. Разведчики сразу же направились в Грушевку. Пробрались к комендатуре участка и, когда полиция выходила из помещения, обстреляли их из автоматов. Полиция сначала разбежалась, затем, опомнившись, стали преследовать партизан. Силы были неравными. Разведчики уходили в сторону Буденновского, поочередно прикрывая свой отход.

На другой день на территории Андреевского, Лыковского и Скорорыбского сельских Советов началась массовая облава на партизан. Но и на этот раз разведчикам удалось уйти. Укрылись они в доме Тарасенко.

В тот год рано наступила зима. Уже в середине октября начались устойчивые заморозки. Вскоре выпал снег и стало по-зимнему холодно. Находясь постоянно в сложных погодных условиях и совершая ежедневно многокилометровые переходы, разведчики испытывали большие трудности. У них изнашивались одежда и обувь. Появились больные. Первым занедужил Банченко. Простуда и изнуряющий кашель терзали его до изнеможения. За ним последовал Спичкин: боли в груди, высокая температура...

Необходима была небольшая передышка, чтобы потеплее одеться, запастись боеприпасами. Тем более что Костукевич имел на это разрешение райкома партии. Его ему передал на словах Леонов, когда они с Горбатко возвратились из-за Дона. Но он долго не решался. Он ждал вестей от Анны Гринько, верил, что подвести она не могла. Обстановка сложилась так, что ус-

тановить связь с ней он не мог, оставалось надеяться, что Анна найдет их сама... Того, что произошло с ней, Костукевич, разумеется, не знал.

Когда же похолодание резко усилилось и появились болезни, он все-таки принял решение уйти всей группой на несколько дней за Дон.

В последних числах октября группа Костукевича покинула территорию района и подошла к переднему краю. Но там им не повезло. Они попали на минное поле противника. За разминирование взялся Горбатко. Он проходил специальную подготовку по минному делу... Работать пришлось ночью, под непрерывным огнем нашей артиллерии. Алексей Андреевич не сумел принять всех мер предосторожности и сам подорвался на одной из мин, получив тяжелое ранение ног, головы и правой руки. Легкие ранения получили Спичкин и Мамонтов, помогавшие Горбатко.

В ту ночь через передний край противника они не прошли. И на следующую тоже. Только через двое суток с помощью военной разведки они преодолели опасную зону, переправились через Дон и прибыли в Лосево. Алексей Горбатко был немедленно доставлен в медико-санитарный батальон, затем отправлен в госпиталь, а остальные разведчики явились в штаб воинского соединения, чтобы передать собранные ими разведывательные данные о противнике.

Пока проводилось реформирование группы и шла ее подготовка для работы в зимних условиях, на Воронежском фронте начались события, связанные с подготовкой наступательных операций наших войск. И заброска группы Костукевича в тыл врага задержалась. А когда началось наступление советских войск в районе Среднего Дона, необходимости в выходе группы на новое задание уже не было.

Оценивая деятельность партизанской группы В. Костукевича сейчас, необходимо учитывать обстановку и условия, в которых ей приходилось работать.

Партизанское движение в годы войны в нашей стране носило массовый характер, особенно на Украине, в Белоруссии, в Крыму, на Брянщине, в Ленинградской области. Нам хорошо известен славный боевой путь партизанских формирований Ковпака, Сабурова, Федорова, Линькова, Наумова, Медведева и многих других, чьи подвиги золотыми буквами вписаны в историю Ве-

ликой Отечественной войны. Дела и слава их бессмертны.

Но были сотни и тысячи небольших по численности, крепких по духу и боевой сплоченности отрядов и групп местного значения, которые создавались в отдельных городах и районах и выполняли весьма важные задачи разведывательного и диверсионного характера.

Одним только своим появлением на захваченной врагом территории они поднимали моральный дух советских людей, организовывали их на священную борьбу с ненавистным врагом, вселяли веру в победу.

К числу таких отрядов относится и партизанская группа Всеволода Костукевича. Главная задача, которую выполняла группа, — это разведка тылов противника на территории своего района. Группа Костукевича находилась во фронтовой полосе, в непосредственной близости к линии фронта, на территории, насыщенной вражескими гарнизонами и учреждениями оккупационных властей, которая строго контролировалась карательными органами. Активно действовать в таких условиях было очень трудно. Действия группы усложнялись из-за открытой местности. Отсутствие больших лесных массивов на территории района лишало ее возможности свободно маневрировать и проводить более дерзкие операции диверсионного характера. Группа была малочисленной и в той обстановке не могла быть обеспечена средствами связи, материальной базой. Но и в этих условиях группа успешно выполняла задачи разведывательного и диверсионного характера, немалая заслуга в этом командира группы чекиста Всеволода Даниловича Костукевича.

Л.Васильев

ТРОПЫ ПРОПАХШИЕ ПОРОХОМ

Чем дальше уходят годы Великой Отечественной войны, годы смертельной борьбы за свободу и независимость Родины, тем острее и осмысленнее воспринимается то, что пережито на полях сражений, на дорогах, опаленных пожарами, политых кровью и слезами. Такое не забывается, такое забыть невозможно.

...Помню первые военные дни. Я, тогда молодой московский рабочий, имевший броню, как и мои товарищи по труду, считал, что только на фронте, на передовой, смогу внести вклад в дело борьбы с ненавистным врагом. Находиться же в тылу, работать на заводе, хотя и здесь было невероятно тяжело, хотя и здесь во многом решалась судьба Отчизны, считал недостаточным.

В те дни был сформирован и отправлен на фронт полк ополченцев, в который попали и многие мои сверстники, хорошо знакомые мне заводские ребята. Я тоже стремился на фронт защищать Москву, но мне отказали.

Когда пришло известие, что полк, проявив мужество, в ожесточенном, кровопролитном сражении под Смоленском почти полностью погиб, но не отступил перед вра-

Леонид Михайлович Васильев, воронежский чекист, сорок лет жизни отдал работе в органах государственной безопасности. В годы Великой Отечественной войны выполнял специальные задания командования в тылу немецко-фашистских войск. За ратные подвиги награжден боевыми орденами и медалями.

гом, я снова написал заявление с просьбой отправить меня на фронт. И снова директор завода написал на моем заявлении: «Отказать». Когда же ему на стол положили третье мое заявление, он не смог сдержать гнева. «Прекратите писать, иначе прикажу арестовать на тридцать суток и заставлю работать», — наложил он резолюцию.

Начальник цеха, поставивший меня об этом в известность, в свою очередь добавил:

— Не забывай, Леня, что ты комсомолец. Вспомни, когда вступал в комсомол, что обещал? Работать там, где тебе прикажут. Забыл, что ли? А насчет фронта... Не один ты такой, не один ты туда стремишься. Только кто же здесь будет давать вооружение? Не подумал об этом? Тут такой же фронт, Леня...

Начальник цеха ничуть не преувеличивал. На заводе обстановка была фронтовой, сутками мы не покидали цехов, выполняя заказы Красной Армии. И резолюция директора завода, и слова начальника цеха несколько умерили мой пыл. Во всяком случае, я уже не досаждал своими заявлениями начальству.

Первые месяцы войны были для нас особенно тяжелыми. Гитлеровцы приближались к Москве. К тому времени наше предприятие эвакуировали в Казань. Поначалу мы работали под открытым небом. Но ни холод, ни голод, ни другие лишения не могли остановить нас, тружеников тыла, в стремлении дать фронту как можно больше необходимой продукции.

...Однажды в конце января 1942 года ко мне подошел комсорг цеха.

— Хочешь поехать в Москву?

Я отмахнулся.

— Нашел время для шуток!

— Не шучу я, Леня. Нужны два человека от нашего комсомольского коллектива. Получили указание — подобрать двух крепких ребят. Ты у нас по всем статьям подходишь. Силища у тебя — будь здоров! Да и ловкости не занимать. Ты у нас и боксер, и борец, и пловец, и конькобежец... Ну, а насчет духа... Ты же писал заявление с просьбой отправить тебя на фронт?

— Писал, — ответил я. — Да что толку. Чуть под арест не угодил. Да в чем дело? К чему весь этот разговор?

— Я же тебе сказал, что надо подобрать двух чело-

век для учебы. А потом — в тыл врага. Пойдешь?

Я тут же согласился, хотя и не представлял себе, что конкретно от меня будет требоваться.

Через несколько дней я был в Москве. Прошел несколько комиссий. С нами беседовали ответственные работники в Наркомате внутренних дел СССР, в ЦК комсомола. Беседы заканчивались примерно такими словами: подумайте, дело непростое, опасное.

Помнится, никто из нас не изменил решения.

Затем три месяца с раннего утра до поздней ночи изучали особенности борьбы во вражеском тылу.

После учебы нашу оперативно-разведывательную группу направили в распоряжение Управления НКВД по Орловской области. А вскоре самолетами перебросили в тыл врага.

В группе были коммунисты и комсомольцы. И только Леша Акимов беспартийный. Перед нами поставили задачу сообщать о сосредоточении вражеских сил и военной техники, взрывать эшелоны противника, уничтожать мосты и переправы, создавать в партизанских отрядах группы подрывников, карать изменников Родины.

Доставили мы на оккупированную гитлеровцами территорию и большое количество листовок, в которых рассказывалась правда о положении на фронтах. Нам поручалось вести и политическую, разъяснительную, работу среди населения захваченных врагом городов и сел.

Мы действовали в районах Почепа, Трубчевска, Погара, Стародуба и других населенных пунктах, которые ныне входят в состав Брянской области.

В первый же день после нашего приземления на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории мы попали в довольно сложное положение. От каждого из нас потребовались и выдержка, и мужество, и сообразительность.

В путь от места высадки до партизанского отряда им. Фурманова мы тронулись вечером. Шли всю ночь, обходя населенные пункты, в которых располагались вражеские гарнизоны. Встретившие нас у места приземления партизаны выделили проводника. Петрович, так его звали, маршрут знал хорошо и вел нас довольно быстро. Правда, на проселочной дороге мы едва не напоролись на колонну оккупантов, которая просле-

довала буквально в нескольких десятках метров от нас.

И когда казалось, что все самое опасное позади, раздался испуганный голосок Зои, девушки-разведчицы:

— Ой, я потеряла документы!..

— Какие документы? — не понял комиссар группы Григорий Кондратов. — Мы ведь перед вылетом все личные документы сдали.

— А я не сдала. Там паспорт и еще кое-что...

За такой проступок надо бы спросить как следует. Но что можно сделать, если перед нами стояла растерянная девчонка, виновато хлопала глазами, из которых вот-вот брызнут слезы? Комиссар только рукой махнул и ушел обратно, искать документы. Все понимали, что если паспорт и другие личные документы девушки попадут в руки врагов, неприятностей не оберешься.

Кондратов нашел злополучные Зоины документы, но на это ушло время, уже начало светать. Ночью нас укрывала темнота, теперь же — лишь небольшие деревья да кустарники.

Рядом располагалось село, где было полно фашистских солдат и полицаев. О себе они дали знать почти сразу же после возвращения Кондратова. Наш десантник Дмитрий Дорогавцев обнаружил следившего за нами полицая и свалил его выстрелом. Раненый полицай, однако, сумел уползти. Видимо, он и сообщил находившимся в селе оккупантам о нашем появлении. Вскоре мы обнаружили карателей, которые двигались в нашу сторону. Их мы насчитали более пятидесяти.

Началось преследование. Я предложил занять круговую оборону, так как по почти открытой местности отходить было рискованно, враги могли узнать, сколько нас, и просто перестрелять. Мы встретили карателей огнем. Пустили в ход гранаты.

Потеряв около тридцати человек убитыми и ранеными, враги отступили.

Надо было уходить, потому что оккупанты в покое нас не оставят. Но, отойдя метров на сто, мы поняли, что дальше идти некуда. Впереди — поселок, там гитлеровцы; сзади — лесная речка, топкие берега, болото. А каратели быстро пополнили свои ряды и снова попытались обойти нас.

Атаковать с ходу они не решились. Пустили вперед

разведку — мужика с лошадью. Озираясь, он проби-
рался среди кустарников. Мы напали на него внезапно.

— Кто такой?

— Здешний я, с этого села... Офицер вот заставил
попасти кобылу...

А глаза у мужика так и бегают.

— Вот что, — сказал командир группы Василий
Леоненко, — у нас нет времени для разговоров. Хочешь
жить, говори правду!

— В разведку меня послали. Мы думали, вас много.
А вас, вижу, с гулькин нос. Весь резон вам сдаться.
Кругом топь, не пройти, все равно крышка.

— Вот ты и поведешь через топь, — подал голос наш
проводник Петрович. — Тут была дорога, и ты ее
знаешь.

— Ничего я не знаю.

— Ты же говоришь, что здешний. И не знаешь до-
роги?

— Веди, — нахмурил брови Леоненко, приставив
пистолет к груди полиция.

Это подействовало. Он первым пошел через топь.
Мы шли следом за полицаем. Грязная жижа доходила
до самых плеч. Алексей Акимов нес на плечах малую
росточком Зою...

Мы с большим трудом прошли опасное место. Когда
на берегу появились гитлеровцы, нас достать было уже
невозможно.

...Наша чекистская группа в тылу противника унич-
тожила восемь железнодорожных составов с живой си-
лой врага и военной техникой, несколько шоссе-
вых мостов и переправ через реки. Мы обучили в партизан-
ских отрядах около четырехсот подрывников, ликви-
дировали многих предателей.

Помню, довольно трудно пришлось нам в районе села
Семцы. В этом селе, которое атаковали партизаны,
стоял сильный вражеский гарнизон. Укрепились гитле-
ровцы надежно. В каменной школе, в подвалах они обо-
рудовали дзоты. Не так просто было выбить их оттуда.
Во время боя стало известно, что из Почепа вышли на
помощь гарнизону танки. Чтобы они не прошли, необ-
ходимо было взорвать мост через речку Рожок. Эту опе-
рацию провела наша группа.

Мост охранялся, но мы сумели пробраться к нему
незаметно. Когда подошли танки, мост взлетел в воз-

дух. А в это время партизаны делали свое дело. Гитлеровцы подкрепления не получили.

Много, очень много было ситуаций критических, когда, казалось, и выхода нет. Никогда не забуду события, разыгравшиеся в селе Красной Слободе. После взрыва моста через Рожок у гитлеровцев, как говорится, терпение лопнуло. Они бросили на партизан около трех тысяч своих головорезов. А в партизанском отряде в это время насчитывалось немногим более тысячи бойцов.

В тот день командир нашей группы Василий Леоненко уехал в головной штаб, чтобы оттуда по рации связаться с Управлением НКВД и, доложив обстановку, попросить боеприпасов, взрывчатки, продуктов. Я, как заместитель командира, остался за Леоненко.

Гитлеровцы пошли в наступление на Красную Слободу сплошной лавиной. Бессвязные выкрики, стрельба из автоматов куда попало, для остротки, движение во весь рост... Нетрудно было определить, что все они пьяны. Командиры напоили их для храбрости.

Партизаны занимали оборону на окраинах села. А мы, чекисты, задержались — минировали дорогу, ведущую к центру Красной Слободы.

Внезапно все стихло. Как мы после узнали, партизаны ушли, не приняв боя: гитлеровцев было во много раз больше. А на сельской улице появились уже фашистские солдаты.

Я принял решение отходить, попытаться пробиться к лесу. Но услышал вдруг женский крик о помощи. Обернулся на крик и увидел повариху, приставшую к партизанам вместе со своей десятилетней дочерью.

— Сюда, к нам, быстрее! — замахал я им.

Но женщина с девочкой оставались на месте.

— Там кухня! — взволнованно выкрикивала она. — А в штабе документы и оружие остались...

Кухня — невелика беда, если и окажется в руках противника, но документы и оружие бросать нельзя.

— Лошадь! Быстро! — крикнул я своим товарищам. — Вон она, ловите!

До сих пор не пойму, как мы сумели и кухню спасти, и документы, и оружие, и женщину с перепуганной дочкой. Все происходило в считанные минуты. Появилась лошадь, тут же оказалась повозка, на нее с молниеносной быстротой погрузили котлы, штабное иму-

щество, усадили повариху с дочкой. Я прыгнул в повозку, ухватил вожжи. Лошадь рванула и понеслась по центру села, а справа и слева бежали гитлеровцы... Мелькнула мысль: «Почему не стреляют? Хотят взять живыми?»

Лошадь вынесла нас на возвышенность, где переливалась на ветру рожь. Тут нас и начали охватывать со всех сторон фашисты. Не знал я, что за нашей скачкой в бинокль наблюдал командир партизанского отряда Бляхман. Он и его бойцы находились недалеко от села, в небольшом лесу, который укрывал их от гитлеровцев. У партизан была одна-единственная пушка. Из нее то и открыли огонь по фашистам. Гитлеровцы залегли, и это мгновение спасло нам жизнь...

А разве можно забыть село Красный Рог? Партизаны обложили его со всех сторон. Они попросили нас заминировать дорогу, которая шла к селу от Почепа, чтобы не дать гитлеровцам возможности прислать помощь своему гарнизону. Большак проходил между двух холмов. С одной стороны болото, с другой — пахота. В этом месте мы и поставили мины. Расположили их в шахматном порядке.

Мы установили последнюю мину, когда раздался выстрел партизанской пушки — сигнал для наступления. В тот самый момент и появился вражеский конный разъезд.

Летом ночи коротки. Начало уже светать. Наблюдая из укромного местечка, я увидел фашистские танки, продвигавшиеся по дороге на Красный Рог. Они подошли к тому месту, где мы поставили мины. Один взрыв, второй — одна машина завертелась на месте, другая вспыхнула...

В один из осенних дней 1942 года я со своими товарищами отправился на минирование железной дороги на участке Брянск — Унеча. День выдался пасмурный, моросил мелкий дождь. Около двух часов ночи мы подошли к железнодорожному полотну и залегли в кустах. Минут двадцать прислушивались и всматривались в темноту. Охраны вроде бы не было. Но когда мы решили действовать, неожиданно запахло табачным дымом. Снова залегли и снова ждали.

Минут десять — двенадцать спустя с противоположной стороны насыпи на железнодорожное полотно поднялись два немецких солдата. Минут пять они постоя-

ли, о чем-то поговорили и разошлись. Один пошел влево по шпалам, другой — вправо.

Подождав несколько минут, мы с Дорогавцевым быстро поднялись на насыпь, принялись устанавливать мину. Алексей Акимов и двое партизан, которых мы взяли на операцию, вели наблюдение за охранниками, ходившими в это время по насыпи.

Установив мину и замаскировав следы, мы спустились вниз и вместе с товарищами углубились в лес. Часа через полтора услышали позади себя взрыв. Впоследствии выяснили, что на установленной нами мине подорвался эшелон с артиллерией и живой силой противника.

...Спустя несколько дней мне снова довелось принимать участие в подрыве вражеского эшелона с боеприпасами. Мы взорвали двадцать шесть вагонов. Три дня боеприпасы «стреляли», и спасти их гитлеровцам не удалось.

И так изо дня в день, долгие месяцы...

Но жизнь партизанская — это не только удачно проведенные боевые операции. Это и постоянное ощущение смертельной опасности, ожидание внезапного нападения врага, от которого пощады не жди, это постоянная тревога за выполнение поставленной перед тобой и твоими товарищами боевой задачи, это дни и ночи без сна, ночевки под кустом, на снегу... Не помню такого случая за время пребывания в тылу противника, когда бы я спокойно, по-человечески поспал, отдохнул в обыкновенной постели, когда бы досыта наелся.

Фашистские оккупационные власти, гитлеровское командование проводили одну за другой акции по прочесыванию лесов и уничтожению партизан, против мирного населения. Места, где мы действовали, находились не так уж далеко от линии фронта. Гитлеровцы бросали на партизан крупные силы, состоявшие из пополнения, еще не бывшего в боях, используя при этом и самолеты, и артиллерию, и танки. Плотные цепи пьяных гитлеровцев охватывали большие территории, углублялись в лес. Они не оставляли после себя ничего, убивали, жгли, уничтожали все на своем пути.

Мы видели дотла сожженные деревни, трупы замученных ни в чем не повинных людей. Гитлеровские головорезы изобретали зверские методы расправы не только над партизанами, но и над мирным населением.

В одной небольшой деревушке они побросали в колодец детей, а затем бросили туда противотанковую гранату... Много лет прошло с той поры, но до сих пор вспоминаю эту страшную картину с содроганием. Мы долго не могли прийти в себя после того, как узнали, какой мученической смертью погибли несколько наших братьев-партизан, захваченных фашистскими извергами. Они проткнули им уши и носы проволокой, затем сковали их и для устрашения населения водили из деревни в деревню, а когда партизаны уже не могли двигаться, зверски добили их...

Но никакие зверства гитлеровцев не могли запугать советских людей, остановить народный гнев.

Партизаны не давали оккупантам покоя ни днем ни ночью. Постоянным нападениям народных мстителей подвергались вражеские гарнизоны, летели под откос железнодорожные эшелоны с живой силой и техникой, поднимались в воздух от взрывов мосты, подрывались на минах грузовики, танки, солдаты и офицеры.

Огромные силы немецко-фашистских войск перед отправкой на фронт провели на обширной территории операцию по уничтожению партизан. В тяжелейшее положение попали партизанские отряды. Под ударами вооруженного до зубов врага они с боями отходили за Десну, стараясь уйти от преследования, не дать противнику возможности отрезать пути отхода, захватить в кольцо.

Наша чекистская группа отходила к Десне вместе со всеми. За Десной было спасение, туда, за водную преграду, враги не сунутся. За время преследования партизан гитлеровцы оставили в Брянских лесах не одну тысячу своих солдат и офицеров, которым не суждено было добраться до фронта. И, конечно, форсирование такой большой водной преграды ничего хорошего гитлеровцам не сулило.

Ценой невероятных, поистине нечеловеческих усилий партизаны ушли за Десну. Всего какой-то час выиграли мы у противника. Кольцо окружения замкнулось, но в нем партизан уже не было.

За Десной партизаны находились недолго. Уже через несколько дней отряды стали переправляться через реку, чтобы снова наносить удары по противнику. В числе первых переправилась и наша группа. Там, где прошли гитлеровские каратели, мы всюду встречали пепе-

лица, разрушения, трупы местных жителей. Гнев горел в наших сердцах, и мы не давали пощады оккупантам и их пособникам. И нам всюду помогали наши советские люди.

Несмотря на зверства гитлеровских оккупантов, ряды народных мстителей росли и крепили. Все мощней были удары по вражеским гарнизонам. Вместе с партизанами действовала и наша чекистская группа. Мужали мои товарищи, набирались боевого опыта, наносили чувствительные удары по коммуникациям врага. Немало было собрано и разведывательных данных, которые незамедлительно передавались по радиации на Большую землю.

В сборе разведывательных сведений принимали участие все члены группы. Но особенно в этом преуспела разведчица Аннушка, Анна Голубева из города Тамбова. Она уже до того, как была зачислена в группу, побывала в тылу врага. А к нам попала при нескольких необычных обстоятельствах. Анна была беременна и имела право не идти на задание, получить законный отпуск. Но она не захотела этим воспользоваться. Пришла в Управление НКВД и заявила, что готова снова лететь за линию фронта для выполнения специального задания командования. Ей напомнили, что в ее положении о работе в тылу врага нечего и думать. Молодая женщина продолжала настаивать, доказывая, что ее беременность никак не мешает ей, наоборот, она как раз и поможет успешно вести разведку, собирать ценные сведения о противнике.

В конце концов Аннушка добилась своего, и ее зачислили в нашу группу. Она ходила в села, где располагались вражеские гарнизоны, собирала сведения и, действительно, никто ни разу не заподозрил ее.

Неоценимую помощь в сборе разведывательных сведений оказывали нам жители сел и городов Брянщины, где пролегал наш боевой путь.

Не могу не вспомнить о моем боевом товарище, совершившем немало ратных подвигов в тылу немецко-фашистских войск. Я имею в виду Алешу Акимова. В самое трудное время, когда нас обложили со всех сторон каратели, он обратился ко мне, комсоргу группы, с просьбой принять его в ряды Ленинского комсомола.

— Понимаешь, — сказал он, — дело серьезное, вся-

кое может случиться... В общем, хочу быть комсомольцем.

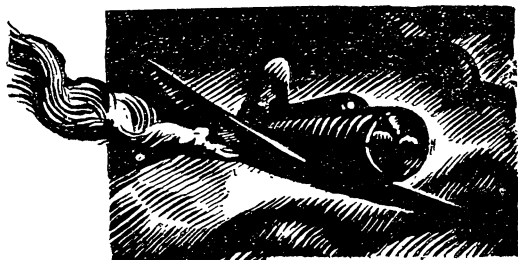
Мы единогласно приняли Акимова в комсомол, и он это высокое доверие оправдал в боях за Родину, при выполнении заданий командования в тылу вражеских войск.

Григорий Кондратов, наш комиссар, Василий Леоненко, командир группы, подрывник Дмитрий Дорогавцев... Каждый из них отдавал борьбе с ненавистным врагом все свои силы. Своими активными действиями мы помогали воинам Советской Армии громить гитлеровские полчища на фронтах Великой Отечественной войны.

...После пятимесячного пребывания за линией фронта и выполнения специального задания командования мы получили разрешение Центра прибыть на Большую землю для кратковременного отдыха. Спустя несколько дней после получения телеграммы, в которой помимо разрешения на отдых сообщалось также и о награждении нас боевыми орденами и медалями, мы самолетами прибыли в Москву.

Я побывал на родном заводе, рассказал своим товарищам о борьбе советских людей против фашистских оккупантов за линией фронта.

На отдыхе мы пробыли недолго. Нас подлечили, подкормили. А затем — новое задание, которое пришлось выполнять во вражеском тылу уже на границе Белоруссии в Смоленской области.

А.Пятунин,
П.Трояновский
КРУТЫЕ БЕРЕГА

Поступок Прасковьи Ивановны Щеголевой — выдающийся подвиг. Хорошо понимаю ее чувства, когда она оказалась с глазу на глаз с врагом. Советский человек, патриот своей земли столкнулся с теми, кто хотел уничтожить Советскую власть, поработить советский народ. В данном случае, по моему мнению, летчик Мальцев в представлении Прасковьи Ивановны был не просто нашим летчиком — он олицетворял собой Советскую власть, страну, Родину, ее армию...

Я рад, что в Воронеже и Семилуках свято чтят подвиг П. И. Щеголевой, что правду о ней мы узнали благодаря нелегкому труду чекистов. Память о ней будет жить вечно, подвиг ее незабываем...

Я, старый солдат, скажу так. «Не запугать, не сломить тот народ, у которого есть такие люди, подлинные патриоты своей страны, что способны поступить как простая русская женщина Прасковья Ивановна Щеголева...

П. И. Батов, генерал армии,
дважды Герой Советского Союза.

I

В начале шестидесятых годов попало майору Мартыненко старое, давно забытое дело.

В селе Семилуках, во дворе одного из домов, он увидел солдатскую могилу. К звездочке, увенчивающей кирпичную пирамидку, была прикреплена фотография женщины.

— Кто тут похоронен? — спросил он встречного мужчину.

— Прасковья Щеголева и ее дети... Растерзаны фашистами.

Майор вспомнил, что в архиве он встречал фамилию Щеголевой.

Виктор Александрович перелистал дело. Кроме Щеголевой в нем упоминался летчик самолета ИЛ-2, которого сбили фашистские зенитчики в 1942 году. Горящий самолет упал на берег Дона, а раненый летчик кем-то был выдан врагу. В одном из документов говорилось, что в селе Семилуках фашисты расстреляли целую семью, спасшую пилота.

Есть ли связь между Прасковьей Щеголевой и летчиком? Кто в таком случае выдал его фашистам?

К выяснению возникших вопросов Мартыненко побудило и еще одно обстоятельство, чисто личное: Виктор Александрович во время войны служил в авиации штурманом. Он и члены его экипажа на собственные деньги приобрели легкий ночной бомбардировщик и громили врага в небе Кубани, под Севастополем, на просторах Белоруссии, на переправах Вислы и в районе Данцига. На счету у Виктора Александровича 344 боевых вылета.

Доложив генералу, майор на машине отправился в Семилуки. Подъехал к небольшому белому дому на окраине села. Во дворе, под вишневыми кустами, высился могильный холмик.

Мартыненко долго стоял у могилы. Вдруг он услышал чьи-то шаги. Овернулся — к нему приближалась старушка.

Они поздоровались.

— Вы знали Щеголеву? — спросил Мартыненко.

— Она моя сестра, — ответила старушка.

— Вы, значит, тоже Щеголева?

— Нет, мы Крымовы... Меня Екатериной Ивановной зовут.

«Крымовы», — повторил про себя майор и вспомнил хорошо знакомого ему секретаря Россошанского райкома партии Михаила Ивановича Крымова. Подумал: «Может, родственники?» Но от вопроса воздержался. Спросил о другом:

— Далеко отсюда упал самолет?

— Как далеко... Вон там, под забором...

II

«Семилуки сразу за Доном, от Воронежа рукой подать, — записывал майор Мартыненко в свой блокнот. — Любой горожанин, пожалуй, знает это большое и красивое село. Меня заставили задуматься такие цифры. В 1941—1945 годах Семилуки отправили на войну 1246 своих сынов и дочерей. 467 человек из них отдали жизнь за свободу и независимость Родины... Среди семилукцев — два Героя Советского Союза, три полных кавалера ордена Славы... Сотни сельчан отмечены боевыми орденами и медалями».

В блокноте Мартыненко — записи бесед, характеристики, раздумья. Поиски его, по существу, только начинались, и начинались они со встреч с участниками войны.

...Запись в блокноте Мартыненко: «Михаил Иванович Крымов... Герой Советского Союза. Он, оказывается, племянник Прасковьи Щеголевой».

18 сентября 1943 года рота под командованием старшего лейтенанта Крымова преследовала противника на шоссе Чернигов — Киев. В одном населенном пункте — до батальона фашистов. Приказ командира:

— Атакуем, используя внезапность, скорость и огневую мощь.

В темноте враг сразу не понял, что произошло. А когда фашисты опомнились, рота Крымова уже подходила к деревне Рудие, что стояла на берегу Десны. Помогли внезапность и отвага. Группа неприятельских солдат возилась у паромов. Советские воины накрыли их огнем, разогнали и на вражеских паромах переправились через реку. Плацдарм удержали до подхода главных сил соединения.

Через несколько дней — смелый рывок к Днепру. Здесь с помощью местных жителей нашли 33 лодки. Форсировали Днепр. Но удержаться не смогли. У Крымова было 75 человек, враг бросил против них батальон пехоты и танки. Пришлось отойти. Спустя два дня перешли реку в другом месте и стояли насмерть.

Крымов рассказывал Мартыненко:

— Я приезжал в Семилуки весной 1943 года, после второго ранения. Все село было разбито... Врачи остав-

ляли меня в тылу. Но, когда я узнал, как фашисты надругались над Прасковьей и всей семьей, уехал снова на фронт...

III

Прасковью Щеголеву помнят в Семилуках многие. Говорят о ней тепло, сердечно. Ее подвиг до сих пор не только восхищает, но и поражает односельчан.

Росла Прасковья в обычной крестьянской семье. Необычным было число детей — 19 человек!

Щеголевы жили в небольшом доме. Имели лошадь, корову, несколько овец. На трудности не жаловались, дружили между собой и работали от рассвета до темна.

Старшие Щеголевы — Егор и Алексей — рано вступили в комсомол, потом в партию. Егор стал председателем сельсовета, а Алексею колхозники доверили руководить сельхозартелью.

Прасковья окончила пять классов сельской школы, подросла, вышла замуж.

Один за другим пошли дети. Муж ее, Степан Егорович (тоже Щеголев, в Семилуках эта фамилия у многих), был бригадиром. И Прасковья трудилась на колхозных полях, не жалея своих сил.

Перед войной Щеголевы поставили у самого Дона новый дом. Был он не очень большим, но добротным, светлым, теплым. Старшие дети — Таня и Саша — уже ходили в школу.

Все планы и надежды Щеголевых разрушила война. Степана Егоровича в первые же дни призвали в армию; он писал домой короткие письма:

«Воюю, дорогие мои... Фашисты сильны, нам бывает трудно. Но, думаю, нас им не одолеть».

«Прасковьюшка моя далекая, сообрази мне в посылочке три-четыре стаканчика самосада и пришли карточку Нины, с нее вроде была вторая фотография...»

«...А ты, Саша, старайся учиться лучше, помогай матери по хозяйству...»

Письма как письма. Солдат болел за Родину, беспокоился о семье, подбадривал жену и детей и делал на фронте свое трудное солдатское дело

В те дни, вспоминает Екатерина Ивановна Крымова, Прасковья как-то сказала ей:

— Если б не было детей, пошла б и я на фронт вместе со Степаном.

Летом 1942 года враг подошел к Воронежу. Семилуки были заняты частями 2-й немецкой армии. Семью Прасковьи Щеголевой фашисты выгнали из нового дома, отобрали корову. Солдатка с детьми переселилась в соседнюю деревню Ендовище.

По всей округе поползли зловещие вести. Там фашисты убили женщину, тут изнасиловали пятнадцатилетнюю девочку, закопали живым в землю старика — отца коммуниста.

Ходили и другие слухи, которые, наверное, распространялись врагом: фашисты, мол, взяли Сталинград, огромными силами идут на Москву, а Сталин и Советское правительство бежали на Урал...

Прасковья Ивановна не верила ни одному такому известию.

— Вранье все это, Саша, — говорила она сыну. — Россию фашистам не одолеть.

Однажды утром Прасковья Ивановна пошла ко двору Савелия Кузнецова. Оккупанты держали здесь отобранный у населения скот. Она отвязала свою корову и пригнала ее к дому.

Соседи испугались за нее:

— Что ты делаешь, Прасковья? Убьют!

— А то и делаю, что видите... Не боюсь я этих извергов...

Корову, конечно, фашисты забрали снова.

Прасковья стояла бледная и не скрывала своей ненависти к грабителям.

Наступила осень.

15 сентября Прасковья Ивановна собрала всех детей, позвала мать Наталью Степановну и пошла с ними в Семилуки. Берега Дона в то время оккупанты объявили запретной зоной и никого из граждан туда не пускали. У Щеголевой возле дома росла картошка. Наступила пора ее убирать, иначе семье не миновать голода.

На руках у Прасковьи Ивановны сидела двухлетняя Нина — любимица отца. Рядом шагали восьмилетняя Аня, шестилетняя Поля, четырехлетний Коля. Пятилетнего племянника Колю вела за руку Наталья Степановна. Позади всех шел рослый Саша.

Как и рассчитывала Щеголева, немецкий часовой

растерялся, не сумел задержать детей. Он лишь крикнул, указывая на огород:

— Там стреляют!

Прасковья Ивановна в ответ махнула рукой.

Они работали на огороде, как вдруг начали бить зенитки и пулеметы. Наталья Степановна испуганно перекрестилась, нагнулась к Коле и Полине и обняла их. А Прасковья продолжала собирать картошку.

Стрельба усилилась. Все небо было испещрено разрывами зенитных снарядов. За крутым берегом Дона раздался свист, непонятный шум, и Щеголевы увидели падающий краснозвездный самолет. Ни женщины, ни дети не успели сделать и шага, как машина оказалась на земле в ста метрах от них. Из носовой ее части вырвались клубы дыма, языки пламени.

Прасковья Ивановна побежала к самолету, крикнула на ходу:

— Мама, неси ведро с водой!

В передней кабине сидел летчик. У него было окровавлено лицо. Обе Щеголевы бросились к нему, стали тормозить за плечи:

— Выходи, сгоришь!

Пилот молчал. Тогда женщины попытались вытащить его из кабины. Это привело летчика в сознание, он спросил:

— Где я?

— Вылазь скорее, сгоришь, — ответила Прасковья Ивановна и помогла летчику выйти из кабины. — Иди до хаты. Переоденься. Там найдешь пиджак и фуражку.

Летчик не знал, что это были за люди, но он сразу поверил молодой женщине и, хромая на левую ногу, пошел к хате. С трудом он снял шлем. В это время в дверях показался Саша:

— Беги, едут немцы!

Летчик вышел из хаты, увидел овраг и ползком стал пробираться по высокой траве к нему.

Фашистские солдаты ехали на машине. Прасковья Ивановна успела сказать:

— Все молчите, сама буду отвечать...

Немецкий офицер крикнул:

— Где летчик?

— Не знаю, мы его не видели.

— Как не видели? Вон его самолет горит!

— Не видели, ничего не знаем...

Офицер дал команду, и солдаты побежали кто по огороду, кто в хату.

— Скажи, и ты получишь награду, — опять обратился офицер к Щеголевой.

— Мы его не видели... Ничего о нем не знаем, — ответила Прасковья Ивановна.

Солдаты обыскали все село, но летчика не нашли. Офицер приказал им садиться в машину, но в это время подошла другая машина с солдатами и овчарками. Из нее вышел гестаповец в черной форме.

— Куда дела летчика? — заревел он на Прасковью Ивановну и пнул ее кованым сапогом по ногам. — Говори, убью на месте!

— Не видела, не знаю...

Другой офицер ударил рукояткой пистолета по лицу Саши. Два солдата схватили мальчика и заперли его в доме. Но он, открыв окно, выпрыгнул в огород, под защитой кустарника и травы добрался до оврага и сверху, из-за кустов, увидел картину зверской расправы.

Десять разъяренных эсэсовцев, истязая мать и детей, требовали указать, куда исчез летчик.

Что стоило Прасковье Ивановне просто показать на овраг — ищите, мол, там?! Возможно, будь на ее месте человек слабее духом, он и протянул бы руку в сторону оврага...

Но она повторяла:

— Не видела, не знаю...

Новый зверский удар в лицо.

— Не видела.

Овчарки стали терзать детей:

— Не видела...

В ее словах была непонятная врагам, непреодолимая их пытками сила, сила духа советского человека, уверенно побеждавшая фашизм.

...На следующий день старшая дочь Прасковьи Ивановны Таня и родственница Екатерина Герасимовна получили разрешение на захоронение.

То, что они увидели, было страшно. Дом разграблен. Огород вытопан. Земля во дворе залита кровью. Везде валялись клочья волос и детской одежды.

Открыли деревянный щит погребка... Дети и женщины были изуродованы, их нельзя было узнать...

IV

Что же стало с летчиком, спасенным такой дорогой ценой?

Мартыненко приходил на службу и снова внимательно перечитывал пожелтевшие от времени бумаги. Заявления, сделанные жителями села Ендовище сразу же после изгнания оккупантов, были противоречивы. Одни утверждали, что о раненом летчике фашисты узнали от Натальи Коршуновой, другие показывали, будто его выдала Мария Дубинкина. Кто из них прав?

Виктор Александрович решил поехать на место и лично побеседовать с живыми свидетелями трагедии. Их оказалось немало. Жили они в Ендовище, Семилуках, Воронеже.

Люди встречали гостя по-разному. После войны прошло более двадцати лет, многое забылось. Но о летчике так или иначе помнили все.

16 сентября 1942 года, на следующий день после гибели семьи Прасковьи Щеголевой, фашистская комендатура выгнала на уборку картофеля в Семилуки группу ендовищенских женщин и ребят. Сопровождал их патруль. Вскоре люди приступили к работе. Лишь один человек, подросток Костя Оленев, ходил по огородам без дела.

— Давай!.. Коп... коп! — прикрикнул на него патрульный солдат.

Юноша пожал плечами и показал на лопаты, которыми работали женщины.

— Найн... инструмент... найн...

Патрульный что-то громко и быстро заговорил по-немецки. Костя понял, что лопату ему приказывают поискать в селе.

Отдав распоряжение подростку, немец сел на повозку и поехал в другой конец села. А Костя заглянул в крайнюю хату и через несколько минут выскочил оттуда с испуганным лицом.

— Там человек с наганом! — шепотом сообщил он находившимся поблизости Наталье Коршуновой и Марии Дубинкиной.

— Может, это летчик, которого вчера искали? — высказала догадку Наталья Коршунова. — Из-за него, говорят, в Семилуках целую семью расстреляли.

— Не знаю, — ответил Костя.

Из хаты, держась за плетень и сильно хромая на левую ногу, вышел человек. Был он в летном обгоревшем комбинезоне и зеленой штатской фуражке. Все лицо мужчины было в запекшейся крови.

Оглядевшись и убедившись, что перед ним свои люди, он заговорил, с трудом шевеля распухшими губами. Поняли: он хочет ночью еще раз попытаться добраться к своим. Женщины предложили ему поесть. Он отказался. Но Мария все-таки достала из-за кофточки кусок хлеба и помидор. Летчик сунул еду в карман и, испытующе глядя на женщин, сказал:

— Прошу об одном: не проговоритесь обо мне немцам.

Вдали заскрипели колеса телеги.

— Патруль! — шепнул Костя.

Летчик скрылся в бурьяне. А женщины, нагрузив подводу картошкой, отправились в село.

Вторично жители Ендовищ увидели летчика в тот же день вечером. Его привели из Семилук фашистские солдаты. Вместе с солдатами и пленным по селу шла Наталья Коршунова, а в некотором отдалении, позади, — Мария Дубинкина и Костя Оленев. Все они знали, где прятался летчик. Но кто донес о нем врагам?

Ни в письменных, ни в устных показаниях никто не обвинял Костю. Значит, его можно пока оставить в покое, рассуждал майор. Остаются двое: Коршунова и Дубинкина. Мартыненко вспомнил заявление Коршуновой. Она утверждала, что, вернувшись с огорода домой, Мария Дубинкина сообщила о летчике своей матери. Та пришла якобы к Коршуновым, где жил немецкий офицер, и в присутствии его (он понимал по-русски) сказала, что в одном из домов Семилук прячется советский партизан. Офицер вызвал солдат и приказал им вместе с Коршуновой, Дубинкиной и Оленевым привести партизана в комендатуру. В конце заявления Коршунова добавляла, что Дубинкины выдали летчика фашистам не случайно: их отец в тридцать седьмом году был осужден, и «Дубинкины еще с той поры озлоблены на Советскую власть».

В беседе с Мартыненко ни Мария, ни ее мать не скрывали факта судимости их отца и мужа. Да, он был осужден и отбывал наказание. Вина его до сих пор им хорошо не известна. Говорили, что он напился пьяным, — а выпить он любил, — устроил дебош на

вокзале и непочтительно отозвался об одном ответственном работнике.

На вопрос майора, зачем младшая Дубинкина в тот сентябрьский день пошла в Семилуки с немецкими солдатами, Мария, всхлипнув, ответила:

— Да разве я пошла по своей воле?! Ко мне прибежала от Коршуновой ее сестра Татьяна. Иди, говорит, немедленно к нам, комендант вызывает... Я пришла, а там уже был Костя... У крыльца дома стояли три солдата с карабинами. Офицер им что-то говорил по-немецки. Из дома вышла Наталья в новой нарядной кофточке. Вместе с солдатами она шла впереди нас. Фрицы ее даже взяли под руки и всю дорогу с ней весело разговаривали и смеялись... Мне в ту пору было пятнадцать лет, а Косте и того меньше. Мы отстали. А как стали подходить к дому, где скрывался летчик, я и Костя спрятались в бурьяне. Боялись, что летчик подумает о нас нехорошо... Скоро мы увидели, как два солдата повели летчика в сторону Ендовищ.

Пленного летчика — это подтверждают многие очевидцы — привели к дому Коршуновых. Вокруг собралась толпа. Наталья громко спросила:

— Товарищ летчик, может, выпьете молочка?

Летчик с ненавистью посмотрел на нее и сказал:

— Спасибо... Ты меня уже напоила...

Эти и другие детали давали Мартыненко основание сделать вывод, что летчика выдала врагу Коршунова.

С этими мыслями Виктор Александрович подъехал к большому новому дому Коршуновых. Его встретила невысокая, крепко сложенная женщина лет пятидесяти. У нее было по-цыгански смуглое лицо и какие-то настороженные глаза. Загнав в конуру злобно лаявшего пса, она провела майора в небольшую комнату и спросила:

— Зачем я вам понадобилась?

Мартыненко спокойно сказал, что интересуется судьбой советского летчика, чей самолет был подбит в селе Семилуках во время войны.

— Не знаю я никакого летчика, — отрезала Коршунова.

— А вот люди говорят другое, — возразил майор. — Да и вы писали нам после войны, что раненый летчик был в вашем селе.

По лицу хозяйки скользнула тревожная тень. Но она быстро овладела собой.

— Время-то сколько прошло с той поры! Я уже перезабыла, как и что было.

— Однако летчика-то вы видели?

— Многие его видели... Только люди всякое могут наговорить.

Мартыненко завел разговор о трагической смерти Прасковьи Щеголевой.

— Слышала, — безразлично сказала Наталья. — Больно настырные были. Ведь говорили, что туда ходить нельзя, а они пошли.

Цинизм Коршуновой поразил майора, видевшего за время работы в органах госбезопасности разных типов. Выходило, не фашисты виноваты в смерти женщины и детей, а сама семья напросилась на жестокую расправу.

Уже на улице, когда Мартыненко сел в машину, к нему подошла женщина средних лет.

— Говорят, вы интересуетесь летчиком?

— Да, интересуюсь. Вы что-то хотите сказать о нем?

— Я могу сказать одно: его выдали фашистам Дубинкины. Об этом все село знает, даже дети. А на Наталью Коршунову наговаривают.

Мартыненко не успел спросить фамилию женщины, она повернулась и ушла.

— Догнать? — спросил шофер.

— Не надо. Поехали!..

В этот день майор докладывал генералу о ходе своих поисков. Рассказал обо всем, что узнал, о сложностях этого дела.

— У нас нетрудных дел, как вы знаете, почти не бывает, — сказал начальник Управления. — Продолжайте работу. Общественность села должна знать лицо настоящего предателя. Это важно и в том случае, если мы не будем привлекать его к ответственности... Честному человеку надо вернуть спокойствие. А на предателя указать рукой при людях. Пусть знают, что есть еще, к сожалению, на нашей земле выродки, так или иначе сотрудничавшие с врагом. И за свои поступки им рано или поздно придется держать ответ. Вы совершенно правы, что многое в этой сложной истории встало бы на свое место, если бы был жив летчик. Что же, и тут мы еще не использовали все средства. Может, нам об-

ратиться к помощи печати? Газеты и радио не раз помогали в розыске людей... В общем, действуйте...

Корреспонденция Мартыненко «Звезда над Доном» была опубликована в газете «Советская Россия». А через неделю в редакцию пришло письмо из Башкирии. Его написал лесничий Бузовьяновского лесничества Михаил Тихонович Мальцев. Письмо переслали в Воронеж. Мальцев сообщал, что во время Отечественной войны служил пилотом 825-го штурмового авиационного полка 225-й авиационной дивизии. Его часть базировалась на одном из аэродромов под Воронежем. 15 сентября 1942 года Мальцев возвращался с боевого задания на самолете ИЛ-2. При развороте у села Семилуки в мотор самолета попал вражеский зенитный снаряд. Машина загорелась и упала на окраине села недалеко от Дона.

Майор Мартыненко написал Мальцеву письмо. Ответ из Башкирии все больше и больше убеждал его в том, что лесничий и есть тот летчик, которого он ищет.

Вскоре Управление госбезопасности командировало Мартыненко в Башкирию.

V

Виктор Александрович приехал в Уфу утром, дальневосточным поездом. Выйдя на привокзальную площадь, залитую неярким сентябрьским солнцем, он осмотрелся. Навстречу ему шел человек в форме лесничего. Синий диагональный китель, брюки навыпуск, высокая фуражка.

— Мальцев Михаил Тихонович, — представился он и предложил: — Давайте ваш чемодан... Вон, машина ждет. — Мальцев указал на зеленый «газик»-вездеход, стоящий поодаль.

...В Бузовьязы они приехали вечером. Виктор Александрович думал, что добраться до глухого лесничества будет трудно. Но оказалось, что село, где жил Мальцев, стоит на большой дороге.

Небольшой, срубленный из дерева дом Михаила Тихоновича расположился на окраине села. Рядом с домом — огород, крытый сарай для скота и русская баня. В чисто прибранных комнатах дома — скромная деревенская обстановка.

Жена Мальцева, Людмила Акимовна, радушно встретила гостя.

Мартыненко и Мальцев разговорились за домашним столом.

...В 1939 году Михаил Мальцев окончил семилетку и поступил учиться в Уфимский лесной техникум. Там-то он впервые и приобщился к авиации. В городе работал аэроклуб. Юноша стал посещать его. Перед войной, летом 1940 года, вместе с дипломом техника механизированной разделки древесины он получил свидетельство об успешном окончании аэроклуба.

Работать по специальности Михаилу не пришлось. Вскоре после окончания техникума он был призван горвоенкоматом на службу и направлен в военно-летную школу. Отсюда с группой курсантов выехал на фронт.

— Воевал под Воронежем. Был сбит и попал в плен. О том, как это произошло, я вам подробно рассказывал в письмах...

Мальцев замолчал. Задумался и Мартыненко. Он понимал, как тяжело человеку вспоминать фашистский плен. Но Виктор Александрович был уверен, что Мальцев дополнит свой письменный рассказ, когда узнает ряд неизвестных ему подробностей о гибели семьи Прасковьи Щеголевой и обстоятельствах выдачи его врагу.

— Скажите, Михаил Тихонович, вам не хотелось после войны побывать в Воронеже, посмотреть те места, где вы воевали?

— Очень хотелось... Но так случилось, что никак не мог я собраться в дальнюю дорогу. Скажу прямо: жили мы с супругой небогато. Поженились — все имущество в один чемодан уложили. А потом пошли дети, строиться задумали... Были, конечно, и другие причины. Зачем, думал, мне ехать? Никаких особых подвигов я не совершил, воевал, как все. К тому же попал в плен... Но теперь, когда знаю, какой ценой мне удалось спастись, я непременно должен поехать к вам... Поехать ради того, чтобы поклониться могиле Прасковьи Ивановны и ее семьи.

— Я тоже так думаю, — согласился майор. — И откладывать это дело, пожалуй, не следует.

Вернувшись в Воронеж, Мартыненко доложил обо всем начальнику Управления. Генерал был очень обрадован результатами поисков...

— Поезжайте теперь снова в Семилуки и сообщите,

что летчик жив, — сказал он майору. — Одновременно готовьте документы для доклада областному комитету партии. Думаю, что Прасковья Щеголева, ее сын Александр и летчик Михаил Мальцев достойны благодарности народа...

Из Семилук пошли в Башкирию письма. Пионеры села и правление колхоза приглашали Мальцева приехать на праздник Победы и открытие обелиска Прасковье Ивановне Щеголевой.

VI

Он вышел из самолета взволнованный. Еле сдерживал слезы от нахлынувших воспоминаний.

Вот отсюда поднял в воздух свой штурмовик. Вон там слушал приказ командира, повторил его и показал на карте маршрут полета: село Подклетное, Дон, Семилуки, скопление фашистской техники в Девицком лесу...

Пассажиры самолета обходили его справа и слева, а он стоял и не мог сделать ни одного шага. Он просто не верил, что снова в Воронеже.

— Дядя, вы... Мальцев?

Перед ним появился круглолицый мальчуган с букетом красных тюльпанов в руках. Мальцев не успел ничего ответить, как дети окружили его. Цветов было так много, что они не поместились в руках, и он стал возвращать их детям. Спросить, зачем все это, для чего, почему, или сказать какие-нибудь другие слова ему мешало волнение. А тут подошла новая группа встречающих.

— Скляров, председатель колхоза «Семилукский».

— Уварова, учительница школы.

— Александр Щеголев...

Из всех этих и других фамилий знакомыми были только две: Щеголева и майора госбезопасности Мартыненко. Мальцев обнял Щеголева.

Бывают минуты, когда мужчина не стесняется слез. Мальцев задержал руку Мартыненко.

— Спасибо, товарищ майор! Я опять на воронежской земле!

Они ехали улицами города, на которых в 1942 году шли упорные бои с немецко-фашистскими войсками.

Мальцев в те дни видел Воронеж в руинах и пожарах.

Новый Воронеж, с широкими зелеными улицами, был прекрасен! Мальцев хорошо знал, как трудно вырастить на месте погибшего дерева новое. Каких же усилий стоил его соотечественникам такой город!

Недалеко от городских окраин начинались поля колхоза «Семилукский». Проехали село Подклетное, и совсем рядом блеснули воды Дона. Высокий правый берег круто нависал над рекой.

Мальцев хорошо помнил и эту высоту, и эту крутизну.

Встречавшие понимали, что творилось в душе бывшего летчика, и молчали, оставив разговоры до вечера.

А Мальцев смотрел на широкую гладь Дона. За изгибом реки он попросил шофера остановиться, вышел из машины.

— Вот здесь упал мой самолет.

Он сделал два шага вперед. Поднял правую руку.

— Тут две женщины вытащили меня из горящей кабины и проводили в дом.

Обернулся, зашагал к дому.

— Здесь стоял не этот дом. Тот был поменьше...

А вот этим оврагом я полз вверх.

Мальцев сделал было несколько шагов к оврагу, остановился, спросил:

— Это она?

За железной изгородью стоял обелиск, готовый к открытию. Мальцев вернулся к машине, взял тюльпаны и, приоткрыв покрывало, опустился на колени, рядом с обелиском. Сверху, с маленькой карточки на него смотрела женщина, лицо которой он хорошо помнил.

Вот так же успокаивающе и чуть-чуть грустно смотрела она на него и тогда.

Под фотографией на обелиске слова:

ЩЕГОЛЕВА ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

25.VI.1907 — 15.IX.1942.

Здесь геройски погибла от рук фашистов
и похоронена семья П. И. Щеголевой.

Они пожертвовали жизнью,
спасая советского летчика Мальцева М. Т.

Двадцать лет Михаил Мальцев не знал ни имени, ни судьбы этой замечательной женщины, а только помнил ее взгляд. И ее голос — спокойный, подбадривающий.

Он удивительно был похож на голос его матери. А может, так показалось ему...

— Иди до хаты. Переоденься. Там найдешь костюм, фуражку...

Так сказала она ему тогда.

Михаил Тихонович Мальцев не знал о трагедии, которая произошла в Семилуках, не знал до встречи с майором Мартыненко.

От памятника Мальцев повел своих спутников по оврагу, который глубоко врезался в крутой берег Дона. Желтели первые цветы мать-и-мачехи. Стояла весна. Подниматься по скользкой глине было тяжело. Люди шли, отдыхали и опять шли. А как досталось ему тогда! У него была вывихнута левая нога, ранены грудь, голова... Дошли до колодца. Михаил Тихонович заглянул в него и вспомнил, как ему хотелось тогда пить. Но он спешил уйти подальше от врага.

За оврагом лежало зеленое поле. Мальцев посмотрел на него, на чистое майское небо. Как хорошо, что весна, что мир и покой вокруг! Но где же хата, в которой он нашел на несколько часов приют?

От села подошла незнакомая женщина. Поздоровалась.

— Варвара Петровна Зверева, — представил ее Складов. — Наша колхозница.

— Вы ту хату ищете? — спросила она Мальцева. И, не дожидаясь ответа, добавила: — Тут моя хата стояла. Вот тут. В ней вы и прятались. Сундук, в котором вас нашли, тоже был мой...

Сундук стоял между печкой и глухой стеной. Мальцев выбрал его для ночлега и обороны... Значит, здесь рос бурьян. Там шла дорога. Левее — мост. Железнодорожный мост через Дон, в окрестностях которого стояло так много фашистских зениток. А вон и то место на реке, где он ночью хотел и не смог перебраться к нашим.

В хату, где он прятался, зашел мальчишка. Приподнял крышку сундука, увидел разбитое лицо летчика, испугался и убежал. Мальцев тоже был испуган. Подошел к окну. На поле группа женщин копала картошку. Немцев он не заметил. Оглядываясь и прислушиваясь, вышел во двор, осмотрел поле и направился к тем двоим, что были ближе. Женщина и девушка-подросток. Спросил:

— Где немцы?

— Везде, — ответила девушка и в свою очередь спросила: — Есть хочешь?

Подала ему кусок хлеба и помидор. Мальцев сказал:

— Очень прошу, не говорите обо мне фашистам. Ночью попытаюсь пробраться к нашим...

Вернулся в хату, прислушивался, смотрел в окно. Вскоре усталость и слабость свалили его с ног. Это был его последний сон на свободе.

Во сне почувствовал, что кто-то вошел. Открыл глаза и увидел два темных дула карабинов.

— Сопротивляйся нет пользы. Твой плену, — сказал, коверкая русские слова, один из солдат.

За углом хаты Мальцев увидел женщину, которая была в поле с девушкой, когда он подходил к ним.

— Что ты сделала?

— Не кривись... У немцев тебе будет не хуже.

На губах женщины появилось подобие улыбки. Пленный шагнул к ней, хотел плюнуть в лицо. Не смог. Помешала запекавшаяся кровь.

...Вовсю светило солнце. Шли лесной полосой, от которой пахло сыростью и молодой зеленью. Над травой синели еще свежие лепестки подснежников.

— Я бы хотел ее увидеть, — внезапно сказал Мальцев, остановившись. — Можно?

Михаил Тихонович попросил, чтобы ему никто не показывал ту женщину.

— Узнаю сам, — сказал он. — Постараюсь узнать.

В Ендовище, на поле, они обходили колхозниц, звено за звеном, и вдруг Мальцев остановился напротив Натальи Коршуновой.

— Не узнаешь?

— Нет... — растерянно ответила Наталья.

— А помнишь летчика, которому ты сказала: «У немцев тебе будет не хуже»?

Она узнала. От испуга руки ее повисли как плети. Из фартука выпал лук.

— О господи!

— Знала бы ты, как «легко» мне было у них... — Голос Мальцева дрогнул. Еле овладев собой, он круто повернулся и зашагал к машине.

Заговорили женщины, молча наблюдавшие эту сцену:

— Догони! Стань перед человеком на колени!
— Проси прощения!
А потом кто-то громким голосом сказал:
— Иди домой, Наталья. Не будут сегодня люди работать вместе с тобой...

VII

Жена бригадира Егора Кузьмича Стрыгина, Мария Васильевна, потрудилась старательно и со знанием дела. Все, чем богата земля российская, все, кажется, разместилось на этом столе.

Гости занимали места кто какое хотел, но каждый стремился быть поближе к Мальцеву.

Приветственные речи заранее не готовили, но без них не обошлось. Ведь в Семилуках считали, что летчика со сбитого немцами самолета давно нет в живых. Говорили, что его расстреляли фашисты. А он, выходит, поборол саму смерть.

Всех сидящих сейчас за столом интересовала каждая подробность его биографии. В сущности, кроме Мартыненко, гостя из Башкирии никто не знал.

И вышло так, что говорил только один он, Мальцев, а остальные слушали.

Воевал тут, под Воронежем. Летал на штурмовиках — «Илах». Особо большого вклада в победу над фашистами сделать не успел. Так вышло. Но раза три здорово всыпал фашистам. Особенно помнится Мальцеву удар по вражеской автоколонне на Задонском шоссе. Пожалуй, около сотни машин с солдатами уничтожили тогда летчики полка. У Мальцева осталось после штурмовки несколько бомб и реактивных снарядов. С разрешения командира эскадрильи он отделился от строя и взял курс на станцию Латное — она значилась в задании как запасная цель. Тут на путях стояло два железнодорожных состава. Мальцев прицельно спикировал и выложил на них весь боекомплект. Станция скрылась в огне и дыму.

В тот сентябрьский день они летели на задание вдвоем — Мальцев и командир звена. Линию фронта прошли благополучно. В Девицком лесу в просветах листьев и на полянах увидели коробки немецких танков, стволы орудий, фигуры солдат. Солидные силы собирал тут враг: то ли намеревался атаковать наши пози-

ции, то ли готовил засаду на случай прорыва своего фронта. Штурмовики появились неожиданно. Уже после первого захода советских самолетов загорелись многие фашистские машины. Новый удар бомб и реактивных снарядов пришелся по дальнобойным батареям. Потом штурмовики спустились до 30 метров и высыпали на скопление врага горючую смесь.

Командир звена передал по радио:

— Ложимся на обратный курс. Следуй за мной!

Мальцев шел за старшим товарищем, который умел искусно применять противозенитный маневр. Огонь врага был сильным и многослойным. Вдруг машина вздрогнула, наступила тишина. Прежде чем Мальцев понял, что случилось, ему в лицо ударило пламя. Летчик приподнялся, готовясь выпрыгнуть с парашютом. Взгляд упал на высотомер: 80 метров. Поздно! Впереди сверкнула лента Дона. Штурвал на себя, скольжение... Через несколько секунд машина стукнулась о землю, и Мальцев потерял сознание...

К счастью, Мальцев не попал ни в Освенцим, ни в Майданек, ни в какой иной фашистский специализированный лагерь смерти.

Ни перевязывать, ни лечить его не стали. Зачем? Все равно умрет. Два дня держали в грязных и холодных подвалах. Потом — допросы в штабе полевой жандармерии. Каждый час менялись следователи. Били, угрожали расстрелом и виселицей, требовали выдать военные сведения. Мальцев не сказал врагам ни слова.

Побывал не в одном лагере, сидел в тюремном carcere, два раза неудачно пытался бежать. Был жестоко бит. Видел, как от голода и болезней умирали товарищи. Терзался от этого, зная, что ничем не мог помочь им.

Ни раны, ни голод, ни другие лишения не могли одолеть его крепкого, закаленного деревенской жизнью организма.

В конце 1942 года Мальцев оказался на одной из угольных шахт Рура. Тут было не лучше, чем в лагерях для военнопленных. Владельцы шахт следовали тем же инструкциям: советских людей не щадить. Пленных с востока кормили хуже скота. Из партии в семьсот человек, в которой Мальцева привезли сюда, к весне 1945 года осталось в живых... двадцать два товарища.

Но советские люди находили способы сопротивления.

и в этих условиях. На шахте часто выходило из строя оборудование. Распространялись антифашистские листовки, информации о неудачах гитлеровских войск на фронте. Подпольной работой руководили москвичи Георгий Зимин и Евгений Молоткович. Особенно активен и бесстрашен был Зимин. Жалко, что не дожил он до Победы. Заболел туберкулезом, был переведен в лагерь смертников, который пленные называли «ямой», и там умерщвлен фашистами.

Мальцева слушали затаив дыхание. Никому не хотелось уходить, так и проговорили до пяти утра...

VIII

Весть о том, что в День Победы будет открыт памятник колхознице-героине Прасковье Щеголевой и что на торжество приехал спасенный ею летчик Михаил Мальцев, быстро облетела всю округу. С раннего утра на крутых берегах Дона бушевало людское половодье. Шли группами и в одиночку, подъезжали на легковых машинах и автобусах. Из Семилук, Подклетного и Евдовища, Воронежа и соседних деревень.

Людской говор, детские голоса, песни жаворонков, звуки оркестра, шум волн на реке слились воедино и стояли над улицей до тех пор, пока на открытую грузовую машину, заменившую трибуну, не поднялись секретарь райкома партии И. Ф. Юшин, председатель колхоза Г. А. Складов, военком И. С. Старов. Рядом с ними стали А. С. Щеголев и худощавый мужчина в парадной форме лесничего.

Кто-то рядом с машиной сказал:

— Мальцев!

Тысячи людей повторяли фамилию летчика, тысячи глаз смотрели на него.

Митинг открыл председатель колхоза Г. А. Складов.

— Миллионы людей в годы войны сознательно шли на подвиг на фронте и в тылу. Мы, к сожалению, еще не знаем имен многих из них. Спасая советского летчика, Прасковья Щеголева приняла нечеловеческие муки, пошла на смерть, но осталась верной Родине. И не только сама. Стойкостью, великой силой материнского сердца она подняла на беспримерный подвиг своих де-

тей и мать... Совсем не такое мужество требовалось от другой нашей женщины...

Люди плакали, когда стал выступать бывший пилот Мальцев. Гнев и слезы... Слезы и гнев... Такова была реакция тысяч людей на его волнующий рассказ. А взявший потом слово Саша Щеголев сказал, что отныне они с Михаилом Тихоновичем братья, и крепко обнял его...

Один за другим поднимались люди на трибуну, высказывали свое восхищение мужеством и героизмом Прасковьи Ивановны, клеймили позором предательницу.

...А Наталья Коршунова в это время лежала на диване в своем огромном доме и, прикрыв голову одеялом, ждала. Она ждала, что за ней придут, что ее силой заставят одеться, привезут на митинг и поставят перед всем народом.

Этого она боялась больше всего. С той поры, как стало известно, что выданный ею летчик оказался жив и обещает приехать в Семилуки, она не знала покоя. Ей казалось, что всюду, где бы она ни появлялась, на нее показывали пальцем. Даже на работе, стоило двум-трем женщинам о чем-нибудь между собой заговорить, ей чудилось, что говорят о ней. Не легче было и дома. Наталья входила вечером в спальню и украдкой смотрела на портрет мужа, висевший над кроватью.

Наталья помнила, как Андрей, уходя на фронт, сказал на прощанье: «Будь как все...».

«Как все...» Почему же она не осталась такой, как все? Что отгородило ее от односельчан?

Это началось, пожалуй, с того дня, когда в их доме появился фашистский офицер. Это был высокий рыжеволосый немец. Осмотрев хату, он остановился в большой комнате и сказал на ломаном русском языке:

— Это будет мой комнат...

Наталья не возражала.

Первое время офицер вел себя очень корректно. Каждое утро, увидев ее, приветливо говорил:

— Наталий, здрафстуй... — и уходил куда-то по своим делам.

Немецкие офицеры и солдаты стояли и в других хатах села, поэтому Наталью не смущало присутствие чужого человека в ее доме. Да и врага она представляла себе другим.

Теодор, как назвал себя ее постоялец, был очень любезен с ней. Однажды, увидев, что Наталья с ма-

терью третье утро варят в чугушке кукурузные початки, сам принес полный котелок пшенной каши и банку мясных консервов. Наталья сначала отказывалась, но тот взял ее за руку и многозначительно посмотрел в глаза:

— Вы можете каждый день получать пища немецкий кухня...

Но ходить на немецкую кухню, которая располагалась напротив ее дома, Наталья все-таки стеснялась. И офицер будто забыл про свое обещание. Зато он несколько раз приносил с собой разные продукты и просил обменять их на самогон.

Она, конечно, знала, что многие в селе не одобряют ее поведение. За спиной и даже в глаза жители села высказывались напрямик:

— Ох, Наташка, Наташка, плохо тебе будет, когда придут наши...

А где они, наши-то? Вон Теодор вчера сказал, что немец стоит у самой Москвы, Сталинград вот-вот падет. Не наш, а ихний порядок скоро везде будет. К нему и надо привыкать. В такое время каждый живет как умеет...

Одно смущало Наталью: как посмотрит на нее Андрей, если ему удастся вернуться домой. Последнее письмо она получила от него давно. Он сидел в каких-то болотах, и настроение, судя по письму, было у фронтовика невеселое. А потом связь совсем оборвалась. В село пришли немцы, и о муже Наталья теперь вспоминала все реже и реже. Она даже сняла со стены его портрет, сделанный вскоре после их свадьбы, положила на дно сундука.

В тот сентябрьский день Коршунова пришла домой и застала Теодора в крайне раздраженном состоянии. Он ходил по комнате из угла в угол и что-то говорил про себя по-немецки.

— Где ты была? — резко бросил он появившейся в дверях хозяйке.

— Картошку для вашей кухни копала, — с обидой в голосе так же резко ответила Наталья.

— Кухня мой такой, как твой, — сверкнув глазами, произнес Теодор. — Я даю тебе паек от немецкий солдат...

Наталья никогда не видела Теодора таким злым. Уж не за летчика ли ему дали нагоняй? И обрадовалась,

когда узнала, что это так. Теодору звонил эсэсовский полковник и отругал его за то, что вторые сутки подчиненные ему люди не могут найти пилота с разбитого советского самолета.

— Плохо ищите, — сказала Наталья. И вызывающе посмотрела на своего постояльца.

Тот подошел поближе и крепко взял за плечи.

— Наталий, ты знаешь, где он?! Ты покажешь его место!.. Мы очень благодарим вечером...

— Одна я не пойду, — твердо сказала Наталья после некоторого раздумья. — Мы трое его видели. Втроем и пойдем...

Наталья встала, подошла к окну, отдернула занавеску.

— Люди с митинга еще не вернулись?

— Нет пока, — ответила мать. — Одна девчонка Дубинкиных пробежала домой.

Дубинкины... Дубинкины... Долгое время они служили для Коршуновой своеобразным громоотводом. Написав на них после войны заявление в органы госбезопасности и видя, что никого не трогают, Наталья приободрилась. Она сделала все для того, чтобы скрыть правду и свалить вину за выдачу летчика на Марию Дубинкину и ее мать. Выдуманная ею версия искусно распространялась по селу не только Натальей, но и ее многочисленными родственниками. А когда Мария Дубинкина, не выдержав несправедливых обвинений, оставила родное село и уехала в город, Наталья всюду нашептывала:

— От стыда сбежала...

И на душе у Натальи с каждым годом становилось спокойнее. Она знала, что советский народ великодушно простил тех, кто из-за своей трусости или по какой другой причине сотрудничал с оккупационными властями и раскаялся в этом. Привлекали к ответственности лишь карателей. Но она ведь никого не расстреливала, не казнила...

И все-таки образ окровавленного советского летчика кошмарным видением не раз являлся ей во сне. Не дай бог, если он окажется живым!

Вчера она встретилась с ним...

Что с ней было! Еле дошла до дома и, не раздеваясь, упала в постель. Наталья чувствовала, что и сейчас там, на митинге, наверное, тоже говорят о ней и проклинаят

ее... Как она будет теперь смотреть людям в глаза, жить в одном селе?

...А митинг уже подходил к концу. Секретарь райкома партии И. Ф. Юшин зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР. За проявленные героизм и мужество Прасковья Ивановна Щеголева посмертно награждалась орденом Отечественной войны первой степени, а сын ее Александр — медалью «За отвагу».

Право открыть памятник единодушно было предоставлено Мальцеву. Белое полотно упало к подножию обелиска, и с гранита глянуло на людей знакомое лицо Прасковьи Ивановны. Она будто говорила всем: «Спасибо вам, люди... от меня и от моих детей...»

И люди отвечали ей слезами и благодарностью. Они клали на могилу цветы, повторяя слова, золотом светившиеся на граните: «Спите спокойно, герои. Народ никогда не забудет ваш бессмертный подвиг».

Этим и заканчивалась наша документальная повесть, отрывки из которой публиковались в свое время в газете «Советская Россия».

И пошли в Москву, Воронеж, Семилуки, Бузовьязы (Башкирия) письма. Не десятки, не сотни, а тысячи писем. Писали рабочие и колхозники, учителя и инженеры, ученые и военнослужащие, пенсионеры, юноши и девушки, пионеры и школьники, коллективы предприятий, колхозов, учреждений. Короткие и длинные — на пятидесяти страницах. Спокойные и взволнованные. Прозой и стихами.

В письмах — восхищение подвигом Прасковьи Ивановны Щеголевой, любовь к ней, верной дочери русского народа. Советские люди по достоинству оценили мужество, выдержку, стойкость летчика Михаила Тихоновича Мальцева, прошедшего сквозь все опасности войны и муки фашистского плена. Выражалась сердечная благодарность советским чекистам, и в первую очередь, естественно, майору Виктору Александровичу Мартыненко за его работу, которая позволила обнародовать новую волнующую страницу Великой Отечественной войны.

Гневом, ненавистью и презрением были наполнены слова осуждения гнусного поступка Коршуновой, которая выдала раненого советского летчика врагу.

IX

С тех пор прошло пятнадцать лет. Около памятника заботами сестры Прасковьи Екатерины Ивановны Крымовой вырос большой сад. Над железной оградой раскинула свои ветви плакучая ива. Висят венки. Стоят вазы с живыми цветами.

Екатерина Ивановна и ее муж Иван Петрович Крымовы — хранители этого священного места. Часто бывает здесь Александр Степанович Щеголев, сейчас он колхозный сторож, отец одиннадцати детей. Род Щеголевых неистребим. Внуки и внучки Прасковьи Ивановны выросли, выучились, обрели крылья. Пятеро Щеголевых отслужили в армии, работают — кто в колхозе, кто в областном центре.

Один из наших приездов в село совпал с радостным для Щеголевых событием. Приехали на могилу Прасковьи Ивановны Щеголевой из далекого башкирского городка Бирска Татьяна, Наташа и Слава Мальцевы — дети спасенного летчика. Самого Михаила Тихоновича уже не было в живых. Тяжелая, долгая болезнь сломила его. До последних дней старый воин работал, пользуясь уважением и признательностью своих товарищей; к ордену Отечественной войны добавился орден Трудового Красного Знамени.

Дети Мальцева достойны своего отца. Старшая, Татьяна, окончила институт и работает фармацевтом. Наташа — филолог, трудится в городской библиотеке. А сын Слава стал мастером по счетно-вычислительным машинам.

Гости остановились около памятника, положили цветы. Мы не стали подходить, не хотелось мешать родным в такую минуту.

Виктор Александрович Мартыненко после долгих лет работы в органах госбезопасности подполковником ушел на заслуженный отдых. Он частый гость в Семилуках, переписывается с Мальцевыми, встречается с молодыми сотрудниками КГБ. В беседах с ними он рассказывает о многих делах, которые проходили через его руки. И, конечно же, всегда вспоминает о семилуksкой эпопее.

Л.Андреев
**ПО СЛЕДАМ
КАРАТЕЛЯ**

Война застала меня в должности начальника отделения НКВД в глубинном Уколовском районе (ныне эта территория входит в Белгородскую область). Как сейчас, помню резкий звонок междугородного телефона. Дежурный по Управлению взволнованно сообщил о нападении фашистской Германии на нашу страну, передал приказ: действовать по заранее разработанному плану.

Сжалось сердце от этой вести — все-таки война... Но никто из нас еще не предполагал тогда, какие испытания выпадут на весь наш народ, какие жестокие годы борьбы впереди.

29 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли директиву советским и партийным организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков. Чекистов этот документ обязывал оказывать фронту всемерную поддержку, оградить тыл от шпионов и диверсантов.

Небольшой аппарат нашего районного НКВД делал все, что требовала обстановка. Из числа партийных, советских и комсомольских активистов был создан истребительный батальон, командиром которого назначили меня. Бойцы батальона участвовали в дежурствах, прочесывали леса, задерживали и доставляли в райотделение НКВД подозрительных лиц.

В конце июня 1942 года обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и устремились к Воронежу.

3 и 4 июля вражеская авиация бомбила уже и территорию Уколовского района. Несколько бомб разорвалось в райцентре, селе Красном. Прервалась связь с Воронежем. Началась срочная эвакуация учреждений и организаций. Мы с райвоенкомом товарищем Лютым покинули райцентр последними. Было это 5 июля. На исходе этого дня в село ворвались фашисты.

...Партийные органы подбирали людей для разведывательной и диверсионной борьбы в тылу врага. Переброской этих людей через линию фронта занимались оперативные группы, созданные Управлением НКВД. Одну из таких групп поручили возглавить мне.

В предписании говорилось:

«Начальнику разведотдела 40-й армии.

Для координации оперативных мероприятий по за-
фронтовой работе с особыми отделами армии в район
дислоцирования командиром группы младший лейтенант госбезопасности Андреев Л. И. с задачей обслуживания временно оккупированных немцами районов Гремяченского, Синелипяговского, Репьевского, Семилукского и Уколовского. Прошу оказать т. Андрееву всемерное содействие в выполнении возложенных на него задач.

Зам. начальника УНКВД капитан государственной безопасности Соболев».

С этим документом я прибыл на передовую, в расположение 305-й стрелковой дивизии. Дивизия занимала оборону против села Коротояка. Наши войска удерживали здесь, в излучине Дона, небольшой, но важный в стратегическом отношении плацдарм. По самому берегу протянулась улица небольшого поселка. Жителей оккупанты выселили. Заросшая деревьями и кустарниками пойма реки позволяла скрытно подходить к берегу и переправляться на ту сторону по шаткому понтонному мостику, наведенному саперами. Тут и было решено переправить разведчиков через линию фронта.

Переброску группы мы осуществляли вместе с начальником Репьевского райотделения НКВД А. Г. Осадчим. В пустом доме еще раз проинструктировали раз-

ведчиков, проверили их экипировку, знание паролей и явок; дали потом людям отдохнуть.

Операция прошла успешно.

...В Уколовский район группу из трех разведчиков и радистки забросили самолетом. Группа благополучно приземлилась, удачно легализовалась и приступила к выполнению заданий.

Командир группы Д. И. Ильин, фельдшер по специальности, устроился в селе Красном в немецкий госпиталь, куда могли обращаться и гражданские лица.

Разведчики М. Готов и А. Дегтярев обосновались в отдаленных селах района. Радистка Е. Кондратьева под видом дальней родственницы жила у одинокой старухи Готовой.

Частенько к Д. И. Ильину являлись «больные», приносили разведданные, которые Е. Кондратьева передавала в штаб 40-й армии. Так были получены важные сведения о численности и вооружении немецких гарнизонов в селах района, местонахождении складов горючего и боеприпасов, мастерских по ремонту танков и тому подобное.

В нескольких сводках сообщалось, что в Уколовском и Острогжском районах активно действует группа фашистских пособников. Они прикидываются партизанами, втираются в доверие к советским патриотам и выдают их гитлеровцам. Что может быть гнуснее!

Предателями командует бывший командир Красной Армии, называющий себя «капитаном Михаилом». Сообщались его приметы: рост средний, телосложение крепкое, круглолицый, волосы черные, зачесывает их назад, ходит в форме советского командира, но без знаков различия. Грубый, безжалостный, может запросто застрелить человека.

Уже тогда я твердо решил во что бы то ни стало найти предателя, отдать его в руки правосудия. Запросил более подробные данные о «капитане Михаиле», но радиосвязь с группой Ильина неожиданно прекратилась. Как выяснилось много позднее, и здесь «Михаил» приложил руку.

...В конце 1942 года Красная Армия одержала большую победу. Никогда не забуду, с каким восторгом и ликованием встретили воины 40-й армии весть об окружении фашистских войск в сталинградском «котле».

По всем признакам и на нашем участке фронта готовилось наступление, вошедшее позже в историю Великой Отечественной войны под названием Острогожско-Россошанской операции.

Как известно, операция эта блестяще осуществилась. Длилась она всего 15 дней. Советские войска продвинулись на 140 километров вперед, уничтожили более 15 дивизий противника, освободили от врага территорию Воронежской области и многие районы соседних областей.

А у меня тогда были свои заботы. Надо было попасть в Уколовский район до прихода Красной Армии, вместе с разведчиками и советскими патриотами захватить и обезвредить вражескую агентуру, предателей.

Январской морозной ночью 1943 года севернее села Коротояка вместе с разведчиками 40-й армии я перешел линию фронта. За линией фронта мы расстались: разведчики двинулись в сторону Острогожска, мой путь лежал в Уколовский район.

Шел я неприметной проселочной дорогой, соблюдая все меры предосторожности. Со стороны, если бы кто-нибудь увидел меня, внимания особого я не привлекал — ни одеждой, ни чем-либо иным: на мне были телогрейка, ватные штаны, валенки с галошами из автокамер, шапка-ушанка... Но под рукой, в специально и удобно пришитом кармане, — пистолет «ТТ», его можно мгновенно выхватить...

Я шел против ветра, радовался тому, что след мой быстро и надежно прячет поземка. Думал о том, что, конечно же, появление начальника районного НКВД в оккупированной зоне связано с большим личным риском, но тут же и успокаивал себя: риск оправдывался как целью, так и реально складывавшейся обстановкой в районе. После Сталинграда немцы потеряли былую уверенность в своих силах, стягивали к передовой всех, кто мог держать в руках винтовку. В тылу же оставались малочисленные комендатуры да фашистские пособники. Но и они попритихли — как еще повернутся события?! К тому же в каждом селе были у меня надежные люди, к ним я мог обратиться в любую минуту. А риск... Что ж, в нашем деле без риска нельзя.

На рассвете в морозной дымке показалось село Свистовка. Без труда нашел дом старого своего знакомого, деда. Акима, постучал в замерзшее окно. Старик,

узнал меня. Пригласил в дом, обогрел, накормил. Предупредил, что надо быть осторожным: рыщут по селам старосты и полиция...

Вечером я добрался до райцентра, поселился в не приметном домике А. И. Шарапова. Этот человек оказывал мне неоценимую помощь во всем.

Спустя время мы встретились с Ильиным. Фашистам и в голову не приходило, что рядом с ними работает опытный советский разведчик.

До самого утра мы говорили с Ильиным обо всем, что он узнал и увидел. Дмитрий Иванович подробно рассказал о порядках в районе, введенных гитлеровскими оккупантами, о строгом оккупационном режиме, о непосильных для населения налогах, а попросту грабежах, о зверствах, чинимых фашистами над семьями колхозников — Рагулиных, Польниковых... С особым возмущением Ильин рассказал о действиях «капитана Михаила» и руководимой им банды предателей. Изменники куражились над жителями Уколовского и Острожского районов. Они выдали фашистам работников райкома партии Пашкова и Штоколова, сотрудников НКВД Гетманова и Крюкова. Сами арестовали народного судью района Сивцова, председателя колхоза Ушакова, отправили их в гестапо.

Стало мне известно и о судьбе молчавшей рации.

Характеризуя радистку, Ильин говорил:

— С первых дней работы в тылу стало ясно, что Кондратьева тяготится полученным заданием. Единственная в семье дочь, капризная и избалованная, она с трудом переносила бытовые неудобства, вела себя легкомысленно. Стало ясно, что в разведку она попала случайно. Просилась домой, ныла.

Однажды Кондратьева едва не погубила всю группу.

...Жила Лиза в селе Сетище, на опушке леса. Гуляя как-то поблизости от дома, встретила незнакомого человека в военной форме.

— Капитан Михаил, — кратко отрекомендовался тот. И добавил, что, мол, воевал с немцами, попал в окружение, теперь партизанит, пытается пробиться к своим.

Девушке Михаил показался простым симпатичным человеком, которому можно довериться.

— А я вот тоже... выполняю задание.

— Вы радистка?! — воскликнул Михаил.

— Да... А как вы узнали? — кокетливо улыбнулась она.

— Ну как... Догадался. А вы не одна здесь, да?

Лиза все-таки поосторожничала, не стала рассказывать о тех, с кем была связана, но выразила желание перейти линию фронта — домой хочется.

Капитан вызвался помочь ей. Сказал, что к переходу линии фронта все готово, есть уже надежные полутчики. Более того, он снабдит ее важными разведанными, и там, в центре, ее похвалят за них.

Договорились встретиться завтра, на том же месте.

И все же у радистки хватило ума пойти и обо всем рассказать Ильину. Тот пришел в крайнее изумление.

— Да ты знаешь, кто этот «капитан Михаил»? — чуть было не закричал Дмитрий Иванович. — Это же... фашистский прихвостень, предатель! Ты не только себя могла погубить, но и нас всех!

Лиза не на шутку перепугалась.

— Что же мне делать? — пролепетала она.

Ильин приказал ей немедленно вернуться домой, спрятать рацию, а самой отправиться в отдаленный хутор и ждать; в райцентре показываться больше нельзя ни под каким предлогом.

Кондратьева и здесь выполнила приказ наполовину. Рацию она не спрятала, а, разломав ее на части, разбросала за домом, в бурьяне. Не предупредив хозяйку, отправилась по указанному адресу на другой хутор.

На следующий день в село Сетище нагрянула зондеркоманда во главе с «капитаном Михаилом». Каратели перевернули дом старушки Гловой вверх дном, но ни радистки, ни рации не нашли. Глову допрашивали с пристрастием, но результатов это не дало: старушка действительно ничего не знала.

«Капитан Михаил» неистовствовал. Он хотел приподнести фашистам сюрприз — радистку вместе с рацней, но вышел конфуз.

Теперь стало ясно, почему не было связи с группой Ильина. Я попросил Дмитрия Ивановича обо всем подробно написать мне. Его докладная легла в папку «Дело по розыску изменника «капитана Михаила».

В тот же день к моему квартирному хозяину пришел его друг — бывший конюх райисполкома.

— Драпать собираются немецкие вояки, — сказал

старик, пряча в бороду радостную улыбку. — Во дворе сложили гору ящиков.

— Что в них? — спросил я.

— Да барахло всякое, награбили ж у людей. А в самом большом — бумаги.

По моей просьбе старик, выбрав момент, стащил ящик, спрятал его в конюшню. Бумаги из него оченьгодились чекистам.

17 января 1943 года на улицах райцентра появились советские танки. Невозможно описать радость его жителей; все, кто мог, высыпали на улицу, обнимали своих солдат и офицеров, угощали чем могли...

Фашисты тем временем уносили ноги.

Заметались и предатели. «Капитан Михаил» бежал из Острогожска вместе с гитлеровцами. Но те скоро дали ему понять, что роль он свою сыграл и им больше не нужен.

...Заросший, грязный «капитан Михаил» явился в одну из наших воинских частей. Выдал себя за человека, пострадавшего от фашистов. Рассказал, что попал в плен, пытался бежать к своим, но фашисты поймали его, избили, заставили выполнять хозяйственные работы в обозе.

Михаилу поверили, зачислили в часть, выдали оружие. Потом он попал в другую часть... Словом, следы его на время затерялись.

По поручению райкома партии я проводил первое собрание жителей освобожденного села Хмелевого. Там мне сообщили, что начальник районной полиции Ушаков, которого мы разыскивали, находится в селе Большовске, у старосты. Я с небольшой группой помощников выехал туда немедленно.

В Большовске постучался в указанный дом, назвал-ся начальником полиции из Рельевки. Нам открыли. В доме были староста, его жена и еще одна женщина (как позже выяснилось, жена Ушакова). Я сказал, что мы с Ушаковым договорились ехать вместе по одному важному делу. Где он?

Староста замаялся.

— Да вроде в Zubовке, должен скоро вернуться.

Я оставил одного из помощников в доме старосты, а с остальными двинулись в Zubовку.

Вскоре мы услышали за спиной выстрелы — в Большовск вошли оккупанты. Советская Армия расчле-

нила фашистский фронт на куски, и теперь разрозненные фашистские части метались в тылу наших войск, неожиданно появлялись то там, то здесь. Так было и в Уколовском районе.

В тот раз Ушакова задержать нам не удалось. Его нашли и привлекли к ответственности наши органы на территории Курской области. Не ушел от возмездия и староста из Большовска. Его арестовали в Краснодарском крае.

Мне же не давал покоя «капитан Михаил». Жители района с ненавистью произносили это имя, требовали найти карателя, предать его справедливому суду. Руки этого предателя и садиста были обгажены кровью ни в чем не повинных советских людей. Папка моя пополнилась новыми фактами злодеяний этого человека. Но кто он такой, этот «капитан Михаил»? Скорее всего, это была кличка, псевдоним. Никто пока что не назвал мне его подлинную фамилию, имя, отчество, другие данные. Теперь же «капитан Михаил» наверняка попытается замаскироваться еще надежнее, сменить и фамилию и, возможно, внешность, укрыться в таком месте, где его никто не знает... Да, задача передо мной стояла нелегкая.

Поиски решил начать с Острогожска. Местные чекисты рассказали мне, что в городе во время оккупации дислоцировались 212-я немецко-фашистская дивизия, гестапо, полевая жандармерия. Простудировал трофейные документы, пытаюсь понять структуру организации этих органов и их подразделений. Оказалось, что при штабе дивизии был отдел под условным названием 1-Ц. Возглавлял его капитан Зег. Сотрудники отдела занимались широким кругом вопросов. Например, в тесном контакте с абвером собирали и обрабатывали разведданные о Красной Армии, изучали противостоящие подразделения наших войск. Занимались радиоперехватом, подслушиванием телефонных разговоров, опросом военнопленных, переводом попавших в руки русских документов. В функции отдела входили также радиопропаганда, изготовление и распространение антисоветских листовок, борьба с партизанским движением. Для выявления партийного, советского, комсомольского актива и партизан при отделе 1-Ц были созданы зондеркоманды — особые команды; одну из таких команд возглавлял «капитан Михаил». Он подчинялся непосредствен-

но Зегу. От него получал задания, докладывал о их выполнении, выдавал выявленных советских патриотов, часто сам и доставлял их. В команде было несколько таких же, как и «капитан Михаил», предателей. Жили они в городе, на частных квартирах.

Из бесед с горожанами я узнал, что «капитан Михаил» и его друг Николай часто навещали в западную часть города, в так называемую Новую Сотню к одной разгульной бабенке по имени Матрена. Ее не оказалось на месте. Она была осуждена за спекуляцию и отбывала наказание где-то на Севере. Пришлось беседовать с ее матерью. Старуха возмущалась поведением дочери, плакала, говорила нескладно, перескакивала с одного на другое, и все-таки из бессвязных причитаний удалось узнать, что любовника ее дочери звали Николаем. По гражданской профессии он был сапожником и здесь иногда занимался своим ремеслом. Чинил обувь друзьям, любовнице даже сшил сапожки. У старухи оказалась любительская фотография, на которой Николай снялся с Мотей за столом во время одной из попоек.

Возник вопрос: а где же Николай брал сапожный инструмент, не возил же он его с собой? Может, заимствовал у местных сапожников? Пришлось найти всех сапожников Новой Сотни, беседовать с одним, другим, третьим. И наконец удача. Один старый сапожник вспомнил, что у него брал колодки и другой инструмент некто Николай, и уверенно опознал его на фотографии.

Николай мало что говорил о себе. Но все же в минуты пьяных откровений тосковал о своем районе, где работал сапожником в артели, об оставшейся там семье.

— Николай ни разу не сказал, из какого он района, — говорил старик, — но не иначе из Бутурлиновки, там, почитай, каждый второй — сапожник.

Появилась первая ниточка. В Бутурлиновку пошел подробный запрос вместе с копией размноженной фотографии. Через некоторое время пришел обнадеживающий ответ. Николая Позднякова опознали по фотографии члены сапожной артели, в которой он работал до войны. Поздняков вернулся с фронта целым и невредимым, но в артели работать не стал, живет с семьей в отдаленном селе, трудится в колхозе. Выехали. На месте в этот момент его не оказалось.

Шел 1946 год. К послевоенной разрухе прибавилась

засуха. За все лето не выпало ни капли дождя. Пересохшая земля потрескалась. Под лучами палящего солнца выгорели посевы, пожелтели травы на лугах, зерновые дали низкий урожай. Для обеспечения животноводства кормами на их заготовку в восточные области выезжали бригады колхозников. В одной из таких бригад и работал Николай. Пришлось ждать его возвращения.

Тем временем я продолжал выявлять людей, которые могли знать преступников. В поле зрения попал Петр Федяев. Во время фашистской оккупации он был помощником начальника районной полиции. Встречался с «капитаном Михаилом» и его сподручными, когда они приезжали в район. Из имевшихся в райотделе материалов было видно, что Федяев на работе в полиции особой активности не проявлял, а в отдельных случаях даже помогал советским людям. После освобождения района он влился в ряды Красной Армии. Воевал хорошо. Дошел до Берлина, где был тяжело ранен. В госпитале ему ампутировали правую руку.

Вызванный на беседу Федяев волновался, осуждал свою причастность к полиции, выразил готовность оказать любую помощь в розыске изменников. На предъявленной фотографии без колебаний узнал Николая. В отношении «капитана Михаила» подтвердил имевшиеся у нас материалы.

Вскоре из Бутурлиновки сообщили о возвращении Позднякова. В село, где он жил, я приехал вместе с Федяевым. Он сразу же опознал в Николае фашистского карателя, неоднократно приезжавшего в Уколовский район в составе фашистской зондеркоманды, руководимой «капитаном Михаилом».

Позднякова арестовали.

На первых допросах он категорически отрицал свою принадлежность к гитлеровской контрразведке.

— Я честно прослужил в Красной Армии от начала до конца войны и никогда не был на оккупированной немцами территории, — твердил арестованный.

Следователь показал фотографию, где предатель был снят вместе с любовницей Матреной. Поздняков был потрясен. Такого он не ожидал. А приведенные в ходе допроса показания свидетелей из Острогжска не оставляли сомнения в том, что следователю известно многое.

Запирательство стало бесполезным. Пришлось признаться.

При дальнейших допросах Поздняков рассказал, как попал в плен к фашистам и в лагерь военнопленных, расположенный в городе Харькове на Холодной Горе. Там он польстился на обещанную сытую и раздольную жизнь, дал согласие работать на фашистов. Вербовал его Михаил, и вместе с другими предателями доставил в разведывательно-диверсионную школу. После непродолжительной подготовки он был включен в зондеркоманду и направлен в оккупированный Острогожск для выполнения заданий гитлеровцев.

Арестованный сетовал теперь на жестокий нрав своего руководителя, на его бесчеловечное отношение к советским людям. Однажды в лесу они встретили молодого парня. Доверившись мнимым партизанам, он сказал, что является комсомольцем и горит желанием бороться с фашистами. Парня арестовали и привезли в Острогожск. Поздно вечером Михаил вывел комсомольца на огород и расстрелял. В Уколовском районе был арестован коммунист учитель Черных. По дороге в Острогожск Михаил расстрелял и его. Убитого бросили в овраг, завалили снегом. Эти показания дополняли перечень преступлений предателей, но мало помогали в розыске главного преступника.

Михаил был хитрым и осторожным. Строго соблюдал инструкции своих фашистских руководителей и правила конспирации. Никогда и ничего не рассказывал о себе, не делился воспоминаниями и мыслями о будущем. Правда, Николай вспомнил, что Михаил имел особенно крепкую дружбу с агентом из их группы Константином Маматовым, уроженцем Орловской области, описал приметы Константина, назвал примерный возраст.

В деле появились данные еще на одного предателя. В Орел пошла подробная ориентировка. Ждать пришлось долго. И вот наконец пришел ответ. Маматов Константин Васильевич был осужден на десять лет лишения свободы за уголовное преступление и отбывал наказание в елецкой тюрьме. Надо было выезжать в Елец. К допросу Маматова я готовился тщательно. Исходил из предположения, что уголовник будет запираться, отрицать причастность к фашистским карательным органам, откажется называть сообщников. Учиты-

вая это, еще и еще раз просматривал материалы дела, намечал тактику допроса, продумывал, в какой последовательности использовать имеющиеся факты.

Маматов оказался наглым, развязным уголовником. Вопреки ожиданию не стал заператься, признал свою причастность к фашистской агентуре, рассказал о действиях зондеркоманды в Острогожском и Уколовском районах. Надеясь на снисхождение, назвал и «капитана Михаила», сыпал уже известными нам фактами преступных действий руководителя зондеркоманды.

— Фамилия Михаила? — перебил я.

— Фамилия? — задумался Маматов. — Кажется, Ревницкий. Да-да, Ревницкий. Он назвал свою фамилию только один раз при сильной пьянке. А на второй день поднес к носу кулак: пикнешь про вчерашнее — башку снесу.

— Где Михаил родился и жил?

— Об этом он тоже предпочитал умалчивать и от всех нас требовал держать язык за зубами. Но мне, как своему лучшему другу, кое-что рассказывал. Упоминал город Киев, где вроде бы жил и работал до войны.

Более подробных данных о Михаиле выяснить не удалось, но и то, что было получено, обрадовало.

Поездка в Елец подкрепила надежду на успех, прибавила энергии в продолжении розыска. Раздумывая о способах проверки и подтверждения полученных данных, я вспомнил о ящике с немецкими документами, который был припрятан в конюшне во время бегства оккупантов. Решено было еще раз более внимательно просмотреть находившиеся в нем документы. С учительницей немецкого языка из местной школы разглядывали каждую бумажку. Потратили на это много вечеров. И вдруг удача. В глаза бросилась фамилия — Ревницкий. Учительница перевела документ. Это было секретное предписание штаба 212-й немецкой дивизии, адресованное коменданту Уколовского района обер-лейтенанту Эллерману. В нем указывалось поставить на довольствие направленную из Острогожска в Уколовский район с особым заданием зондеркоманду, возглавляемую Ревницким Михаилом Кирилловичем.

Нетрудно понять, какое волнение вызвал у меня листок бумаги, торопливо написанный на чужом языке.

Итак, Ревницкий Михаил Кириллович...

Но дальнейший розыск затруднялся отсутствием фотографии, не хватало биографических данных. Не было

уверенности и в том, что разыскиваемый проживает в Киеве. Версию эту следовало проверить.

На основании имевшихся материалов, показаний свидетелей в Киев был направлен запрос на Ревницкого Михаила Кирилловича, родившегося примерно в 1910—1912 годах, указывались его внешние приметы.

Потекли дни нетерпеливого ожидания...

Долгожданный ответ оказался малоутешительным. Сообщалось, что Ревницкий Михаил Кириллович прописанным в Киеве не значится. Во второй части ответа для сведения сообщалось, что в городе проживает несколько Ревницких Михайлов, но среди них нет ни одного с отчеством Кириллович.

Привлек внимание Ревницкий Михаил Корнеевич, 1910 года рождения. В Киев пошел новый запрос с просьбой прислать подробные данные об этом человеке и приложить его фотографию.

В полученном ответе говорилось: «Интересующий Вас Ревницкий Михаил Корнеевич, а не Кириллович, как указывалось в первом запросе, 1910 года рождения, уроженец Черниговской области, проживает в городе Киеве, работает в Управлении внутренних дел в качестве начальника отдела боевой подготовки милиции. Имеет звание майора, в настоящее время выбыл в город Москву для оформления материалов на получение правительственной награды за проявленную доблесть на фронтах Великой Отечественной войны».

После такого ответа хотелось с досадой бросить в сторону бумаги... Но при спокойном размышлении над полученным ответом возник вопрос: а почему не была приложена фотография, которую мы просили? Надо ее иметь, чтобы окончательно убедиться, что это не тот человек, который нас интересует. Пришлось посылать еще один запрос.

Через некоторое время фотография поступила в Уголовский район и была предъявлена на опознание:

— Он это, точно он — «капитан Михаил», — твердо заявил Федяев.

«Капитана Михаила» по фотографии без колебаний опознали и другие свидетели.

В следственном отделе материалы рассмотрели опытные криминалисты, доложили руководству Управления и военному прокурору. Вынесли постановление и выписали ордер на арест Ревницкого. Но спокойный, рассу-

дительный и осторожный начальник Воронежского управления генерал-майор Суходольский дал указание арестовать Ревницкого только после того, как он будет лично опознан хорошо знавшим его человеком.

Для выполнения заключительной операции я взял с собой конвоира и бывшего сотрудника фашистской полиции Федяева. В Киев мы приехали 3 сентября 1947 года. Город залечивал глубокие раны войны. В небо взметнулись десятки подъемных кранов. Сооружались целые ансамбли высоких, красивых зданий. Вглядываясь в лица деловитых, озабоченных людей, спешивших на стройки и предприятия, я подумал, что рядом с ними, по одной земле пока еще ходит не разоблаченный предатель, активно помогавший фашистам разрушать наши города и села, все то, что приходится теперь возрождать, строить заново.

К зданию Управления МВД мы подошли утром. Заняли позицию, позволявшую хорошо видеть проходивших на работу сотрудников, а самим не бросаться в глаза. Прошло много людей, прежде чем появился круглолицый майор, в хорошо подогнанной форме.

— Он, «капитан Михаил»! — чуть не вскрикнул Федяев.

Сомнений не оставалось. В здание прошел человек, которого пришлось искать долгих четыре года. Остальное, как говорят, было делом техники. Доложил руководству Управлений КГБ и МВД по Киевской области. Вместе с их представителями я арестовал Ревницкого в его рабочем кабинете. Увидев ордер на арест, он весь сжался, побледнел. Потом взял себя в руки, приободрился, стал объяснять происходящее недоразумением, которое, дескать, вскоре выяснится и кому-то еще придется отвечать за все это.

При первом допросе отрицал нахождение в плену у фашистов. Говорил, что был непродолжительное время в окружении, из которого благополучно вышел, и вновь сражался в рядах Красной Армии. Настойчиво твердил, что его служба подтверждена документами, записями в военном билете. На вопросы о деятельности в Острожском и Уколовском районах во время оккупации Ревницкий отвечать отказался. Видно; ему надо было справиться с мыслями, выработать линию поведения на следствии. Во время обыска на квартире у арестован-

ного были изъяты чистые бланки документов воинских частей, сфабрикованные материалы, по которым он пытался получить правительственную награду, различная переписка, характеризующая подлое поведение этого человека.

В Воронеже я сдал арестованного и все документы в следственный отдел. Моя задача была выполнена. Но ходом следствия не мог не интересоваться. И когда оно завершилось, сел и полистал следственные документы. Вот что они рассказали.

Ревницкий родился в 1910 году в селе Ракитном Черниговской области. Отец — Корней Прокофьевич, как говорили в деревне, был прижимистым мужиком, ни в чем не упускал своей выгоды. Сына с детства приучал ловчить, приспособливаться к обстановке. После окончания Нежинского пединститута Михаила направили в город Калугу, где назначили учителем вечерней общеобразовательной школы. Но проработал он недолго и вернулся на Украину. Подоспело время служить в армии. Ревницкий решил сделать карьеру военного. Он оканчивает зенитно-артиллерийское училище, некоторое время учится в Военной академии имени Фрунзе. Война застала капитана Ревницкого в должности заместителя начальника укрепленного района, расположенного недалеко от города Коростень.

В трудное военное время на деле проверялась преданность Родине. Советские воины оказывали решительное сопротивление врагу. Избегая плена, дрались до последней возможности, а попавшие в окружение уходили в леса, создавали партизанские отряды и продолжали борьбу с фашистами.

По иному поступил Ревницкий. В мае 1942 года он оставил подчиненных на поле боя и сдался в плен гитлеровцам. Вместе с другими военнопленными его направили в лагерь, расположенный в Харькове на Холодной Горе. Фашисты специально создавали в лагерях невыносимые условия, чтобы сломить стойкость и выдержку советских людей, превратить их в покорных рабов, а непокорившихся истребить.

Фашисты сразу заметили покладистого на выдачу военных секретов командира Красной Армии. Бывший белый офицер — немецкий переводчик Яровой — быстро нашел общий язык с Ревницким, отобрал у него

подписку о добровольном сотрудничестве с гитлеровской военной разведкой абвер.

А дальше пошло по заведенному фашистами правилу. Нового агента для закрепления сотрудничества привлекли к вербовке таких же предателей, как и он сам. Потом направили в поселок Кирово Харьковской области в разведывательно-диверсионную школу, где он не только учился шпионскому ремеслу, но и сам преподавал подрывное дело, с большим рвением выполнял любое задание, чем заслужил расположение фашистского начальства.

Подготовленную группу агентов-диверсантов во главе с Ревиким фашисты намеревались перебросить через линию фронта в тыл наших войск. Но в связи с тем, что наступление на Дону было приостановлено, план этот изменился. Фашистам пришлось думать об охране своего тыла. Абвер передал группу Ревикского в распоряжение отдела 1-Ц 212-й дивизии для контрразведывательной работы, приказав им выявлять и выдавать фашистам партизан, коммунистов, комсомольцев, советских патриотов. Так Ревикский оказался в Острогжске.

Знакомясь с постановлением на арест, Ревикский понимал, что органы госбезопасности располагают достоверными данными о его предательской деятельности. Однако упорно не хотел признавать вину, всячески изворачивался, из кожи лез, чтобы ввести следствие в заблуждение. Сотрудничество с гитлеровскими разведорганами пытался объяснить вынужденными, безвыходными обстоятельствами.

На фронте встречались трусы и паникеры, которые перед лицом опасности, по малодушию совершали безрассудные поступки. Но Ревикский был не таким. Он сознательно, из карьеристских побуждений стал фашистским шпионом, выслуживался перед фашистами, предавал советских людей.

...Следствие шло своим чередом. Арестованный шаг за шагом изобличался показаниями свидетелей и сподвижников, собранными документами, заключениями экспертизы. Он вынужден был признать свою вину, но не раскаялся, искал новые лазейки для того, чтобы завести следствие в заблуждение.

Но ничто уже не могло ему помочь — перед судом оказался матерый преступник.

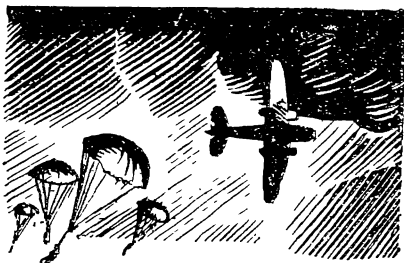
Предатель ловко воспользовался тем, что во время

войны сгорели архивы и была затруднена проверка биографических данных. Подсунув «документы» об участии в боевых действиях, Ревцкий поступил на работу в киевскую милицию, проявил рвение и довольно скоро продвинулся по службе. Пробравшись в органы МВД, сочинив версию о гибели родителей, разведясь с женой, он думал, что сотворил себе надежное укрытие, что отгородился от прошлого глухой непробиваемой стеной. Но он ошибся. Память людская о его злодеяниях оказалась сильнее всякой профессиональной конспирации.

В показаниях Ревцкий «похоронил» отца, а тот, как выяснилось, во время оккупации Черниговской области служил у фашистов старостой, после войны отбывал наказание. Словом, отец и сын Ревцкие стояли друг друга.

«Капитан Михаил» был на следствии покладистым лишь в одном: с каким-то злорадным удовольствием, одного за другим выдавал своих бывших подручных.

Все они предстали перед советским судом, понесли суровое и справедливое наказание.

П. Грабор

ТАЙНА НОЧНОГО ДЕСАНТА

Т ысячи бойцов незримого фронта в годы Великой Отечественной войны уходили в тыл врага. Одни возвращались с победой, другие бесследно исчезали в единоборстве с ненавистным врагом. О таких бесстрашных и мужественных людях хорошо сказал в своей повести «Звезда» писатель Э. Казакевич: отправляясь в тыл врага, «разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям. Он подвязывает к поясу гранаты и нож, кладет за пазуху пистолет... Он отдает старшине свои документы, письма, фотографии, ордена и медали, парторгу — партийный или комсомольский билет... Он не имеет имени, как лесная птица... Он срастается с полями, оврагами, становится духом этих пространств — духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу».

Вот такую боевую работу, очень нужную Родине, и выбрал в войну комсомолец Алексей Ефименко из сумского села Шевченково. Еще мальчишкой он мечтал о

Журналист, участник войны П. М. Грабор заинтересовался одной из разведывательных групп, бесследно исчезнувшей по ту сторону фронта, на территории, временно оккупированной фашистами. И столкнулся с предателем Ливенцевым, много лет «тихой сапой» проживавшим в Воронеже. На просьбу газет рассказать о судьбе погибших разведчиков откликнулись жители Сумской области. Благодаря их помощи чекисты отыскиали еще трех предателей.

военной службе. После школы, помогая отцу в родном колхозе «Червонный хлебороб», Алексей делился с ним своими мыслями:

— Вот уйду в армию и обязательно стану десантником. Как думаешь, батя?

— В армии все почетно, сынок, — отвечал Павел Ульянович. — Будешь ли ты летчиком, моряком, артиллеристом или просто пехотинцем. Лишь бы службу свою нес по уставу, честно защищал Родину...

Мечта Алексея Ефименко осуществилась. Незадолго до войны он успешно окончил школу десантников. Из части написал домой: «Здравствуй, батя! Поздравь меня. Кончил армейскую школу, научился прыгать с парашютом, владеть нужным оружием. Теперь я сержант, командую отделением. Посылаю свое фото... Твой сын Алексей». Не догадывался тогда Павел Ульянович, что фотоснимок станет последней весточкой от сына. Началась Отечественная война.

Сержанту Ефименко с первых же дней пришлось встретиться лицом к лицу с врагом, испытать горечь неудач, пережить гибель боевых друзей... Фронт откатывался на восток. Но Алексей верил в будущую победу и отважно бил фашистов. Боевая дорога в начале сорока второго года привела его в город Воронеж. Здесь обстрелянного воина заметили и направили в распоряжение разведотдела Юго-Западного фронта. Он стал разведчиком. Знания, полученные в десантной школе, пригодились кстати.

Потерпев поражение под Москвой, гитлеровское командование готовилось к новому генеральному наступлению. Летнюю кампанию оно считало решающей. Для нанесения главного удара гитлеровцы выбрали Северный Кавказ и сталинградское направление. Они сосредоточили отборные силы, из Западной Европы спешно стали переправлять большие резервы войск и боевой техники. Воронежское направление стало одним из важных участков вражеского наступления. Поэтому командование Брянского и Юго-Западного фронтов забрасывало в тыл врага немало разведчиков, чтобы создавать на пути гитлеровских войск затруднения, препятствовать продвижению вражеских военных грузов, боевой техники, а также для усиления партизанских отрядов, активно действовавших в сумских, черниговских и брянских лесах.

Весенней ночью Алексей Ефименко с одной из групп разведчиков вылетел в тыл врага для выполнения задания командования фронта. Ему посчастливилось отправиться на родную Сумщину, хорошо знакомую с детства. Это намного облегчало выполнение боевого задания...

I

Все началось с материнского письма. Оно пришло в редакцию из города Иванова. Мария Ивановна Петропавлова писала: «Помогите мне узнать о судьбе моего сына Николая, в войну пропавшего без вести. Как я поняла из его писем, он служил в Воронеже и в марте 1942 года с группой товарищей был заброшен в тыл врага на задание. В своем последнем письме сын сообщил: «Карточку вы эту сохраните. Может быть, больше не буду ходить в форме — все связано с моей работой. Сейчас в городе, где я живу и откуда через несколько часов вылетаю, тает снег. Если долго не будет писем, не волнуйся... группа у меня пять человек. Ребята хорошие... Подал заявление в партию, желаю бить фашистов по-большевистски. Будем бить, пока не разобьем... Крепко целую. Твой сын Николай». Письмо Марии Ивановны не могло остаться без ответа. В нем были не только сердечная боль и затаенная надежда матери...

Ответ, полученный из Министерства обороны, оказался обнадеживающим. В сообщении говорилось: «Разведывательным отделом Юго-Западного фронта 9 марта 1942 года для выполнения задания командования в тыл противника (район Путивль — Грузское) была десантирована разведывательная группа в составе пяти человек. Ей предстояло проводить крушение воинских эшелонов противника, уничтожение линий связи, а также сбор документов вражеских солдат и офицеров. После выполнения задания группа должна была соединиться с партизанским отрядом, действовавшим в районе Путивля, но связи с ним установлено не было, и судьба разведчиков осталась неизвестной». Ниже перечислялись фамилии членов группы, их довоенные адреса. Командир группы сержант Н. Ф. Петропавлов и сержант И. С. Иванов из города Иванова, сержант С. С. Слободянюк из винницкого села Верховки, сер-

жант А. П. Ефименко из села Шевченково Сумской области, пятым оказался наш земляк из Хохольского села Семидесятное сержант Егор Андреевич Ливенцев.

Помогло адресное бюро, его начальник А. А. Корвин. Он сообщил, что Ливенцев Егор Андрианович, 1916 года рождения, уроженец села Семидесятное, живет в Воронеже. Оставалось сомнение — он ли это? Все сходится, а отчество другое. Может, какая ошибка?!

Разыскать нужную улицу и дом Ливенцева не составило труда. Открыл дверь юноша, сказавшийся сыном хозяина. Самого Ливенцева не было. Паренек заинтересовался, пригласил в дом.

— А вы хотите написать про отца?

— Написал бы, конечно, — ответил я с полной искренностью, — если он тот, кого я ищу.

— А может быть, это он и есть? — загорелся мой собеседник. — Может, я вам помогу выяснить?

— Что ж, буду благодарен. Ты должен, конечно, знать, как и где воевал твой отец.

— А как же, знаю! — воскликнул парень. — Отец был разведчиком, его самолетом в тыл забрасывали.

«Он, — подумал я. — Но почему Андрианович?»

— И что же он рассказывал об этом? Можешь подробнее?

— Да нет, насчет подробностей он говорил, что все это большой секрет. А вообще-то и я, и мама думаем, что перенес он много. В плену был. Может, он вам, как корреспонденту, больше расскажет. Хотите, я за ним сбегая? Он тут недалеко работает.

— Хорошо, сбегай.

Паренек умчался за отцом. Ждать пришлось недолго. Широко, по-хозяйски раскрыв дверь, в комнату вошел пожилой коренастый человек. Бросилась в глаза россыпь рябинок на его лице. Взгляд спокойный, говорящий, что хозяин рад моему приходу. Поздоровались. Я сказал, кто и откуда.

— Чем могу служить? — спросил он.

— О фронтовых делах ваших хотелось бы услышать, о ваших боевых товарищах.

— Вот оно что, — улыбнулся он. — А я думал, о работе. Про меня как-то уже писали в газете, снимок был. В ударниках я.

— Егор Андрианович, помогите мне узнать подроб-

нее о деле многолетней давности. — Я показал ему ответ из Министерства обороны.

Он сел на стул, долго и внимательно читал. Потом, вернув мне бумагу, оперся обеими руками о колени, тяжело вздохнул, хрипло произнес:

— Да, было такое... Забросили тогда нашу группу на Украину.

— Значит, это вы и есть? — не удержался я. — А почему вас называют «Андреевич»? Ошибка, видимо?

— Кажется, так. Группа же та самая.

— Вот и расскажите, пожалуйста, про боевые дела. Напишем об этом в газете.

— А стоит ли писать-то? — вскинул он глаза. — Ведь это было все строго секретно. Разрешение нужно.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал я. — О таких делах газеты уже много пишут. А если в чем сомневаетесь, то вот мой документ. — Я протянул ему редакционное удостоверение.

Он прочитал его и заметил:

— Дотошный вы народ, газетчики. До всего докопаетесь. Меня вот нашли. Небось и остальных будете разыскивать?

Мне показалось, что его голос дрогнул, но тогда не придал этому значения.

— Непременно будем искать, — заверил я. — Началось-то все с него. Узнаете? — Я показал фотографию сержанта Петропавлова, которую прислала его мать.

— Ну-ка. — Ливенцев взял карточку, повертел ее, взглянул на надпись на обороте; вернул со словами: — Что-то не помню такого.

— Да что вы! — удивился я. — Ведь это ваш командир группы, Николай Петропавлов.

— Не помню, — развел собеседник руками. — Ведь годков-то сколько прошло. Всех разве запомнишь!

— Ну, а остальных кого-нибудь помните?

Ливенцев нахмурил лоб, задумался. Потом с досадой стукнул ладонью о колено:

— Вот ведь память куриная! Дайте мне бумажку.

Я протянул ему ответ из министерства. Он снова читал его, шевелил губами. На лбу Ливенцева выступили мелкие росинки пота.

— Вроде такие фамилии были... Да нет, запомнить не могу сказать...

— День выброски, девятое марта сорок второго, вы помните, — старался расшевелить я его память, — а вот членов группы забыли.

— Девятого марта, как же, — тихо проговорил Ливенцев. — А вот их забыл. Ведь познакомились-то в самолете.

Я не мог понять, хозяин действительно забыл или старается уйти от ответа. И я задал ему новый вопрос:

— Позвольте, ведь вас до выброски в тыл должны были обязательно готовить всех вместе, какие же вы тогда разведчики! Случайные знакомые.

— Готовили. Недели три, — помолчав, ответил Ливенцев. — Но я не допытывался, кто они...

Чтобы как-то разрядить напряженность и отвлечь собеседника от тягостных, видимо, для него вопросов, я попросил рассказать, что он помнит о поставленной задаче, как их одели, вооружили, какие давали наставления. Объяснил, что если придется писать, то читателю будет интересно знать более подробно о тыловой разведке.

Ливенцев согласно покачал головой и заговорил уже менее скованно. Он вспомнил, что послали их из Воронежа самолетом. Перед посадкой одели в шинели, сапоги. Каждому дали по кругу колбасы, краюхе хлеба и по бутылке водки. Из оружия — винтовки и гранаты. Задача делилась на два этапа. Сразу по приземлении добраться до станции Путивль и уничтожать воинские эшелоны. Затем идти к партизанам Ковпака и действовать по указанию штаба. Пароль на связь — «Полковник Тутыхин».

Рассказывал Ливенцев не торопясь, опершись локтем о край стола и спокойно поглядывая через плечо в мой блокнот. Ободренный тем, что он наконец разговорился, я вернулся снова к разведчикам. И опять лицо его подернулось тенью.

— Нет, не могу вспомнить, — покачал он головой, встал со стула и, заложив руки в карманы, отвернулся к окну. — Да что теперь о них вспоминать? Задание мы не выполнили. Накрыли нас фашисты, открыли огонь, головы не поднять. Вряд ли из них в живых кто остался. Я вот сам не знаю, каким чудом уцелел. Изранен был, сознание потерял. Очнулся у гитлеровцев; били, допытывались... Я говорил, что с этими ребятами встретился случайно, а сам давно отстал от части. На

том меня и оставили. Бросили в лагерь. Потом в Германию угнали. Работал на шахте, а там освободили американцы. Всего натерпелся. Лучше не вспоминать. После освобождения несколько лет жил и работал во Львове, а затем вернулся на родину. Поселился в Воронеже и сейчас работаю слесарем-сантехником гаража.

Разочарованный скудными данными, я попросил Ливенцева постараться вспомнить и о товарищах-разведчиках, и о селе, где их постигла неудача и где его схватили гитлеровцы.

— Хотите все-таки кого-нибудь разыскать еще? — спросил он, провожая меня до калитки.

— Надеюсь, что удастся побольше узнать о вашей группе. Может, еще кто жив, — ответил я.

— Ну что ж, заходите, если понадобится, — ответил он приглушенно. — Надумаете, позвоните сыну на работу, чтобы я знал.

Возвращался я от него с досадой в душе — не услышал самого главного. И еще не мог избавиться от впечатления, что встреча наша была Ливенцеву не особенно приятна. Странно: признав свою разведгруппу, он не мог узнать на фотографии своего командира. Да и остальных не вспомнил. А может быть, не захотел? Ведь помнит же он такие подробности, как колбаса, пароль...

И я решил еще раз встретиться с Ливенцевым.

Дня через три я позвонил его сыну, а тот сообщил, что... отца нет в живых. В котельной, где он работал, его нашли мертвым...

II

В районной прокуратуре мне показали заключение медицинской экспертизы о смерти Ливенцева и помогли отыскать его фотографию тех далеких военных лет. И снова в разные адреса полетели запросы и письма.

Вскоре удалось разыскать адреса родных разведчиков, списаться с ними. Они прислали последние их фотографии и свои воспоминания. Пришли ответы и из военных организаций, где сообщалось, что заброшенные в тыл врага сержанты Петропавлов, Иванов, Ефименко и Слободянюк до сих пор считаются пропавшими без вести. Оставалось установить еще место выброски разведчиков.

На помощь пришли сумская областная газета «Ленинская правда», районные — бурынская «Прапор Ленина» и конотопская «Радяньский прапор», которые опубликовали корреспонденцию «Кто помнит их?» и фотографии всех пяти разведчиков. Результаты превзошли ожидания. Одно за другим стали приходить письма из сел Гвинтовое, Александровки, Успенки, из хутора Дич и городов Конотоп и Бурынь. Люди писали о том, чему были очевидцами, рассказывали о трагедии, которая произошла на их глазах с группой советских разведчиков.

...Перед вылетом командир подразделения Исаев собрал разведчиков.

— Уточним еще раз задание. — Он расстелил на столе карту и продолжил: — Противник готовит большое наступление. По сведениям нашей разведки враг подтягивает к фронту войска, технику, подвозит боеприпасы. Будете действовать на отрезке пути станций Путивль и Грузское. После выполнения задания выйдете на связь с партизанами, они знают. Не забудьте пароль. Место вашей выброски у села Гвинтовое. Проводник у вас надежный, из тех мест. Так, сержант? — Повернулся он к Ефименко.

— Родные места. Не пропадем...

— Ну, пора. Желаю успеха. — Исаев посмотрел на часы. — Летчики заждались.

Через полчаса машина с разведчиками неслась по затемненным улицам Воронежа к аэродрому. Вскоре, не зажигая огней, транспортный самолет ЛИ-2 оторвался от земли и взял курс на Сумы.

В кабине самолета расположились три группы. Где-то за полночь две группы по команде летчика покинули машину. Группа сержанта Петропавлова незадолго до рассвета, когда самолет был у Гвинтового, благополучно выбросилась из машины.

Приземлились удачно, на заснеженное поле. Быстро собрали парашюты, закопали их в снег и укрылись в небольшой ложине. Прежде чем двинуться к Путивлю, решили выяснить окружающую обстановку. Предосторожность оказалась не лишней. Как потом было установлено, появление советского самолета и выброска парашютистов не остались незамеченными. Староста села Гвинтовое Толкачев позвонил начальнику районной полиции И. Гайту в Бурынь и доложил об этом. Тот

немедленно вызвал к себе начальника участковой полиции Д. А. Иваненко и приказал выехать на место.

Вскоре Иваненко вернулся и доложил, что его люди проверена вся местность, но подозрительного ничего не обнаружено. Гайт недовольно буркнул:

— Наверное, плохо искали.

— Что вы, все осмотрели. Парашютистов нигде нет, — оправдывался участковый. — Может, где на другом участке укрылись?

— Ладно, иди. Другой раз ищите лучше. А то, не дай бог, упустим. Немецкое начальство не похвалит

Прошел день. На вторую ночь сержант Петропавлов приказал Ливенцеву незаметно пробраться в село и выяснить, есть ли там гитлеровцы. Тот охотно стал собираться.

— Подожди, — остановил Ливенцева Алексей Ефименко, считавшийся комиссаром группы, — пойдем вместе. Я из здешних мест. Вдвоем будет сподручнее. Как считаешь, командир?

— Правильно. Постарайтесь побыстрее, — одобрил Петропавлов.

С большой осторожностью пробирались они по улице села. Кругом было тихо. Они дошли до хаты Макара Федоровича Слепухина и решили укрыться в его дворе, в сарае, откуда хорошо просматривалась вся улица.

— Ты меня обожди. Я сейчас, — сказал Ливенцев и скрылся за сараем.

Долго ждал его Ефименко. Но так и не дождался, ушел к своим, в поле, в надежде увидеть Ливенцева там. Но его и тут не было.

— Уж не попался ли он?

— Не думаю. Фашистов в селе нет. Одни полицайи, — ответил Ефименко. — Здесь что-то не так. Ушел на минутку и исчез...

Пока разведчики гадали, что могло случиться с Ливенцевым, тот сидел в доме колхозницы Пелагеи Лукьяновны Ткачевой, куда привел его сторож бригадного двора Нечепуренко, сочтя его честным советским солдатом.

— Вот тут и пережди, — сказал старик. — А то наткнешься на полицайев, быть беде. Они у нас лютые. Много хорошего народу загубили.

— Ничего, дед. Я с ними быстро полажу. Укажи мне

ТЕЛЕГРАММА № 257

521

Бланк № 25

Пров. №

Прин.

Принято

ПТРСД СМОЛЬНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА

КОМИСАРОВ ЛЕНИНУ

ИЗЪ ОСТРОГОЖСКА 286 18 5 13 18

СООБЩИТЕ КАК ПОСТУПИТЬ С ЦЕННОСТЯМИ РАЗГРАБЛЕННЫХ
ИМЕННИ ОСТРОГОЖСКИЙ СОВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КРЮКОВ

Составить могущую описи цен-
ностей, списать их в сохранном виде
во избежание их сохранения. Инициал
директора народа. За работу привлекать
к суду. Сообщать результаты суда нам.
Ленина

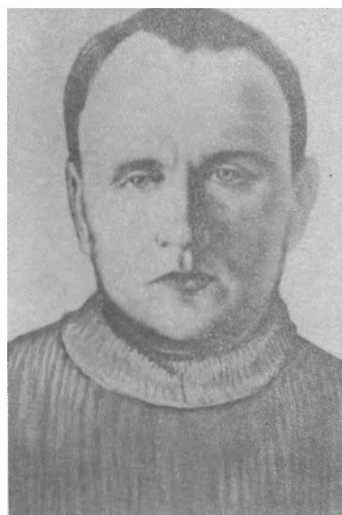
Телеграмма В. И. Ленина в ответ на запрос председателя Остро-
гожского Совета П. В. Крюкова.

Мемориальная доска в здании УКГБ СССР по Воронежской области

Н. П. Павлуновский — первый
председатель Воронежской
губчека.

О. П. Хинценбергс — предсе-
датель Воронежской губчека.

Воронежские чекисты, отличившиеся в борьбе с бандитизмом.
1922 г.

М. И. Любушкин — начальник отдела по борьбе с бандитизмом Воронежской губчека, 1921 г.

Д. Я. Кандыбин — председатель Воронежской губчека, начальник губотдела.

И. П. Шматко — командир кавалерийского отряда Воронежской губчека, 1921 г.

В. П. Пышин — военный контрразведчик, активный участник Великой Отечественной войны.

С. А. Ананьев — начальник оперативной группы УНКВД Воронежской области, 1942—1943 гг.

А. А. Сидоров — начальник Острогожского РО НКГБ Воронежской области.

Встреча воронежцев с Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом СССР К. П. Феоктистовым.

Л. И. Андреев — начальник
Уколовского РО НКВД — НКГБ
Воронежской области

В. Д. Костукевич — командир
партизанской группы.

Соратники легендарного советского разведчика Героя Советского
Союза Н. И. Кузнецова на воронежской земле. Среди них —
В. К. Довгер (слева).

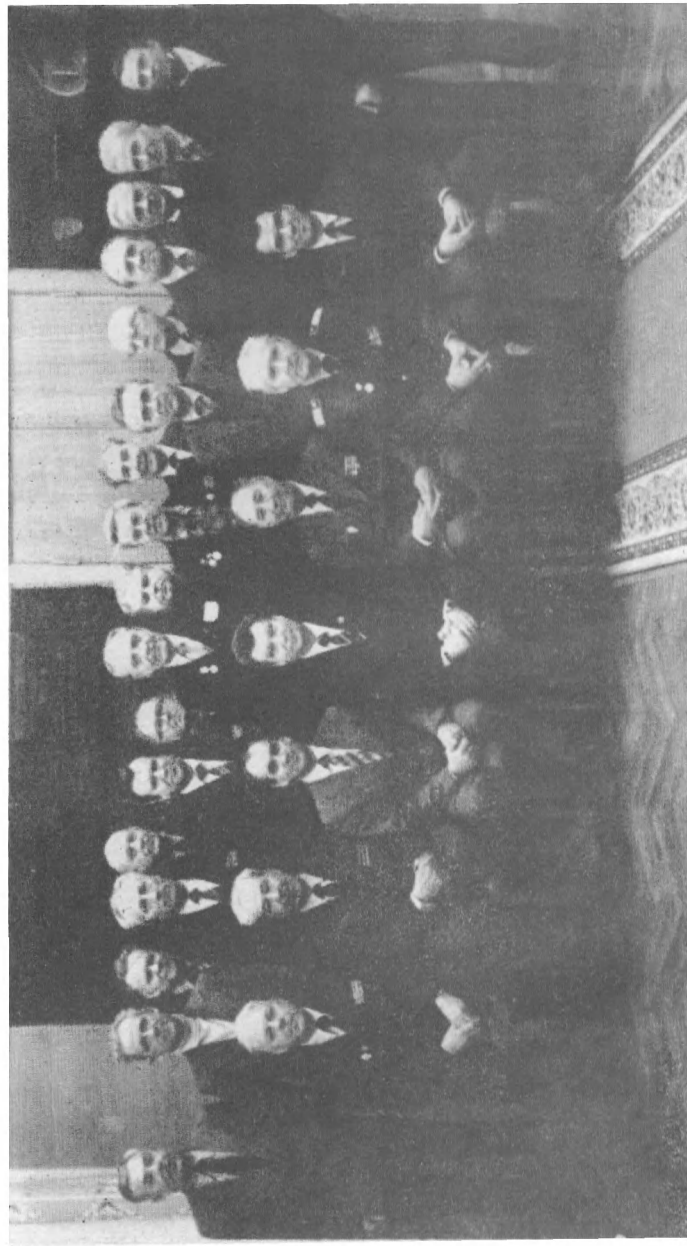
Л. М. Васильев, выполнявший спецзадания органов госбезопасности в тылу немецко-фашистских войск, 1942—1943 гг.

П. И. Щеголева.

Оружие, изъятое у преступников в наши дни

Встреча с чекистами-ветеранами в Управлении КГБ СССР по Воронежской области.

только, где их штаб размещен, — попросил Ливенцев. — Может, проводишь?

— Если надо, пойдем укажу. — Он довел Ливенцева до места и вскоре вернулся назад. — Знаешь, Пелагея, этот рябой парашютист предатель, — зашептал старик. — Я слышал, как он говорил Павлу Ананчину, где ждут его товарищи. Как земля держит таких иродов! Будь они прокляты, — зло плюнул Сидор Николаевич.

Когда Егор Ливенцев рассказал местным полицаям, кто он и где его ждут остальные разведчики, те переполошились. В Бурьнь, к Гайту, понеслись сигналы: «Парашютисты найдены». Гайт тут же велел собрать из ближайших сел Духановки, Нечаевки полицейев и сам с большой группой выехал в Гвинтовое, решив возглавить операцию.

Бой произошел у хутора Коновалова.

— Будем биться до последнего патрона. Живыми не сдаваться, — увидев большую цепь врагов, сказал Николай Петропавлов товарищам и первым открыл огонь.

Фашистские прислужники залегли...

Около часа длился неравный поединок. У разведчиков кончились патроны. Умолк автомат Игоря Иванова. Юноша выхватил нож, шагнул навстречу полицаям и упал, скошенный пулями. И Петропавлов выпустил в полицейев последнюю автоматную очередь...

Как ни старались полицейии выполнить приказ Гайта «Взять парашютистов живыми», это им не удалось. На их крики «Сдавайтесь!» разведчики отвечали огнем. А когда кончились патроны, они во весь рост, с ножами в руках бросились на врагов, предпочитая смерть плену.

С большой осторожностью приблизились к погибшим Гайт и его свора. Они боялись даже мертвых героев. И когда, осмелев, Гайт стал штыком ворошить тела разведчиков, один из них застонал...

— Я был свидетелем, — вспомнил потом ветфельдшер И. М. Ковтунов, — как привезли в Гвинтовое на санях раненого разведчика. Над ним всячески издевались, кололи штыками, били прикладом. Но он не сказал ни единого слова. Тогда его повезли на допрос в Бурьнь. В дороге он умер.

Как вспомнили и другие старожилы села, раненным

был Алексей Ефименко. Один из полицаев узнал в нем своего однополчанина и назвал по имени.

В этот же день немецкий комендант Ульрих в кабинете Гайта поощрительно похлопал изменника Ливенцева по плечу: «Хорошо, очень хорошо! Поедешь в Германию. Там будешь хорошо жить». Здесь же он вручил предателю карманные часы на золотой цепочке.

...Нет, не забыл Ливенцев того, что было под селом Гвинтовое. Он хорошо помнил всю свою жизнь, как сорвал задание командования, изменил Родине и предал товарищей. Он надеялся, что заметет следы, укроется от возмездия за свои преступления. Он ловко маскировался под честного работягу, бывалого фронтовика-разведчика...

Не знаю, за кого он меня принял. Ясно лишь одно: трусливая душонка предателя не вынесла животного страха перед разоблачением.

III

После самоубийства Ливенцева воронежские и сумские чекисты провели большую работу. Удалось разыскать еще нескольких виновников гибели разведчиков и привлечь их к ответу. В ходе следствия выявились и другие их черные дела. Кто же они и как им удалось замести свои следы?

Уроженца курского села Воронок С. Т. Милюкина война застала в Бурыни, где он работал слесарем на сахарном заводе. Здесь он успел жениться, обзавестись семьей. В сентябре сорок первого оккупанты ворвались в Сумскую область и установили свою власть, которая пришлась Милюкину по душе. Он охотно пошел работать в полицию, оказался рьяным прислужником гитлеровцев, а вскоре стал помощником начальника районной полиции, получил звание фельдфебеля. Когда в сорок третьем году Сумщина была очищена от оккупантов, Сергей Милюкин вместе с недобитыми фашистами удрал на запад. Но далеко уйти ему не удалось. В Дрездене, где он устроился работать на механический завод, ему пришлось встретиться с советскими людьми. Он прибегнул ко лжи: выдал себя за насильно угнанного фашистами. Ему тогда поверили и разрешили вернуться на Родину. И тут перед ним встал вопрос: «Что же делать? Куда идти?» Домой пу-

ти отрезаны. Сумчане ему не простят. И решил Милюкин осесть там, где его никто не знает. А чтобы было надежней, то он по дороге заскочил ночью в родное село, к матери, где у родной племянницы выкрал паспорт, вытравил хлорной известью ненужное и стал другим Милюкиным. С этим документом он долго колесил по стране, а потом осел в поселке Красногорском Марийской АССР, где работал в мехлесхозе. Здесь его и нашли чекисты.

Не менее находчивым и изворотливым оказался бывший начальник участковой полиции Д. А. Иваненко. Этот войну встретил в артиллерийском полку. Но ему не захотелось выполнять свой воинский долг. Он дезертировал, укрылся в селе до прихода будущих хозяев. Потом бежал с гитлеровцами до Гамбурга. В дальнейшем ему удалось скрыть свою преступную деятельность, выдать себя за кандидата в члены ВКП(б), прикинуться военнопленным. Тогда ему поверили. Но вернуться в родной городок Мерефа на Харьковщине он побоялся и обосновался в Кривом Роге.

Удалось чекистам напасть и на след бывшего полиция Е. П. Листунова. Этот прихвостень, почуяв опасность, удрал с фашистами, добрался до Ровенской области, где стал Лещуком Петром Ефимовичем. Под этой фамилией он жил до 1967 года, а потом сменил на настоящую, решив, что все забыто и прошло много времени. Разыскали его в Ленинградской области, где он работал кочегаром.

Как ни пытались предатели обелить себя, свалить вину на других, уже понесших наказание, это им не удалось. Неопровержимые факты и живые свидетели полностью обличили их и в уничтожении советских разведчиков Николая Петропавлова, Игоря Иванова, Сергея Слободянюка и Алексея Ефименко и в тех зверствах, которые они творили вместе со своими хозяевами гитлеровцами. Изменники Родины предстали перед судом, который за совершенные злодеяния приговорил С. Милюкина и Д. Иваненко к высшей мере наказания — расстрелу, а Е. Листунова — к 11 годам лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима.

...Именами же погибших разведчиков Н. Петропавлова, И. Иванова, С. Слободянюка и А. Ефименко названы школьные пионерские отряды. Вечная слава им, героям войны!

Д.Рехин

ПАКЕТ С ДОНЕСЕНИЕМ

В кабинет В. А. Яшкова — заместителя директора по кадрам — вошел сухощавый стройный мужчина в сером костюме.

Василий Андреевич взглянул на него и удивленно вскинул брови.

— Виктор Поликарпович! — воскликнул он. — Здравствуй, дорогой! Почему не в военной форме?

— Демобилизовался. Пенсию получил хорошую, можно было бы отдыхать. Но посидел дома несколько дней и заскучал. Не помогли ни рыбалка, ни домино, ни книги... Решил устроиться на работу.

— Что ж, это хорошо, специалисты нам нужны, — обрадовался Яшков и предложил: — Пойдешь инженером по технике безопасности?

— Нет.

— А начальником пожарной охраны?

— Ты знаешь, в армию ушел я от станка и хотел бы к станку и вернуться.

Яшков пытался его отговорить, но решение Виктора Поликарповича было твердым.

— Не ожидал от тебя такой просьбы, — признался

Этот рассказ о Викторе Поликарповиче Пышине, ныне рабочем производственного объединения «Воронежагрегат», который до прихода на предприятие двадцать лет отдал нелегкому чекистскому труду, написан тоже рабочим. Многие черты характера В. П. Пышина, вызывающие уважение и восхищение нынешних товарищей по труду, сформировались у него, по мнению автора очерка, во время службы в органах госбезопасности.

Василий Андреевич. — Пиши заявление, но имей в виду: визировать его без согласия директора не буду. — И он протянул Виктору Поликарповичу чистый лист бумаги.

...Директор Виктор Ильич Сухоруков встретил Пышина приветливо. Яшков представил ему своего бывшего однополчанина (вместе до войны служили в армии), сказал, что до прихода на завод Пышин работал в аппарате Воронежского управления комитета госбезопасности, ушел в отставку в звании майора.

Директор прочитал заявление Пышина и с нескрываемым любопытством посмотрел на Виктора Поликарповича.

— Так, так. Значит, к станку?

— Да, — подтвердил Пышин.

— Ну что ж, пусть будет, как вы хотите. — Обращаясь к Яшкову, директор распорядился: — Прикрепите товарища Пышина к опытному токарю.

Наставником Пышина стал токарь пятого разряда Сергей Федорович Сухарев. Немало хороших приемов перенял Виктор Поликарпович у опытного рабочего. Но и сам стремился активнее вникать в производственные тонкости.

Спустя несколько дней их совместной работы Сухарев получил сложное задание. Познакомившись с ним, Пышин высказал свое предложение, как лучше сделать заготовку. Сухарев отнесся к совету своего ученика с некоторой иронией и молча продолжал все делать по-своему. Но вскоре убедился, что Пышин был прав. И уже тогда подумал, что из такого ученика выйдет толк.

В другой раз Сухареву поручили выточить стальной стакан с очень тонким дном.

Виктор Поликарпович опять вежливо подсказал, как избежать возможной неточности при изготовлении детали.

— Больно ты грамотный! — не сдержался Сергей Федорович.

Когда «тепленький» стакан был снят со станка, то дно, внутренняя поверхность не достигали требуемой чистоты обработки.

— Я же не отступал от порядка операций, указанного в техпроцессе, — сокрушался Сухарев.

— Вы тут ни при чем, Сергей Федорович, просто его

составители допустили ошибку, — пояснил Пышин. — Этот техпроцесс требует изменения.

...Через несколько недель Виктора Поликарповича перевели на самостоятельную работу и присвоили ему четвертый разряд.

За всякое дело он брался без лишней спешки, применял новшества и оснастку собственной конструкции Неторопливо, но уверенно выходил он в число передовиков соревнования. И вот накануне 48-й годовщины Октября табельщица цеха вывела на Доске показателей против фамилии Пышина цифру 180. Почти в два раза перекрыл он норму выработки.

Вонстину этот человек шел к вершинам профессионального мастерства гигантскими шагами!

Заместитель начальника отдела Вадим Митрофанович Есков рассказывает:

— За рекордно короткий срок он получил самый высокий, шестой разряд. Лично я ценю в нем такие качества, как обстоятельность, добросовестность и трудолюбие.

Бывший старший мастер опытного производства Александр Дмитриевич Казьмин вспоминает:

— На протяжении всех лет Виктор Поликарпович показывает пример и в поведении, и в работе. Передовик производства, наставник, рационализатор, он активен и в общественной жизни. Постоянный член партийного бюро, председатель товарищеского суда цеха

— Пышин — токарь высочайшей квалификации. Все, что выходит из-под его рук, отличается какой-то особой красотой. Я часто обращаюсь к нему за советом и помощью, — говорит его бывший ученик, ныне токарь пятого разряда Павел Никитович Федотов. — А как он болеет за производство! Обо всем, что тревожит и волнует его, говорит открыто, прямо. Смел, принципиален, настойчив.

Да, Пышин именно таков. Во всем, и в производстве, и в обыденной жизни, и в общественной работе — сказывается благотворное воспитание, полученное им в коллективе чекистов.

За трудовые достижения удостоен ордена Ленина, медали «За доблестный труд», диплома «Лучший по профессии». Его фамилия дважды заносилась в Книгу почета.

Много сил и душевного тепла отдает он воспита-

нию рабочего пополнения. Молодежь относится к нему с большим уважением. И есть за что. Двадцать лет Виктор Поликарпович прослужил в органах государственной безопасности, из них четыре года на фронте. За ратные подвиги награжден тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени.

После разгрома гитлеровской Германии Пышин из военной контрразведки 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в аппарат Воронежского управления госбезопасности. Здесь он в течение многих лет руководил группой по розыску военных преступников.

А начинал В. П. Пышин свою трудовую деятельность с рабочего. Родился в 1914 году в городе Каменске Ростовской области в семье железнодорожника. Его отец, Поликарп Иосифович, машинист депо Глубокая, отличался смелостью и беззаветной преданностью Советской власти. В годы гражданской войны он водил бронепоезд, часто участвовал в схватках с белогвардейцами. Был ранен, контужен.

...Когда войска германских интервентов захватили Ростов-на-Дону, а белоказачья армия генерала Краснова подошла к Каменску, мать Виктора собрала кое-какие вещички и подалась с пятью детьми на вокзал. Приехала на станцию Грязи, к своей матери. Так с той поры они и жили в Грязях.

После окончания Каменского железнодорожного училища Виктор был направлен токарем в паровозное депо в Грязи. Вот тогда-то он и почувствовал себя в своей стихии! Становился за станок и забывал обо всем на свете. Словно зачарованный наблюдал, как из-под резца выползали радужные горячие звенящие колечки, как под собственной тяжестью они обрывались и падали к ногам. А потом он брал деталь, она жгла руки, он перебрасывал ее с ладони на ладонь и чуть не пел от радости.

На работу он не ходил, а бегал. В гулком помещении не было еще никого, когда он подходил к своему станку, нажимал на кнопку и прислушивался к голосу своего стального друга. Не случайно вскоре он вышел в передовки.

Коммунисты и комсомольцы депо на одном из соб-

раний постановили: создать комсомольско-молодежную бригаду. В нее вошло двадцать человек. Бригадиром был назначен Виктор Пышин. Сначала ему показалось, что он не справится со своими новыми обязанностями. У ребят не хватало опыта, знаний, сноровки. Изношенное оборудование часто выходило из строя. Задерживался выход паровозов из ремонта. Но опытные рабочие, коммунисты поддерживали молодежь, всячески помогали ей. По их инициативе была организована техническая учеба. И дела в бригаде наладились.

В 1935 году в стране родилось стахановское движение. К этому периоду бригада Пышина была уже в числе передовых.

В 1936 году бригада Пышина получила почетное право именоваться стахановской, а сам бригадир был награжден значком ударника.

В том же году Пышина призвали на действительную службу в РККА. Почти сразу же после принятия присяги фамилия Пышина появилась на Доске отличников боевой и политической подготовки. Его назначают руководителем политзанятий взвода. На инспекторской проверке, которую проводил комиссар корпуса, его группа заняла одно из призовых мест.

«За лучшие показатели в боевой и политической подготовке, за большевистский стиль работы отделенного командира Пышина сфотографировать у развернутого знамени части!...» — так было записано в приказе.

Возвратившись из армии, Виктор Поликарпович снова возглавил свою бригаду. Бригада стала школой стахановских методов труда. У нее учились специалисты родственных предприятий.

Летом 1940 года произошло событие, круто изменившее дальнейшую жизнь молодого коммуниста, передового рабочего. Районный комитет партии рекомендовал В. П. Пышина на работу в органы НКВД.

...В первые же дни Великой Отечественной войны Виктор Поликарпович был зачислен в штат Особого отдела НКВД действующей армии, позже переименованный в Отдел контрразведки «Смерш» НКО СССР.

И Пышин выполнял свой долг честно, самоотверженно, как и его товарищи. Военные чекисты оберегали штабы от вражеских элементов, добывали сведения о противнике, проникали в его разведывательные органы,

не снижали бдительности ни при каких обстоятельствах.

...Летом 1942 года полки 318-й стрелковой дивизии освободили от гитлеровцев несколько населенных пунктов и после тяжелых боев заняли оборону. Солдаты комендантского взвода решили устроить баню. Для этой цели облюбовали просторную хату с высоким потолком и русской печью.

— Осмотреть дымоходы! — приказал подчиненным Пышин и первым полез по лестнице на чердак. Едва он оказался наверху, как до него из дальнего угла донеслось тихое посапывание. Направив луч фонарика в ту сторону, заметил небольшую копну сена. Виктор Поликарпович вынул из кобуры пистолет и, держа его наготове, скомандовал:

— Встать!

Из сена показалась голова, потом плечи. Наконец во весь рост поднялся высокий хмурый человек с заспанным лицом.

— Спускайся вниз! — Пышин указал дулом на лестницу.

Когда незнакомца доставили в отдел контрразведки «Смерш», он рассказал, что немцы, отступая, оставили его в селе с заданием сбора сведений о наших воинских частях, вооружении.

Предатель показал и то место, где была спрятана портативная радиостанция. Она находилась за дымоходной трубой в соломе.

— Я уже передал своим «хозяевам», что дом у церкви — это ваш штаб, — признался он.

По настоянию чекистов штаб срочно перебазировался в соседнюю деревню. Ранним утром следующего дня вражеские самолеты сбросили много бомб на дом у церкви и разнесли его в пух и прах. Но там никого не было.

Что заставило бывшего красноармейца переметнуться к немцам? Оказывается, он был отпрыском одного русского князя и питал лютую ненависть к первой в мире стране социализма.

Но такие, как этот изменник, попадались редко. Советские люди самоотверженно боролись с врагом, проявляли героизм и стойкость, часто помогали чекистам.

...Сорок четвертый год был годом стремительного наступления Красной Армии. В этот период значитель-

но возросли возможности партизанских отрядов и соединений. Они активизировали свою деятельность. Искусно маневрируя, наносили удар за ударом по тылам оккупантов, всеми силами и средствами помогали продвижению Красной Армии на запад, доставляли необходимую информацию о противнике.

...В начале июля лунной ночью солдаты 216-го стрелкового полка 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта задержали седобородого худощавого старика, одетого в залатанный пиджак, темно-синие брюки и вылинявшую фуражку железнодорожника. Солдаты доставили его в отдел контрразведки «Смерш».

Там старик рассказал, что он партизан, выполнял приказание командира отряда Бегмы доставить пакет с донесением в штаб дивизии или армии. В дороге почувствовал себя плохо и, боясь, что умрет и пакет попадет к фашистам, решил спрятать его и, если удастся благополучно перейти линию фронта, рассказать о тайнике. Старик подробно описал место, где он в штабеле срубленных немцами деревьев спрятал пакет, сказал, что для сохранения от сырости он положил его в кисет от табака.

Рассказ старика показался слишком гладким и вызвал сомнение. Полковник Н. А. Тульке позвонил начальнику штаба и доложил:

— Товарищ генерал, на передовой задержан человек в гражданской одежде. Говорит, что партизан, нес нам пакет с секретными данными от товарища Бегмы...

— Немедленно доставить его сюда! — потребовал генерал.

Объяснение полковника о том, что самого донесения еще нет, начальник штаба не выслушал. Только поторопил: «Быстрей» — и положил трубку.

Старика отправили в госпиталь.

А Тульке обратился к капитану Пышину:

— Придется вам идти за пакетом!

Он вызвал своего адъютанта и приказал:

— Булыгина ко мне!

Вскоре адъютант вернулся с высоким широкоплечим солдатом. Это был известный смельчак и неутомимый разведчик Михаил Булыгин.

...Полковник Тульке коротко рассказал ему о беседе со стариком и о приказании генерала.

— Капитану Пышину и вам, Булыгин, надо найти пакет и принести мне. — Николай Антонович протянул им лист бумаги, на котором были нанесены условные обозначения, — все это полковник нарисовал со слов старика. — Он зарыт вот здесь. — Тульке опустил палец на крохотный квадратик. — Все ясно?

— Так точно!

Тульке пожал разведчикам руки.

До передовой их подбросили на полуторке. Встретивший разведчиков майор госбезопасности Сугробов доложил о цели их прибытия командиру части и попросил его предупредить солдат, чтобы они не приняли их за перебежчиков.

— Командир полка порекомендовал вам взять с собой из нашего взвода разведки Илью Ермакова, — сказал Сугробов. — В прошлом заядлый охотник. Пока мы тут сидим в обороне, он вдоль и поперек излазил окрестность, установил примерное число танков, орудий, пулеметов противника на обширном участке фронта.

— Вызывайте! — кивнул Пышин.

Когда Виктор Поликарпович вкратце изложил Ермакову суть предстоящей операции и показал рисунок полковника Тульке, Илья внимательно рассмотрел его и сказал:

— Есть неточности...

— Поправьте, — попросил капитан.

Ермаков достал из кармана гимнастерки карандаш.

— Вот здесь шлагбаум, тут — железнодорожная будка, а за ней овраг, — пояснил он и проставил расстояние между некоторыми ориентирами.

...С наступлением темноты двинулись в путь. Пышин и Булыгин шли следом за Ильей. Он шагал уверенно и бесшумно.

Разведчики пересекли русло пересохшей реки, выбрались на ровное поле.

Они стали чаще останавливаться, приседать на корточки. Прислушивались к звукам и напряженно вглядывались в ночной мрак. Вели себя осмотрительней и осторожней, чем прежде: они уже были в логове врага!

Достигли леса, углубились в него по колею.

Когда дошли до указанного стариком вырубленного участка, сели у куста орешника. Было еще темно. Надо было ждать рассвета.

Пышин задумался. Сомнения все еще оставались. Не исключено, что фашисты послали через линию фронта подставное лицо, предателя, который попытался ввести в заблуждение советское командование. Для большей правдоподобности они могли положить в тайник фальшивку, сделать нам «подарочек» с ложной информацией. А если на делянке мины или засада? Эти мысли возникали и у тех, кто был с ним рядом. И капитан распорядился:

— Чтобы всем не попасть в ловушку, за пакетом отправится пока один Илья.

...Полоска горизонта на востоке чуть-чуть зарозовела. Незаметно гасли звезды. Пора было идти, и Пышин дал последнее наставление Ермакову:

— Если обнаружите пакет, не трогайте его, а хорошенько запомните, где и как он лежит, и — назад! В течение дня будем вести наблюдение. Если не заметим ничего подозрительного, заберем донесение и подадимся к своим. Ни пуха ни пера! — Капитан тронул Ермакова за локоть.

..Илья отсутствовал недолго, но минуты его ожидания показались вечностью. Обратно он приполз попластунски. Прерывисто дыша, заговорил:

— Нашел... Кисет плохо спрятан, кое-как заброшен листьями и ветками. Я заранее приготовил сучок, чтобы откопать его, но он мне и не понадобился. Старик не обманул нас, донесение можно брать.

— Решения менять не будем, — сказал Пышин. — Подождем.

Разведчики опустились на дно балки и укрылись под ворохом срубленных, зеленых еще ветвей. Лежали на спине. Видели только небо и радовались, когда над ними в одиночку и группами пролетали самолеты с красными звездами.

Как только немного стемнело, Пышин скомандовал: — Пора!

Он отвел вбок ветки и поднялся. Стремительно, но без шума вскочили Ермаков и Булыгин. И все трое направились к тому кусту орешника, где прошлой ночью с нетерпением ждали рассвета.

— Я пошел! — сказал Илья, но тут же осекся.

К опушке кто-то медленно приближался. От неожиданности разведчики растерялись, присели. Напрягая зрение, различили контуры человеческой фигуры. Бли-

же, ближе... По еле заметной тропинке шла женщина в белой кофточке и темной юбке.

Капитан насторожился. Что делать? Отойти в кусты, спрятаться или подпустить поближе и спросить, что привело ее в эти глухие места? А вдруг она, увидев их, испугается, закричит и на ее голос примчатся фашисты? Тогда не убежишь. Пустят по следу овчарок — и крышка!

Михаил отошел метров на пять вправо, Илья отступил в противоположную сторону. Теперь незнакомка не заметит их всех сразу, и так им легче предупредить любую неожиданность с ее стороны. Едва она поровнялась с Пышиным, он тихо окликнул:

— Девушка!

Незнакомка резко остановилась, хотела что-то сказать, но капитан опередил ее:

— Вы местная?

— Да, местная! Живу здесь у родственников.

Илья и Михаил, слыша мирный разговор капитана и женщины, подошли, остановились рядом.

— Мы из окружения, — схитрил Пышин.

Незнакомка объяснила, по какому пути безопаснее перейти линию фронта. Она почти в точности повторила тот маршрут, по которому они пробирались сюда.

— Дорогу мы не знаем. Может быть, проводите немного?

— Если возьмете. — Голос незнакомки дрогнул.

— Как вас звать?

— Таня.

— А зачем пришли сюда так поздно?

Женщина тяжело вздохнула:

— Я здесь встречаюсь с немецким офицером... Вот он идет.

По вырубленной делянке важно вышагивал немец.

По знаку Пышина Таня немного прошла вперед. Офицер подался за ней. В один миг рослый Булыгин набросился на него, свалил и прижал к земле. Ермаков связал пленнику руки.

Теперь можно было идти за кисетом. Ермаков сделал это быстро.

...Было еще темно, когда разведчики встретились с солдатами на передовой. На машине их довели до того дома, где временно обосновался полковник Тульке.

Уже рассветало, а Николай Антонович не ложился: с нетерпением ждал возвращения разведчиков.

Пышин вошел, отапортовал о выполнении приказа.

— Вот пакет. — Виктор Поликарпович положил пакет на стол.

Вынув из него заклеенный и опечатанный конверт, Николай Антонович спрятал его в планшет.

— Товарищ полковник, мы захватили «языка» и привели с собой женщину, — доложил Пышин.

— С ними разберемся потом. Подождите меня здесь, я скоро буду...

Тульке вернулся минут через тридцать.

— В донесении очень важные сведения, — сказал он. — Представим вас к награде.

Эти два эпизода из своей фронтовой жизни рассказывал мне Пышин. Человек скромный, сдержанный, он не любит много говорить о себе, считает, что биография человека раскрывается в его делах. Умением честно, с полной отдачей работать, свято выполнять свой долг советского гражданина и определяется, по его убеждению, ценность человеческой жизни. И с этим нельзя не согласиться.

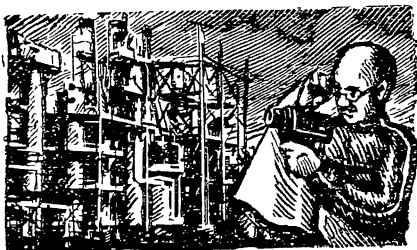

**И вновь
продолжается
бой**

СОЛДАТЫ ДОЛГА

Есть бойцы особой выучки,
что ведут и в мирный час
бой с противником,
развернутым
тайным фронтом против нас.
Без остатка сердце отдано
напряженному труду.
Им по долгу их положено
пребывать не на виду.
Но, когда у наших недругов
крах потерпит некий план
и сорвется тайный заговор,
явный выказав изъян, —
это их, бойцов-товарищей,
надо нам благодарить,
смогших молнию враждебную
упреждая, разрядить.
Как заставу богатырскую,
вражьи вылазки пресечь
их призвала Революция
(на эмблеме—щит и меч).
Богатырству тех работников
живо свойственна черта:
большевистской убежденности
чистота и правота.
Часовые века нашего!
В судьбах мира все сложнее,
все острее и напряженнее
битва грозная идей.
Но в победе нет сомнения
у товарищей-бойцов,
чьи навечные соратники:
Зорге, Абель, Кузнецов...

Владимир Гордейчев

В.Барабашов

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Воронеж известен гостеприимством. Едут в наш город — и это не является преувеличением — со всего света: иностранные специалисты и студенты, артисты, журналисты, стажеры... У каждого из них есть в нашем городе важное дело — учеба в вузе, налаживание производственных контактов на промышленных предприятиях, встреча со зрителями или героями будущих очерков, книг, совершенствование познаний русского языка...

Воронежцы всегда рады гостям. С гордостью показываем мы красивый свой город, рассказываем о достижениях в труде, называем памятные, дорогие нашему сердцу места.

Славу городу приносят люди труда. Руками рабочих, инженеров создаются в Воронеже всемирно известные аэробусы ИЛ-86, широкой популярностью и спросом пользуются цветные телевизоры, видеомагнитофоны, шины, каучук, прессы, экскаваторы, металлообрабатывающие станки... На промышленных предприятиях работают высококвалифицированные специалисты, рабочие и инженеры, у которых с большой пользой для себя учатся зарубежные коллеги, перенимают их опыт. Дружеские взаимоотношения перерастают в долговременные производственные связи, необходимые как зарубежным фирмам, так и воронежским предприятиям. Выгода от этих экономических связей несомненна.

Есть что показать иностранцам и за пределами Воронежа — притягательны места древней, исконно русской старины.

Но особенно дороги воронежцам памятники землякам, отдавшим свои жизни за нынешний наш день, стоявшим в борьбе с фашизмом будущее. Иностранцам покажут мемориалы воинам-освободителям на Задонском шоссе, Чижовском плацдарме, памятник жертвам фашизма, установленный в Песчаном логу...

Многие гости разделяют наши патриотические чувства, отдают дань мужеству и героизму воронежцев, защищавших свой город от немецко-фашистских варваров, восстановивших его из пепла и руин. И рука доброго человека обязательно положит букет цветов к подножию памятника...

Но едут в Воронеж и другие «гости». Их мало привлекают местные достопримечательности, сердца их не трогает славное прошлое воронежской земли. Таких «гостей» интересует совсем другое.

С особой «миссией» едут к нам иные представители США, Англии, Франции, Канады. Большинство таких «дипломатов» ведет себя в Воронеже тихо, незаметно.

...В середине октября 1979 года в Воронеже находились помощники военно-воздушного атташе Великобритании в городе Москве Дуглас Макгилл и атташе по вопросам обороны при посольстве Канады в Москве Гарольд Гоулд. Два этаких респектабельных господина с надежной дипломатической «крышей».

Поначалу Макгилл и Гоулд избрали предметом своего внимания экскаваторный завод им. Коминтерна.

Одевшись неприметно, господа «дипломаты» флажировали у проходной завода, заглядывали мимоходом в окна. Потом отправились в пешее турне вдоль забора: глядишь, где-нибудь можно будет перескочить на заводскую территорию. И нашли-таки пролом в глухом углу.

Помешал «дипломатам» заместитель начальника одного из цехов И. Г. Паринцев, по долгу работы оказавшийся на этом месте; поначалу принял этих двух неизвестных за рабочих, которым лень идти через проходную. Но «рабочие» на довольно сносном русском языке представились ему как... дипломаты.

— Дипломаты? — смутился Паринцев. — Господа... Я понимаю... как это по-английски? Торговая сделка,

да? Вам нужны наши экскаваторы, йес? И вы немного заблудились?

— О-о... Йес! Йес! — радостно замотали головами дипломаты. — Именно так, заблудились! Такой большой, длинный забор! Это плохо, мистер... Э?

— Паринцев.

— О, Паринцев! Йес! Заборы портят вид вашего прекрасного города. Надо иметь такой небольшой низкий... оградка, свободно шагать... О'кей!

И Макгилл с Гоулдом поспешно ретировались.

В тот же день появление иностранцев было зафиксировано в местах города, не имеющих ничего общего с достопримечательностями. Так, рабочие, дружинники обратили внимание на их подозрительное поведение. Иностранцы, обходя по периметру предприятие, пытались найти любую щель, чтобы получить информацию о количестве цехов, технике, которая там находится. Однако активные действия дружинников помешали им совершать сбор разведывательной информации о предприятии. Макгилл и Гоулд, желая хоть как-нибудь выполнить поставленную перед ними задачу, прибегали к различным ухищрениям, пытались скрыто фотографировать, направляя фотоаппараты на административные здания, цеха завода. Дерзкие, наглые действия этих иностранцев были решительно пресечены рабочими и служащими предприятия.

Некоторое время спустя в Воронеж явились два американских дипломата, два майора, помощники военно-воздушного атташе при посольстве США в Москве В. Перрой и Р. Буш. Как потом выяснилось, господа офицеры были до зубов вооружены новейшей фототехникой.

Первые дни пребывания в Воронеже Перрой и Буш ничем не выдавали своих намерений. Бродили по улицам, делали вид, что знакомятся с достопримечательностями города, — туристы как туристы.

Они достаточно осмотрелись в Воронеже и взялись за «дело».

О, теперь это были далеко не тихие и скромные американцы. Они превратились в откровенных шпионов, действовали по четкому, заранее продуманному плану, не обращая внимания на окружающих. Они выполняли задание, за которое им должны хорошо заплатить.

На площади перед Воронежским авиационным производственным объединением они фотографировали друг друга на фоне постамента — памятника самолету ИЛ-2. Но это только казалось со стороны. Буш становился перед аппаратом таким образом, чтобы в объектив Перрой попали прежде всего заводские корпуса. Затем они менялись местами. У кафе «Полет» господа офицеры пытались заговаривать с рабочими завода, идущими на обед, задавали вопросы, прислушивались к разговорам. Они хотели получить развединформацию об объекте. Но это им не удалось. Ни у кого из рабочих не было ни малейшего желания рассказывать о своем заводе любопытным «туристам».

Днем позже Перрой и Буш отправились в район другого завода, держа фотоаппараты наготове, снимая на пленку то заводские корпуса за приоткрытыми воротами, то Доску объявлений. Все шло хорошо и вдруг...

Возле них появилась группа дружинников — рабочих с красными повязками на рукавах.

— Что вы фотографируете? — спросил один из них. — Предъявите документы!

— Мы туристы из Риги... — забормотал Буш.

— Мы просто... на память... — разыгрывал из себя туриста и Перрой. — Такая красивая Доска объявлений, фотография... сувенир.

— Предъявите документы и фотоаппараты! — теперь уже более настойчиво потребовали рабочие-дружинники Г. Рыжков, В. Булгаков, П. Репин, которые в этот день патрулировали по прилегающей к заводу территории.

Американцы оказали при этом физическое сопротивление, размахивая кулаками, пытались спровоцировать драку. Однако, поняв безрезультатность подобного рода действий, заявили, что являются дипломатами, но дипломатических карточек не предъявили. Попросили пригласить сотрудника милиции, в присутствии которого показали свои документы.

Как только у дипломатов была изъята дружинниками фотопленка, настроение их резко изменилось, они выглядели явно подавленными. Перрой стал просить рабочих отдать им пленку либо засветить ее, оба они умоляли не поднимать шума и замять инцидент.

После составления акта рабочие предложили «туристам из Риги» покинуть для начала район завода.

Пусть не покажутся читателям действия названных здесь мистеров «дипломатов» такими уж примитивными.

Представители спецслужб США буквально по крохам собирают интересующую их информацию. Не случайно Перрой и Буш ринулись в такой вот отчаянный вояж по предприятиям города. Но, как мы убедились, они явно просчитались. Противоправные действия военных дипломатов были зафиксированы и пресечены советскими людьми — рабочими и служащими, проявившими высокую политическую бдительность.

Иной стиль сбора шпионских сведений продемонстрировал английский «стажер» Даниел Стоббарт. Он не предпринимал поначалу ничего такого, что могло бы обратить на него внимание сокурсников, студентов университета. Наоборот, старался раствориться в общей массе иностранных стажеров, делал вид, что увлечен русским языком и ничем иным, что всерьез стремится овладеть синтаксисом и словарным запасом, что тонкости произношения и хитрости ударения — вот главная и единственная его забота. Но скоро выяснилось, что это далеко не так, что это было хорошо продуманным прикрытием, все той же «крышей», обеспеченной Стоббарту его хозяевами из западных спецслужб.

Стоббарт тщательно, исподволь готовился к выполнению задания. За дело взялся не сразу, а осмотрелся в Воронеже, пообтерся, приобрел карту города, изучал его вдоль и поперек, посвящая 3—4 часа в день занятиям физкультурой, кроссам. За полгода Стоббарт побывал в разных концах города — бегал даже на Новую Усмань, и по Курскому шоссе, и в сторону Острожжска... И никогда не говорил своим соотечественникам, куда именно собирается он в этот день, долго ли будет отсутствовать. Он жил замкнуто, он не имел права посвящать кого-либо в тайные свои намерения.

В одном из воронежских магазинов Стоббарт приобрел рабочую куртку с наклейкой «Минмонтажспецстрой», неказистую шапку-ушанку, сетку-авоську, в которую намеревался положить бутылку водки и что-нибудь из закуски. Потом он передумал, от водки отказался, решил, что для отвода глаз хватит и двух буханок хлеба. Маскарад получился убедительным: рабо-

чий-строитель завернул после смены в магазин, купил хлеб, идет домой.

Стоббарт выходил «на пробу», бродил по улицам Воронежа, терся в магазинах, в очередях. Да, никто не обращал внимания на молодого парня, завернувшего в гастронорм, стоявшего на остановке троллейбуса и сидевшего на скамейке в сквере... Кажется, можно было братья за дело.

27 марта 1984 года он появился в районе Песчаного лога. Был слякотный холодный день, легкий туман доедал остатки снега, под ногами чавкало. Стоббарту не хотелось следов: по Песчаному логу он шел осторожно по выложенной камнями дорожке. У кирпичной стены-памятника, где в сорок втором фашисты расстреляли 450 ии в чем не повинных воронежцев (36 из них дети), Стоббарт остановился, оглянулся. Все, кажется, спокойно, никого. Лишь ветер шумит в голых ветвях берез да где-то в близких гаражах бьют по железу...

Стоббарт поднялся на могильный курган, побродил с равнодушным лицом среди плит. Какое ему дело до их имен? Важно, что они мертвые..

Он вплотную приблизился к ограде, за которой уже хорошо было видно интересующее его промышленное предприятие.

Но в тот день он ничего больше не сделал. Стоббарт, хорошо проинструктированный хозяевами, действовал точно по инструкции — на сегодня хватит.

На следующий день, 28 марта, он снова был на том же месте. Теперь он действовал решительнее: подошел к ограде, раздвинул проволоку, мышью скользнул под нею. Он быстро пересек асфальтовую дорогу, стал за кустом Никого. Тихо.

Стоббарт выбрался из укрытия, легкой походкой двинулся по шоссе в направлении предприятия. Со стороны можно было подумать, что он один из рабочих, что идет по вполне естественному поводу... Рабочий как рабочий: куртка, шапка, сетка с хлебом.

Теперь интересующие Стоббарата образцы промышленной техники были хорошо видны. Еще двести—триста метров, вон до того перекрестка дорог, и можно будет снимать. Для этого надо лишь приподнять полу куртки, японский фотоаппарат «Мамия-V» сделает свое дело.

Он приподнял полу куртки, ощутил, как мягко клацнул затвор фотоаппарата. Теперь еще несколько шагов вперед...

Дальнейшие события выразительно описал в своей статье корреспондент «Литературной газеты» Б. Крымов («ЛГ» от 4 июля 1984 года):

«На него (Стоббарта. — В. Б.) обратили внимание рабочие. Впрочем, об этом лучше скажет слесарь Виктор Чесноков:

— В тот день я вместе с другими рабочими — Успенским, Новиковым и Кондрашовым — осматривал теплохозяйство котельной. Проверая трубы, мы примерно в половине двенадцатого подошли к месту стоянки техники. Там оказался неизвестный нам человек в простецкой одежде, который наблюдал за передвижением машин и, как нам показалось, делал какие-то заметки. Обернувшись и заметив нас, он сначала побежал в лесопосадки, но потом замедлил бег. Мы с Успенским побежали за ним. Остановили его, спросили, кто он такой и что здесь делает...»

В первое время Стоббарт не мог произнести ни слова, лишь издавал отдельные невнятные звуки. Потом он обрел все же дар речи, назвался студентом из Вильнюса, указал «домашний адрес».

— Можете проверить! — добавил он с вызовом.

— Проверим, — спокойно сказал один из рабочих. — Соответствующие органы разберутся.

...На стол дежурного легли: фотоаппарат «Мамия-V», пленка «Кодак» с 22 отснятыми кадрами, компас, карта-схема Воронежа с пометками промышленных предприятий.

ВОПРОС: Зачем вы пришли на территорию предприятия?

ОТВЕТ: Фотографировать.

ВОПРОС: Для кого?

ОТВЕТ: Для себя.

ВОПРОС: В Воронеже вы проявили интерес и к другим промышленным предприятиям?

ОТВЕТ: Да, я был у некоторых заводов.

ВОПРОС: Кто вам сказал именно об этом предприятии, которое вы пытались сегодня снимать?

ОТВЕТ: Кингсли Саймон.

ВОПРОС: Кто такой Кингсли Саймон?

ОТВЕТ: Это мой соотечественник, который также

стажировался в вашем университете. Он просил меня сфотографировать.

ВОПРОС: Ваши действия рассматриваются статьей 65 Уголовного Кодекса РСФСР как шпионаж. Вы знали об этом?

Молчание.

ВОПРОС: Почему вы представились студентом из Прибалтики?

ОТВЕТ: Я думал, что буду отпущен. Я... боялся.

ВОПРОС: Вы понимаете, что совершили?

ОТВЕТ: Да, мои действия незаконные.

ВОПРОС: Знает ли посольство Великобритании о ваших незаконных действиях?

ОТВЕТ: Нет, меня предупреждали в Англии, чтобы в России я не занимался спекуляцией, валютой; торговлей... Тем более фотографированием предприятий.

ВОПРОС: Значит, вы игнорировали эти предупреждения?

Молчание.

ВОПРОС: Зачем вам понадобилась карта-схема Воронежа? Компас?

ОТВЕТ: Я боялся заблудиться...

Здесь приводится лишь часть вопросов-ответов. Разговор со Стоббартом был продолжительным, всесторонним.

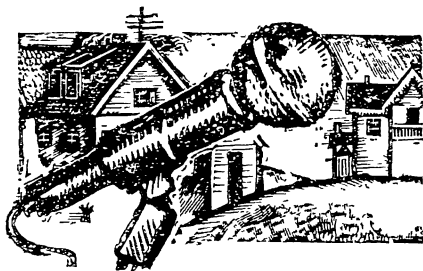
Стоббарт признал свои шпионские действия, запросил у компетентных органов снисхождения. В своем объяснении он сообщает:

«...Я знал, что это запрещено и незаконно, поэтому прошу снисхождение у Советских Властей...»

Он был выдворен из СССР в короткое время без права дальнейшего въезда. Учитывая тот факт, что действия Стоббарта не принесли вреда нашей стране, к нему отнеслись соответствующим образом. В Воронежском университете консулу посольства в присутствии представителей горисполкома и администрации вуза был заявлен решительный протест в связи со шпионскими действиями Д. Стоббарта.

Гоулд, Макгилл, Перрой, Буш, Стоббарт, Кингсли... Все они с позором выдворены из нашей страны. Что ж, поделом. Незваных гостей с фотоаппаратами под

полой воронежцы и провожают соответственно. Тем, кто прячется за всевозможные шпионские легенды, кто пытается заниматься сбором разведывательной информации и своей деятельностью нанести нам ущерб, тем мы говорим прямо: ничего, господа, у вас не выйдет! Каждый воронежец, каждый советский человек защищает государственные интересы как свои собственные, потому что интересы эти полностью совпадают. Мы любим свой город и свою страну, дорожим всем тем, что создается руками человека труда, что завоевано отцами, что передано нам по наследству. Поэтому советский человек бдителен, потому он зорко стоит на страже социалистических завоеваний.

А. Никифоров

С ЧУЖОГО ГОЛОСА

В условиях обострения международной обстановки в наши дни заметно активизировали свою подрывную деятельность специальные службы Запада и находящиеся на их содержании различные зарубежные антисоветские центры и организации.

В Отчетном докладе XXVI съезду КПСС по этому поводу говорилось: «Фактом является и заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрушение. Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвлечь людей от социализма»¹.

Подрывная деятельность спецслужб Запада и зарубежных идеологических центров основывается на антикоммунизме; средства ее — ложь, клевета и дезинформация. Наши идеологические противники прибегают к методам, подтверждающим вывод В. И. Ленина: «Когда идейное влияние буржуазии... падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»².

Глубокий и всесторонний анализ особенностей идеологической борьбы на современном этапе дан июньским

¹ Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду М., 1981, с. 9.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 352

(1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, который подчеркнул, что современный исторический период характеризуется небывалым противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. «Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы»¹.

Характерной чертой современной международной обстановки является стремление администрации США организовать антикоммунистическое наступление на Советский Союз и социалистический лагерь по широкому фронту. Президент США Рейган в своей речи 8 июня, 1982 года в Лондоне провозгласил новый «крестовый поход» против социализма, и прежде всего против нашей страны. Администрацией США предпринимаются отчаянные усилия по объединению наиболее воинствующих антисоветских сил на Западе, по координации их действий.

На борьбу с социализмом мобилизованы специальные службы и известные своей скандальной славой такие центры идеологической диверсии, как комитет радио «Свобода», НТС (Народно-трудовой союз), сионистские, троцкистские и разного рода эмигрантские организации украинских, прибалтийских и других националистов, а также выдворенные из нашей страны отщепенцы, изменники Родины, предатели.

Идеологические противники все чаще пытаются использовать отдельные наши недостатки и трудности в целях компрометации социализма как системы, распространить опыт польской контрреволюции на другие социалистические страны, применяя разного рода иезуитские приемы, они ищут подходы к нашему рабочему классу и другим категориям населения с целью создания очагов социального возбуждения.

Особое внимание уделяется пропаганде и разжиганию националистических, эмиграционных и других негативных настроений.

Главная цель идеологических диверсий — ложью и клеветой очернить достижения социализма, вызвать у советских людей неверие в политику партии и прави-

¹ Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1983, с. 7.

тельства, в марксистско-ленинскую идеологию и тем самым подорвать морально-политическое единство советского народа, вызвать «эрозию» социалистического общества изнутри.

Против нашей страны действует колоссальный аппарат идеологических диверсий. Сотни научных центров США, ФРГ и других стран НАТО работают на их потребу. Особое место отводится радиопропаганде. Днем и ночью на многих языках народов нашей страны радиостанциями «Свобода», «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна», «Голос Израиля» извергаются потоки клеветы, дезинформации и разного рода инсинуаций. В рамках «крестового похода» этим подрывным центрам постоянно выделяются дополнительные средства. Так, в 1984 финансовом году ассигнования американскому информационному агентству ЮСИА составили 644 миллиона долларов. Бюджет этого агентства на 1985 финансовый год увеличен по сравнению с предыдущим годом на 28 процентов, на 82,7 миллиона долларов возрастают в 1985 году ассигнования для «Голоса Америки». Предусматривается строительство новых передатчиков еще в восьми районах мира¹.

Американская пресса сообщила о выделении дополнительных ассигнований подрывным радиостанциям ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа» в размере 21,3 миллиона долларов².

В сентябре 1982 года конгрессом США принят законопроект, по которому создается фонд в 50 миллионов долларов «для оказания поддержки новым исследованиям по Советскому Союзу».

С подрывной деятельностью зарубежных организаций мы сталкиваемся в Воронеже и области. Прежде всего это попытки противника использовать для протаскивания буржуазной идеологии такие каналы, как радиопропаганда и засылка антисоветской литературы жителям области.

Буржуазная радиопропаганда рассчитана прежде всего на политически незрелых, без твердых марксистских убеждений лиц, тунеядцев, паразитирующих, хулиганствующих и деклассированных элементов и иных отщепенцев, которые в силу своего антиобщественного по-

¹ Правда, 1984, 8 февр.

² См. там же, 15 июня.

ведения и настроения нередко попадают под влияние этой пропаганды, находят в ней некое созвучие своим извращенным жизненным установкам. Одновременно идет процесс приспособления радиопропаганды к различным категориям слушателей, с каждым годом она становится изощреннее, коварнее.

Что касается второго канала, то следует сказать, что разного рода антисоветские, националистические, сионистские и клерикальные центры систематически направляют в адреса воронежцев литературу клеветнического характера. Подобную литературу завозят и отдельные иностранные специалисты, стажеры и студенты, временно находящиеся в Воронеже. Из этой среды выявлялись лица, которые занимались распространением идейно вредных и порнографических изданий, сбором тенденциозной информации, выискивали недовольных, обиженных, устанавливали контакты с антиобщественными элементами, брали у них провокационные интервью, вели их идеологическую обработку.

С подрывной провокационной деятельностью зарубежных антисоветских центров жители области неоднократно сталкивались и при выездах за границу, где им также пытались навязать клеветническую литературу, а отдельных лиц склоняли к невозвращению на Родину. Надо сказать, что многочисленные акции наших идеологических противников не достигают результатов, на которые они рассчитаны. Подавляющее большинство советских людей в борьбе с подрывной деятельностью западных спецслужб, в какой бы форме она ни проводилась, проявляют высокую политическую бдительность.

Повышенный интерес западные идеологические центры проявляют к нашей молодежи, в том числе и студенческой. Враги социализма делают ставку на идейное разоружение молодежи. С помощью идеологических диверсий они стремятся расшатать коммунистические убеждения юношей и девушек, навязать им буржуазную идеологию, вызвать у отдельных молодых людей настроения аполитичности и пессимизма. При этом противник в своих подрывных целях пытается использовать отсутствие у части молодых людей опыта классовой борьбы и достаточной идейной закалки, случаи потребительского отношения к жизни, пресловутого «вещизма». Но и здесь их попытки обречены на провал.

Многотысячный коллектив студентов вузов города живет разнообразной, насыщенной трудовой жизнью. Здесь и горячие споры на семинарах, и коллективные походы в кино и театры, и бессонные ночи в период сессий, и пафос «третьего» трудового семестра. Молодым людям созданы все условия для учебы и отдыха, для всестороннего развития личности. Большинство студентов приучило себя к работе над периодической печатью, глубоко изучает партийные решения, дает четкую классовую оценку событиям в мире, горячо одобряет и поддерживает внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства.

Партийные и комсомольские организации вузов и техникумов проводят большую работу по идейно-нравственному воспитанию студентов. Сами товарищи по учебе помогают оступившимся осознать и исправить свою ошибку, осуждают всякого рода нездоровые проявления идеологического характера.

На заседании комитета комсомола института рассматривалось персональное дело студента Петренко. Сокурсники и члены комитета столкнулись с необычным случаем. под влиянием систематически прослушиваемых западных радиопередач Петренко начал в своем окружении клеветать на нашу действительность, восхвалять западный образ жизни, ослабил учебу, отошел от активной общественной жизни.

Товарищи вовремя замечили изменения в поведении Петренко и совершенно обоснованно подняли по этому поводу тревогу — сообщили в комитет комсомола. Состоявшийся товарищеский, но вместе с тем и взыскательный разговор заставил Петренко по-иному оценить свои поступки. Именно об этом свидетельствует его выступление на заседании комитета. «На путь политически вредных высказываний я стал под воздействием систематически прослушиваемых передач западных радиостанций и некритического их восприятия. Под их воздействием у меня сформировались ошибочные представления... Я полностью признаю свою вину в том, что фактически стал разносчиком клеветы на наше общество. Давая принципиальную оценку своим действиям, полностью осуждаю их и заверяю, что подобное больше никогда не повторится». Дальнейшие события показали, что Петренко из разговора на заседании комитета комсомола сделал для себя правильные выводы.

К сожалению, есть отдельные факты, когда послушное следование советам вражеских радиоголосов довело человека до преступления.

...После очередной выпивки Александр Вышковский стал настраивать приемник на знакомую волну. В обусловленное время пришел сосед Панферов, человек без определенных занятий, пьяница, недавно вернувшийся из заключения, где отбывал наказание за тунеядство. Они уже не первый раз вместе слушали западные радиостанции. Спанвая Папферова, Вышковский вел его идеологическую обработку, возбуждая в нем злобу и обиду на несложившуюся жизнь и убеждая в том, что все сложности на его жизненном пути являются следствием «отсутствия в стране демократических свобод и несоблюдения СССР Хельсинкских соглашений». Панферов, довольный выпивкой, соглашался с Вышковским, хвалил его способности, без конца повторяя: «Ну и силен же ты, Саяя, в политике. Ну и голова у тебя!».

И вот однажды после очередного совместного прослушивания передачи радиостанции «Свобода» Вышковский предложил Панферову принять участие в изготовлении и распространении клеветнического документа. Содержание документа было составлено практически по рекомендации «Свободы». Здесь следует добавить: именно в эти дни радиостанция готовила и проводила крупномасштабную подрывную акцию против нашей страны. Она ежедневно подстрекала политически неустойчивых людей, всякого рода отщепенцев, уголовные и паразитирующие элементы к совершению противоправных действий. Скажем прямо, небольшие дивиденды ЦРУ и «Свобода» пожали из этой своей акции! Нашлись только два отщепенца, два уголовника и пьяницы, которые выполнили рекомендации врагов. На предложение Вышковского Панферов в пьяном угаре дал согласие. Документ ими был изготовлен. А через неделю преступление было раскрыто. Вышковский уже был арестован милицией — за хищение стройматериалов: не хватило денег опохмелиться. И сел он в камеру как ординарный уголовник. Тщательный анализ образа жизни, который вел Вышковский, его поступков, «идеалов» покажет, что зря он мнил из себя некоего «политического» борца. Безволие, пристрастие к спиртному и спекулятивному бизнесу, к хищению социалистической собственности, аморальное поведение в семье — вот что

характеризовало Вышковского как личность. И еще одна черта, характерная для него, — это позерство, стремление произвести впечатление на ближайшее окружение громкой фразой, цитатой, «остроумными» сравнениями, историческими параллелями.

В несколько ином свете выглядит в неприглядной этой истории Панферов. На следствии, обругав Вышковского за то, что тот «втянул его в политику», Панферов собственноручно напишет: «Я проклинаяю тот день, когда познакомился с Вышковским. Зная мою слабость к выпивкам, он подло втянул меня сначала в систематическое прослушивание враждебных радиостанций, а затем толкнул и на преступление. Мне стыдно за свой поступок, так как я пошел против своего народа, против власти, против общества, которые меня никогда и ни в чем не обидели и не ущемили...»

О моральном облике этого человека уже было сказано. На день ареста он нигде не работал, жил за счет своей бывшей жены, обкрадывал двух малолетних детей. Днем отсыпался, а с наступлением темноты выходил, как он сам признался, чтобы с кем-нибудь «сообщить на троих»...

История падения этих двух людей еще раз убедительно показывает, на кого прежде всего ориентируются наши идеологические противники и кто «клянет» на антисоветские провокационные радиопередачи.

Целенаправленная пропаганда ведется западными подрывными центрами с расчетом и на такую специфическую группу населения, как верующие.

...Наряд сотрудников милиции, разыскивая преступника, похитившего на перроне вещи, проходил по вагонам электрички Георгиу-Деж — Воронеж, не привлекая к себе особого внимания, осматривал пассажиров. Уже выходя из вагона, сержант еще раз взглянул на пассажира в кроличьей шапке: тот был чем-то взволнован, напряжен. Встретившись взглядом с сотрудником милиции, пассажир сжался, выдавая свою нервозность, попытался даже пересест в дальний угол вагона. Поведение пассажира усилило подозрение сержанта милиции, и по прибытии электрички в Воронеж он решил доставить его в отделение для проверки личности.

Уже на перроне сержант обратил внимание на то, что задержанный идет как-то неестественно, будто аршин проглотил. На предложение пройти в отделение ми-

лиции он истерично стал кричать о каких-то правах, явно провоцируя окружившую их толпу.

В отделении у него под одеждой обнаружили тщательно запрятанную антисоветскую литературу: издания НТС, несколько экземпляров газет, издающихся на Западе на русском языке. Владелец этой литературы оказался житель соседнего города Чернов, один из руководителей секты баптистов-раскольников, так сказать, духовное лицо. Почему же у духовного лица оказалась враждебная литература, изданная на Западе, и как совместить религиозные убеждения с антиобщественной деятельностью?

Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение, поскольку западные пропагандистские центры уже не один десяток лет твердят одно и то же: «...в Советском Союзе имеют место факты преследования верующих за религиозные убеждения».

Для нас, советских людей, совершенно очевидно, что это обвинение является от начала и до конца ложным, клеветническим. Однако западные подрывные и пропагандистские центры, а среди них «Славянская миссия», Бруклинский иеговистский центр и другие клерикальные организации (не говоря уже о радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки») продолжают спекулировать на этом ложном обвинении.

Деятельность зарубежных клерикальных центров и радиостанций в последние годы не оставляет ни малейшего сомнения в том, что они давно уже стали составной частью колоссального политического аппарата идеологических диверсий против СССР. Можно с полным правом утверждать, что только вывеска этих центров осталась религиозной, а содержание их изданий носит политический, откровенно враждебный характер. Засылаемая в СССР печатная религиозная продукция, а также передачи радиостанций «Голос Анд» и «Ибра-радио» направлены на активизацию экстремизма руководителей тех сект, антиобщественная деятельность которых запрещена или ограничена законом. Руководители сект нередко записывают клеветнические радиопередачи на магнитную ленту и затем воспроизводят их среди членов секты и привлекаемых. Подобная деятельность ничего общего с отправлением религиозных обрядов не имеет. То же самое можно сказать и о случае распространения в Воронеже так называемых «откры-

тых писем» секты адвентистов-реформистов, в которых содержалась гнусная клевета на советский строй и политику КПСС. Это акция идеологической диверсии, не имеющая никакого отношения к охране прав верующих, акция, которая планировалась и готовилась враждебными элементами по прямой указке с Запада.

Реакция воронежцев в таких случаях была однозначной — эти письма они отправляли в советские, партийные и административные органы с настоятельной просьбой оградить их от подобных провокаций.

За последние годы в воронежской газете «Коммуна» было немало публикаций, разоблачающих реакционную, антиобщественную деятельность некоторых местных сектантских руководителей, прикрываемую религиозной догматикой. Некоторые из них в передачах западных радиостанций и получаемой из-за рубежа литературе находят конкретное руководство к действию, пытаются активизировать свою антиобщественную деятельность, идут на прямое нарушение советских законов. Сюда относятся и требования к рядовым сектантам уклоняться от службы в Советской Армии, не принимать участия в общественной жизни, в выборах в местные и верховные органы власти. Отдельные сектантские руководители в своих проповедях доходят до клеветы на политику КПСС и Советского правительства.

Когда на пути противоправной деятельности «духовных лиц» встают советские законы, тогда западные клерикальные и другие антисоветские центры начинают злобствовать по поводу якобы нарушений прав верующих. Именно так получилось и с Черновым, пыгавшимся распространять литературу, изданную на Западе и засланную в нашу страну с совершенно определенными враждебными целями.

...Вышковский, Чернов были осуждены. В наше время подобные меры применяются в исключительных случаях и только к тем лицам, которые, несмотря на предупреждения, встают на позорный путь клеветы и антиобщественной деятельности. Эти меры в отношении названных лиц с одобрением были встречены трудящимися области.

Совершенно очевидно, что, к каким бы приемам ни прибегали зарубежные пропагандистские центры и как бы они ни изошрялись в подстрекательстве отдельных лиц к противоправной деятельности, идут у них на по-

воду разве что только разного рода отщепенцы, которые вызывают осуждение и презрение всех советских людей.

Все подрывные замыслы империалистических спецслужб и зарубежных антисоветских центров в отношении советских граждан кончаются провалом. Происходит это потому, что им противостоит высокая политическая бдительность, идейно-политическое единство советских людей, их тесная сплоченность вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

Выступая 20 февраля 1984 года перед избирателями Сухумского Ленинского избирательного округа, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР В. М. Чебриков сказал: «Эффективным оружием в борьбе с любыми происками классового врага является политическая бдительность советских людей, постоянная готовность исполнить свой патриотический долг. В. И. Ленин указывал: «Первой заповедью нашей политики, первым уроком... который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку...». В нынешней сложной международной обстановке эта заповедь вождя революции является исключительно актуальной...»¹.

Советские люди правильно понимают особенности современной обстановки, свои конституционные обязанности и делают все, чтобы надежно обеспечить государственную безопасность нашей любимой Родины.

¹ Правда, 1984, 21 февр.

М. Михайлов

ЭТИ ХИТРЫЕ УРОКИ

Ежегодно в Советский Союз в качестве туристов, специалистов, ученых и студентов приезжает значительное количество иностранцев из различных стран мира. Подавляющее большинство их едет к нам с добрыми намерениями, стремясь увидеть реальные достижения развитого социализма, ближе познакомиться с советским образом жизни.

Встречаясь с советскими людьми, посещая наши заводы, стройки, колхозы и совхозы, обучаясь в наших высших учебных заведениях, многие из них убеждаются в искреннем миролюбии социалистического государства, восхищаются атмосферой дружбы и братства в социалистическом обществе, творческим порывом и бескорыстным служением делу построения коммунизма. Понимая наши трудности роста и отдельные недостатки, они отдают должное упорству, с которым советские люди строят новую жизнь.

Покидая нашу страну, иностранцы во многом начинают смотреть на нас по-новому, искренне удивляясь тому, сколь гигантски выглядит работа, которую ведет наш народ под руководством Коммунистической партии.

В своих многочисленных отзывах, письмах, откровенных высказываниях иностранцы благодарят советских людей за то, что они помогли им лучше узнать, полнее увидеть Советский Союз. Особенно поражают зарубежных гостей доброта и гостеприимство в нашей стране, дружелюбие людей.

Вот что пишет в книге отзывов деканата по работе

с иностранцами Воронежского государственного университета английская стажерка Джилиан Геллард: «Здесь я жила все время с людьми: в комнате нас было трое, гулять я всегда выходила в компании с кем-то... Вначале этот образ жизни был для меня неприемлем. В Англии я все время проводила в одиночестве, всегда стремилась быть одной. И была довольна тем, что добиваться этого мне не составляло труда. Здесь же одиночество невозможно... Я стала иной. Мне стало легче жить с людьми, так как постоянно ощущала дружеское отношение к себе. Я стала лучше понимать других и себя. Это — главное, что я приобрела в Союзе».

«Когда я был дома в Израиле, — пишет палестинец Хамди, — многое читал и слышал о Советском Союзе. Я слышал, что в СССР голод, безработица. И вот я в Воронеже. И что же? Все то, что пишут буржуазные газеты Израиля о вашей стране, от начала до конца есть ложь и клевета. Очень многое меня даже удивило. Когда я учился в Израиле, мне приходилось ежегодно платить за обучение 1000 лир».

Пишет уезжающий в Того Кувону Жюльен: «К великому сожалению всего прогрессивного человечества, еще сильна буржуазная пропаганда, ведущая настоящую войну против Советского Союза. Я учился в стране Ленина, знаю о ней правду. Понимаю, что именно она — оплот мира во всем мире».

Парень из Норвегии Эйвинд Вестхейм также делает открытие: «Знания о Советском Союзе у меня были из разных источников. Казалось, я о вас знаю все. И ошибся. Я впитывал в себя противоречивую и неверную информацию, искажающую представление о вашей стране. Газеты, радио, телевидение представляли мне лишь теневые стороны советской жизни. После учебы в Воронеже я стряхнул с себя все предрассудки о России, все скептическое отношение к вам».

Его мысль продолжает датчанка Нанна Клаусен: «Люди здесь хорошие, гостеприимные. Очень легко с ними знакомиться. И если у тебя появился один русский друг, то завтра друзей у тебя будет много. А в моей Дании это не так просто — познакомиться. Удивительно, как много у меня здесь оказалось друзей. Поэтому жаль отсюда уезжать».

«Только сегодня, в день нашего отъезда из Воронежа, мы поняли, как тяжело покидать этот город... Мы

надеемся, что нормализация отношений между нашими странами принесет нам больше возможностей еще раз побывать в Воронеже. Мы знаем, что здесь всегда для нас будет теплый прием. Боб Уолкоен. Англия».

«После четырех месяцев жизни в Воронеже мне не хочется думать о ближайшем отъезде. Что я узнал о советских людях? О жизни их? Что-то необыкновенное, о чем буду помнить всю жизнь. Друзей у меня здесь больше, чем в моем университете в Англии. Майкл Баскер. Англия».

«Я поняла, что лучше всегда быть среди своих новых друзей — русских. Арколес Сюзан. Англия».

Все эти строки, написанные иностранными учащимися, являются убедительным свидетельством того, что многие авторы таких отзывов стали друзьями Советского Союза. Дома они будут рассказывать правду о нас, хотя это подчас не так легко и требует мужества. Взволнованно пишет об этом французский стажер Серж Бувар: «Особенно сложно вести борьбу против всякого рода предрассудков и ложных представлений о вашей стране, которые не так легко искоренить. В этой принципиальной идеологической борьбе главная роль отводится левым политическим организациям и прежде всего французской компартии, которая старается всячески и часто успешно противостоять попыткам идеологов крупной буржуазии исказить действительность... Поскольку нам посчастливилось поближе познакомиться с замечательными достижениями и победами советского народа, мы, в меру наших возможностей, займем скромное место в осуществлении этой важной задачи: говорить правду о Советском Союзе и социализме».

Узнавание правды о Советском Союзе отнюдь не безболезненный процесс для честного иностранца. Не секрет, что многие из них приезжают к нам не свободными от искаженных представлений о советской действительности. Груз клеветы и домыслов, внушенных буржуазной пропагандой, существенно довлеет над сознанием иностранца. Воспитанные на безоговорочной вере в так называемую объективность западных средств информации, они поначалу недоверчивы и осторожны, однако, честно сопоставив увиденное с тем, что им втолковывали дома, иностранцы постепенно начинают убеждаться в том, что «свободные и неподкупные» средства массовой информации капиталистического мира, ловко манипули-

руя их доверием, фактически ведут кампанию очернительства истинной картины жизни в социалистическом обществе. Вместе с этим нельзя недооценивать того, что империалистическая пропаганда, буржуазный образ жизни воспитали на Западе немало людей, готовых за деньги выполнять грязную работу подрыва социализма путем шпионажа, идеологических диверсий и другой враждебной деятельности. Многие из них — ярые враги социализма и нашей страны, хорошо подготовлены спецслужбами для ведения подрывной деятельности.

Делая ставку в капиталистических странах на различного рода антисоветчиков и просто жадных до денег лиц, вражеские разведки подбирают это отребье и вербуют.

Еще в 60-е годы журнал «Ньюсуик», говоря о деятельности разведывательных органов США и их союзников, сделал характерное признание: «Деятельность любой из этих разведывательных служб не оставляет места для каких-либо сентиментальных эмоций. Для агентуры этих служб денежные мотивы в большинстве случаев более существенны, чем чувства патриотизма»¹.

Формы антисоветской деятельности многолики. Например, гражданка одной западноевропейской страны Мари Линц прибыла в Воронежский государственный университет на стажировку, но проявила себя как идеологический диверсант и выдворена из Советского Союза. В бессильной злобе за провал своей авантюрной миссии, а следовательно, недополученные от хозяев доллары, Линц решила подзаработать на антисоветской клеветнической стряпне. Она выступила на страницах западной прессы с оголтелой антисоветской статьей, где действительность была настолько перемешана с ложью и клеветой, что стажеры из этой страны, приехавшие позже и читавшие злобный «опус», не могли сдержатъ своего возмущения. Однако Линц рассудила: пусть плюют в ее сторону соотечественники, деньги от этого не потускнеют. О том, что на Западе хорошо оплачивают работу идеологического диверсанта, широко известно.

В последнее время вражеские разведчики и заграничные антисоветские центры требуют от своей агентуры идеологической напористости, умения противопоставить нашим идеалам такое, что должно размягчать

¹ Пойманы с поличным. М., 1962, с. 27.

политическое сознание советского человека, вызывать в нем неуверенность и сомнения, облегчающие восприятие западной информации.

Вот с такой «программой» приехала в Воронежский государственный университет на стажировку иностранка Сусанна Шпихигер. С первых же дней пребывания в вузе она попыталась представить, что советскую литературу, историю нашей страны, советский образ жизни знает лучше кого бы то ни было. И поэтому она приехала не учиться, а учить. Учить, как правильно понимать состояние современной советской литературы, учить правильно слушать радио и смотреть телепередачи... По ее «науке» следовало слушать не советское радио, а радиоголоса тех западных центров, которые являются «истинными борцами» и за права человека, и за улучшение жизни советских людей. «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Би-Би-Си» подавались Сусанной радиостанциями наивысшей правды и справедливости. Все ее старания сводились к тому, чтобы открыть «одурманенным» красной пропагандой советским гражданам глаза на окружающую жизнь и научить воспринимать ее на манер современных взглядов некоторых западных «доброжелателей». Начала она с «доказательств» отсутствия равенства между людьми советского общества. По ее убеждению выходило, что в наших вузах учатся дети только «привилегированных». И она считала, что живущие в общежитии просто маскируются, рассказывая о себе как о выходцах из семей колхозников, рабочих. Пропаганда, по ее мнению, затуманила сознание советской молодежи: все уверены, что Великую Отечественную войну выиграли Советы, а ведь войну выиграли... американцы! И в доказательство — цифры об американской помощи, о значении второго фронта. «Вам трудно судить о прошедшей войне, ведь вам всем по 18—20 лет, — внушала Шпихигер советским студентам, — а Великая Отечественная закончилась в сорок пятом — чуть ли не за полтора десятилетия до вашего рождения. Только на Западе о войне можно узнать объективную правду...» И вот она, эта правда: оказывается, Советский Союз собирался поработить всю Европу...

Да, студенты, с которыми она вступала в споры, войны не видели. И, по понятиям Сусанны, они должны

были быть далеки от нее. Но ведь эти двадцатилетние из семей тех, к кому в сорок пятом кто-нибудь да не вернулся. Они дети тех, чье детство выпало на годы, когда в нашу страну пришел Гитлер проявлять свой «гуманизм». О «гуманности» гитлеровцев говорят Хатынь, Майданек, Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен... Разрушенные города и села, миллионы погибших. Вот, совсем рядом с Воронежем, село Семилуки, где братская могила, в которой не солдаты, а расстрелянные фашистами дети, женщины, старики. Пешком можно дойти до Песчаного лога, где заживо были закопаны оккупантами сотни мирных воронежцев... «Гуманный» фашистский летчик сбросил бомбы на Детский парк...

Когда Сусанне стали еще приводить примеры «гуманности» гитлеровцев, она не выдержала, перешла на крик. Наверное, не забудут слушавшие в тот вечер ее «гуманный» лозунг: «Лучше мертвые, чем красные!»

Ради чего дочери крестьянина (как сама она всем представлялась) понадобилось выступать в столь неприглядной роли?

По-настоящему возмутился поведением Шпихигер один из тех, кто с подобной пропагандой встречался у себя дома, — студент-журналист Самир, палестинец по национальности, живший в ряде стран Ближнего Востока. Он знает, насколько грязна и лжива пропаганда, которой служит Сусанна. И он пришел к проректору университета с заявлением, в котором написал: «Более всего возмущает, что Сусанна говорит, будто Советская Армия хочет захватить весь Запад и что во второй мировой войне победили фашистов не Советский Союз, а американцы...».

Сусанна усиленно искала в Воронеже тех, кто понял бы ее «правильно», но не встретила. Даже на общем собрании стажеров ее не поняли сверстники из других капиталистических стран...

Так зачем же понадобилось Сусанне Шпихигер, подобно назойливой мухе, жужжать о так называемой «правде» западной пропаганды? Ларчик открывался просто: деньги! Западные пропагандистские центры зря не платят, это нужно отрабатывать. Вот почему Сусанна твердила о своей «правде», не слыша резонных возражений, с пеной у рта кидалась на удивленных оппонентов с разного рода поучениями и наставлениями.

Плачевным был конец «миссии» Сусанны Шпихигер:

ей пришлось уехать освистанной не только советской аудиторией, но и большинством иностранных учащихся.

Есть примеры и несколько другого плана, когда приехавший на учебу или стажировку иностранный учащийся стремится не привлекать к себе внимания. Он пытается приобрести репутацию простого и тихого человека, в меру интересующегося окружающей жизнью. Однако иногда за таким поведением зарубежного гостя скрываются далеко не безобидные цели.

Воронежский государственный университет. В одной из аудиторий идет практикум по иностранному языку. Студенты вечернего отделения факультета романо-германской филологии внимательно слушают введение в урок, которое делает преподаватель Шумахер, приехавшая по культурному контракту из-за рубежа. По отзывам кафедры, она много работает, ее новая методика преподавания иностранного языка, основанная на тестовом анкетировании студентов, дает неплохие результаты.

Вот и на этот раз Шумахер ровным, доверительным голосом обращается к студентам:

— Дорогие друзья! Как и на предыдущих занятиях, мы продолжаем практикум разговорной речи. Сегодня темой нашего урока будет освоение словарного запаса на производственную тематику. Для того чтобы мне было легче индивидуализировать ваше обучение, мы, как и ранее, прибегнем к заполнению небольшой анкеты. Возьмите чистые листочки бумаги, в правом углу напишите свою фамилию, а немного ниже — ответ на следующий вопрос... Пожалуйста, напишите, где каждый работает, что делает, размеры предприятия, характер продукции; если это НИИ, то профиль и цели научных разработок. Как вы понимаете, это нам пригодится для выделения специфики каждого студента, придаст определенную окраску его обучению. В ходе производственной, научной и житейской практики каждый народ непрерывно изменяет словарный состав своего языка, пополняет его новыми словами, освобождает его от устаревших слов...

Речь иностранной преподавательницы лилась свободно, естественно. Слегка ошарашенные обилием рассуждений о необходимости упомянутого анкетирования, некоторые из студентов стали что-то писать на листках бумаги, однако кое-кто продолжал смотреть на преподавательницу, не решаясь взяться за перо. Неловкость

положения усугубил вопрос, который задала преподавателю Татьяна С.:

— Я работаю машинисткой в одной из лабораторий промышленного предприятия и не понимаю, какое отношение может иметь к моему лексическому запасу иностранных слов характер выпускаемой продукции или... цели научных разработок лаборатории.

Шумахер была немного шокирована. С чисто женским кокетством она произнесла: «О-ля-ля! Я не думала, что это вас так взволнует. Ради бога, не надо, не пишите. Господи! Мы, иностранцы, так доверчивы и беззаботны!»

На этот раз урок у госпожи Шумахер явно не получился. Тонкий расчет на авторитет преподавателя и веру в непогрешимость его методических приемов не сработал. Студенты заподозрили неладное. Они заметили, что преподаватель, увлекаясь анкетированием якобы в интересах совершенствования методики преподавания языка, часто ставила вопросы, имевшие отдаленное отношение к языку. Кроме того, Шумахер стала осторожно распространять среди студентов и знакомых зарубежные журналы с антисоветскими статьями, упорно толкала отдельных молодых людей на антиобщественные поступки. Подобное поведение фактически поставило точку на ее «преподавательских» упражнениях, которые на общечеловеческом языке должны были называться подрывной деятельностью против советского народа и его государства.

Ректорат университета заявил решительный протест Шумахер, деятельность которой оказалась несовместимой с высоким статусом преподавателя. Она вынуждена была признать свои, мягко говоря, недружественные действия и убраться из Воронежа.

Такие «тихие» иностранцы все еще надеются сорвать «куш» на грязных делах буржуазной пропаганды в нашей стране и поэтому продолжают продавать западным спецслужбам и антисоветским зарубежным центрам свой статус советского гостя.

Мы далеки от того, чтобы в каждом иностранце видеть вражеского лазутчика. Борьба идей — явление закономерное, и советские люди согласны вести честную и открытую полемику с любым иностранцем, аргументированно отстаивающим свои идеалы и убеждения.

Но некоторые молодые люди из стран капитала по-

рою только напыщенно провозглашают какие-то абстрактные идеи об «общем гуманизме». Каждое слово советского преподавателя, студента воспринимается ими как «красная пропаганда», каждый факт рассматривается с недоверием и против факта выдвигается надуманный контрвыпад или голословное опровержение. Почти каждый приезжающий к нам из капиталистической страны перегружен отрицательной информацией о Советском государстве. В их сознание глубоко вбито ходульное: все советское плохо, все советские люди — враги любому иностранцу.

Сама атмосфера жизни нашего общества такова, что подчас требуется немного, чтобы приехавшие к нам из за рубежа люди с добрыми намерениями разобрались, где правда о нашей стране, а где ложь. Вот одно из сочинений итальянского стажера Джани Чезарио: «На зимние каникулы русским другом я был приглашен в гости. Ездил в Костромскую область. Я счастлив, что познакомился с этой семьей. Через нее лучше узнал, что такое Советы, что такое народная власть в вашей стране. И какой ценой все это вам доставалось... Эта семья много выстрадала во время Великой Отечественной войны. В этой деревне не одна такая семья. И как я был не прав, когда в свое время высказывался очень плохо о фильме «Горячий снег». Я не верил тогда фильму. Думал, красиво придумано. Вообще меня дома не учили задумываться над фильмами на военную тему. После поездки к замечательным русским людям понял — я совсем не знаю историю, плохо разбираюсь в политике. Сознаюсь: я во многом разделял мнения тех, кто пытается оправдать фашистов. Мол, они вполне милые люди. Мне объяснялось дома, что не напади Германия первой, первыми бы на нее напали Советы».

Думается, комментарии излишни. Встречи заблуждавшихся, но честных иностранцев с советскими людьми как нельзя лучше раскрывают им глаза, дают полное и объективное представление о советском образе жизни и его преимуществах.

...Трагична судьба покинувших Родину. Даже если Родина оставлена не тобою, а твоими предками.

Агрессивно против всего советского была настроена приехавшая из Франции стажер Муся Хераскова. Но однажды на занятиях, посвященных песне, она стала говорить совершенно в ином ключе. Говорила о том, что

не может жить без русской песни, что в Париже поет в русском хоре, что у нее в семье все умеют петь и ценить песни России... Из рассказа было понятно: песня — это единственное, что осталось у бывшей дворянской семьи от Родины. После француженки, ее подруги, говорили: «Мусе очень тяжело. Здесь она очень остро почувствовала и тягу к русскому, и то, что это никогда не вернется... Дедушка с бабушкой покидали Россию другой...».

Чувство Родины... Патриотизм... Любовь к родной земле...

Западным спецслужбам и различным идеологическим центрам очень хотелось бы вытравить эти чувства у советских людей. Они полагают, что космополит или конформист — удобные типы людей, легко приспособляющихся к различным условиям жизни и легко идущих на сделку с совестью. Для формирования такого типа людей буржуазная пропаганда вытаскивает из своего идеологического арсенала затасканные и обветшалые представления о наших духовных ценностях, об экономике, науке и культуре, всячески подчеркивая «превосходство» Запада. В области культуры особенно рьяно извращается представление о состоянии дел в советской литературе. Француженка Блондин Шенье, например, заявила, что у нас запрещены сатира и критика. Каково же было ее удивление, когда ей дали газету «Правда» с «Листком народного контроля», в котором была конкретная критика конкретных людей... Она убедилась, что у нас свободно издаются не только Гоголь и Салтыков-Щедрин, но и современные советские и зарубежные писатели-сатирики.

Итальянка Анита Кассио. Ненавидит фашизм, но в то же время считает, что все это в прошлом, и ей не понять современных писателей, которые касаются прошлой войны. Для нее вся наша литература — в творчестве реакционных писателей. Она приехала к нам в Россию, ожидая встретить страну ужасов, дикости и бескультуры. Всюду эту Россию и пытается выискать. Ничитанность ее однобока. Хотя считает, что это мы однобоки. По ее мнению, «однобоко» любить Чехова, Шолохова, Твардовского, Симонова... В первый же день заявила, что хотела бы услышать цикл лекций о «выдающемся» русском писателе В. В. Розанове. Ни более ни менее. Произведения этого «великого», отдающие

пошлостью, печатались в дореволюционном «Сатириконе». О его беспринципности и бездарности очень хорошо в свое время отозвался А. П. Чехов. Этого «выдающегося» даже критика того времени всерьез не воспринимала...

За привлечением внимания публики к второстепенному, низкопробному в литературе и искусстве скрывается попытка размыть процесс формирования нравственно здоровых позиций. И этой односторонностью, этим стремлением «открывать» давно забытое и обесцененное западные идеологи через подобных «исследователей» пытаются повлиять и на нас, извратить истинное положение вещей. Иногда доходит до смешного. Англичанин Питер Кастри на одном из занятий доказывал: «У вас есть поэт, которого вы боитесь, стихотворения которого не печатаете». И начинает перечислять произведения... Когда же ему показали сборник стихов Евгения Евтушенко, где все упомянутые произведения опубликованы, удивлению Питера не было границ.

Современные достижения советского искусства, наш социалистический образ жизни являются лучшими агитаторами за правду.

Французенка Розалин Дюссо рассказывает своим знакомым соотечественникам историю, которую слышала от советской студентки: «Представляете, она говорила, что на практике осталась в первые же дни без копейки денег и ее почти месяц бесплатно кормила старушка, у которой она стояла на квартире. Наверное, старушка была ненормальной». Другая французенка — стажерка Анна Желибар — дополняет Розалин: «Я бы этому не поверила, если бы об этом услышала во Франции... Нет, такое возможно только в России. Я без ума от русских. Если бы у меня дома были такие люди... У вас с голоду не умрешь, даже если у тебя в кармане нет ни копейки. В нашем общежитии самая настоящая коммуна. Только и знаем, что по гостям ходим: то на блины, то к кому-то мама приехала и что-то вкусное из дома привезла... Все угощают, не ждут от тебя какой-то платы, ты никому за это ничем не обязан...».

Из Италии вернулась стажерка Лоредана, выезжавшая из Воронежа домой на каникулы. Довольна, что ее домашним все подарки, купленные в Советском Союзе, понравились: «Я с собой везла игральные карты, шашки, шампанское, писчую бумагу и лыжи, — говорит

Лоредана. — Почему в Италию лыжи? Да потому, что ваши лыжи самые дешевые и по качеству лучше некоторых зарубежных».

Всем преподавателям деканата по работе с иностранными учащимися университета памятна поездка в село Петропавловку, особенно обсуждение итогов этой поездки. Страстно выступала Анна Желибар: «Покорена председателем колхоза — бывшим летчиком полка «Нормандия — Неман». Он меня, француженку, как родную встретил, «Тихий Дон» Шолохова подарил. Сказал, чтобы прочитала, — дух России по-настоящему почувствую». Англичанина Ричарда председатель удивил и покори́л другим: «Председатель колхоза — и такая библиотека! И нашу литературу, нашу жизнь он знает лучше, чем я вашу». Анна Желибар сделала для себя открытие: «Не колхозники — маленькие фермеры! Огород, корова, поросята, куры... В домах — чистота, телевизоры, холодильники, стиральные машины. А чем нас угощали! Так королей не встречали! Всего много, и все вкусно! А когда уезжали, женщины нам авоськи набили пирогами, котлетами, курочками, конфетами, яблоками мочеными — неделю питались этими запасами».

Этот факт душевного гостеприимства, привычный для нас, советских людей, далеко не случайно поразил француженку Анну Желибар. Много раз сталкивались мы с подобной реакцией иностранцев. Буржуазная пропаганда искусно, тонко воспитывает в своих гражданах неприязнь к Советской стране, ее людям, внушает им недружественные чувства, всячески искажает внешнюю и внутреннюю политику нашего государства. Незнание нашей страны (опять же результат соответствующего целенаправленного воспитания в первую очередь молодежи) часто доходит до парадоксов, вызывает грустные мысли.

Что, например, знает средний англичанин о Советском Союзе? Вот как ответил на этот вопрос Питер Кастри: «Если честно, то следующее: есть такая громадина, как ваша страна, которая только и ждет момента, чтобы напасть на Англию и превратить ее в колонию. И поэтому средний англичанин всегда готов взяться за автомат... С каждым днем я все больше понимаю: основной контраст между СССР и Англией — люди, их отношение к внешней политике, их познания о жизни других стран».

Центральное телевидение показывало двадцатисерийную документальную киноэпопею «Великая Отечественная». Реакция на этот фильм студентов-иностранцев наглядно показывает роль буржуазной пропаганды в формировании извращенного представления о второй мировой войне. Уже тот факт, что для американского телезрителя фильм шел под названием «Неизвестная война», о многом говорит. Неизвестной, благодаря «мастерству» реакционных пропагандистов, она была не только в США. С большой статьей в воронежской газете «Молодой коммунар» выступил студент Халиль Ахмад. Свое письмо в редакцию он озаглавил «Правду узнал от коммунистов».

«Вспоминаю первый год пребывания в вашей стране. Сейчас это смешно вспоминать... Я не мог понять, почему у вас так много обелисков, памятников, братских могил. Почему вы так широко празднуете 9 мая как День Победы? Со временем страшно мне стало, что довольно солидная часть населения моей страны жила под влиянием западной пропаганды. Теперь для меня самое святое, что есть в стране Советов, — это люди, перенесшие войну, люди, восстановившие страну из руин. Может, это громко сказано, но знакомство с истинной историей Великой Отечественной, с живыми свидетелями ее меня воспитали больше, нежели какие бы то ни было учебники и книги. В нашей стране информация о Великой Отечественной войне была более чем скудной. Да, в учебниках было написано, что вы победили. Но эта победа подавалась не как победа вашего народа... Гитлеровцы потому потерпели поражение, что у вас слишком холодно. Мне, как и всем моим сверстникам-школьникам, представлялись все четыре года войны сплошным холодом, который в состоянии выдерживать лишь русские. Словом, глупый Гитлер: тепло не оделся, а пошел с вами воевать. До моей школы информация со стороны страны Советов не доходила. Было очень много фильмов о войне американских, итальянских, французских, английских, западногерманских. По американским фильмам выходило, что вы должны быть благодарны Соединенным Штатам... за освобождение. Англия стремилась идею освобождения страны Советов от коричневой чумы перехватить в свои руки. Американские и английские солдаты в моем детском воображении представлялись героями. Я пом-

ню итальянский фильм «Самый длинный день», английский «Два дня из второй мировой войны», французский «Вторая мировая война»... Цель этих кинолент — показать мощь американской и английской техники и немощь советской. Вот «Самый длинный день»: показывается бой между фашистскими танками и танками, ведомыми веселыми американскими офицерами. Русские терпят поражение, а американцы демонстрируют чудеса. Не война, а игра. С одинаковым успехом у нас шли фильмы о боксе, то есть превосходство американского бокса. Помню еще фильм об американском летчике, который с одинаковым успехом дрался с японцами на боксерском ринге, а затем — в воздушном бою... И все же я знакомился с Россией. Знакомился по роману Чаковского «Свет далекой звезды», книгам Чехова, Толстого... Потом мне стали попадаться журналы ГДР, в которых рассказывалось о социализме... Мой отец — мулла. Когда он узнал, что я интересуюсь идеологией коммунистов, то он мне сказал, чтобы я не позорил его общество порядочных людей. Конфликт с отцом решил все. Коммунисты — это атеисты. А я видел, какую огромную роль играет религия в одурманивании людей... Стал следить за информацией, которая шла по радио, в газетах... С большим злом буржуазная пресса и пресса западных держав нападали на Советский Союз и обходили молчанием агрессивную политику. Израиля. Это уже было слишком. И я понял, что здесь что-то не так. Стал более тщательно изучать выступления делегации СССР в ООН о положении на Ближнем Востоке. Вступил в компартию своей страны. От коммунистов я узнал всю правду о современной политике Советского Союза, узнал, как ваша страна поддерживает справедливую борьбу палестинского народа... Счастлив, что наша компартия послала меня учиться в Советский Союз, стремлюсь через вашу историю, ваших людей лучше понять и разобраться в проблемах своей страны...»

А вот письмо в газету студента другой страны Зу-хейра Ясина: «Моему сердцу больно смотреть эти фильмы. Больно, но я смотрю, ибо мы плохо знаем Великую Отечественную войну. Я понял: незнание такого события обедняет человека, делает его мышление более узким, более поддающимся влияниям клеветы и неправды. Правда — в кадрах этой кинохроники. Я

узнаю на деле политику СССР. Вы воевали не только за свои интересы. Дома я слышал, что вы во время войны будто бы захватили ряд государств и навязали им свою волю. Более абсурдное трудно сочинить. Если это было так, то почему, например, Австрия пошла по иному пути развития? Вы ее освободили и предоставили право свободного выбора. Свою социальную систему Советы не экспортируют и не навязывают силой».

Гайдронат Ситохэл с острова Маврикий размышляет о своей профессии, профессии журналиста: «Я — пропагандист и агитатор. Но, к сожалению, моих материалов опубликовано в моей стране мало — я стремился всегда писать правду. Но имущие классы не хотят, чтобы о стране Советов читатель получал правдивую информацию. Нельзя у нас писать правду и о положении в собственной стране. За три месяца до моего отъезда в Советский Союз была студенческая забастовка. Студенты были против существующей системы образования. Я об этом написал статью. Отдал свой труд главному редактору. В публикации было отказано... Вскоре я был уволен с работы. И после этого я твердо решил продолжать учебу на журналиста в Советском Союзе. Не в капиталистической стране, а в социалистической».

Идеологическая борьба в мире, разделенном на два лагеря, неизбежна. Советские люди не против честной борьбы, но они против такой борьбы, которая принимает обличье оголтелого антикоммунизма, идеологических диверсий, призванных дестабилизировать социалистическую систему.

Честную битву идей наши противники не признают, они ее боятся. Их цель — подорвать социализм. И как мы убедились, враги засылали и будут засылать в нашу страну своих шпионов, эмиссаров, идеологических диверсантов. Но можно с уверенностью сказать: все их коварные замыслы, как это уже было неоднократно, обречены на провал.

Н. Николаев

БИЗНЕС МИСТЕРА АЛЕКСА

Многим, наверное, приходилось видеть карту мира с нанесенными на ней линиями, соединившими Воронеж с 60 зарубежными странами. Эти линии наглядно показывают, в какие точки планеты, идет продукция воронежских предприятий. Существует и обратная связь: целый ряд зарубежных стран поставляет свою продукцию в наш город.

В этом проявляется взаимовыгодное экономическое сотрудничество, которое бурно развивается между социалистическими странами и, упорно преодолевая сопротивление некоторых политических сил на Западе, расширяется между государствами двух социальных систем.

В Воронеж приезжают представители промышленных фирм и компаний из нескольких капиталистических стран.

Экономическая выгода таких контрактов не вызывает сомнений. И мы, принимая зарубежных специалистов, стараемся, чтобы им было удобно работать и уютно жить, чтобы они побольше узнали о нашей стране и в долгие месяцы своей командировки не так скучали по дому. С привычным радушием встречаем мы каждого, кто приезжает к нам с добрыми намерениями. И таких подавляющее большинство.

Но, к сожалению, не все наши гости честно выполняют обязанности, предусмотренные контрактами.

Известно, что некоторые западные спецслужбы используют каналы экономического сотрудничества для своих отнюдь не мирных целей. И едут в нашу страну

«специалисты» с дипломами инженеров и с двойной миссией. Таких единицы, но вред сотрудничеству они могут нанести немалый...

...Вначале он не хотел ехать. Не радовали возможность пожить в чужой стране, очередная ступенька в карьере и даже гарантия хорошего заработка. Ведь в оборудовании и технологии, применяемых в фирме, он смыслил мало. Он работал в «восточном отделе», где были другие обязанности. А тут... Нет, ехать в качестве наладчика не стоит.

Сомнения разрушил один довольно откровенный разговор, во время которого ему намекнули, что глубокие знания в данном случае не обязательны. Наоборот, чем бестолковее будет «специалист», тем лучше. Пока русские разберутся, что к чему, можно будет в охотку пожить в России, неплохо заработать и спокойно вернуться. А затяжка работ... Что ж, всему есть объяснение: человек оказался не тот, учтем на будущее. Деньги за такую игру немалые.

Алекс не стал задумываться, зачем фирме разрушать левой рукой то, что делает правая. Кому-то это нужно. А раз нужно...

Все разъяснилось, стоило Алексу дать свое согласие на поездку. Оказалось, что роль «специалиста» главная, но не единственная. Вторая, впрочем, тоже оказалась несложной. Нужно будет внимательно наблюдать, как живут русские, в чем испытывают недостаток, слушать, о чем они говорят, что критикуют. Обязательно нужно запоминать и фиксировать расположение промышленных предприятий, узнавать, что и где выпускается, какова мощность заводов и тому подобное. Нет, убеждали Алекса, эта «работа» не грозит вам неприятностями. Ведь не будет явок, паролей, пистолетов и ядов. Вы не Джеймс Бонд, а обычный иностранный специалист, который в силу своего любопытства интересуется жизнью другой страны. Но полученные вами сведения могут оказаться весьма полезными некоторым заинтересованным организациям.

Он целую ночь взвешивал шансы. С одной стороны, если его разоблачат как дилетанта в технике, не страшно. С другой — дополнительное поручение не таит в себе опасности, в-третьих — немалые деньги,

которые у себя дома заработать будет значительно труднее.

Решено: он едет в Россию.

Началась подготовка. Его знаний для конкретного дела оказалось недостаточно. Нужно было хотя бы немного познакомиться с техникой, чтобы не разоблачить себя в первый же день. Параллельно Алекс с интересом прочитал подробнейшую информацию о городе Воронеже, где ему предстояло жить и работать, о заводе и его специалистах, о гостинице и ее обслуживающем персонале. Он с любопытством узнал, что валютные операции и спекуляция в России строго караются и с русскими нужно держаться осторожнее, так как у них сильно развито чувство патриотизма.

Он решил пополнить знания, встретившись кое с кем из хороших знакомых, которые побывали в России и в самом Воронеже. Эти опытные люди посоветовали наплевать на инструкции и взять с собой побольше валюты, джинсов, размалеванных маек для небольшого бизнеса. Самое главное — провезти все это через советскую таможню.

Часть командировочного аванса Алекс на это и потратил, а остальные деньги припрятал подальше от глаз русских таможенников.

И вот Алекс уже подъезжает к Бресту... Для него начиналась новая жизнь.

В таможне все прошло спокойно. У Алекса, правда, изъяли колоду карт с «девочками», журнал такого же содержания, который валялся в чемодане поверх тщательно уложенной одежды, и предупредили, что ввоз этих вещей в Советский Союз запрещен. До самой Москвы он ехал в прекрасном настроении...

В Москве Алекс совершил необходимые формальности, посетил магазины, забежал по одному адресу, подсказанному на родине, и, оставив там немного валюты, получил за нее рублими по неофициальному курсу.

Вечером он снова сидел в поезде...

В Воронеже на вокзале Алекса встретили довольно сердечно. От такой приятной неожиданности он повеселел, а когда увидел среди встречавших представителя фирмы, почувствовал себя почти как дома.

Жилье, куда поселили Алекса, оказалось лучше,

чем он ожидал. И вообще, все кругом на первый взгляд было проще и спокойнее, чем описывалось в инструкциях. Алекс в душе даже повеселился над перестраховщиками и шпиономанами из фирмы. Но чем ближе подступало время первого визита на завод, тем спокойнее становилось на душе у Алекса.

Если на приеме у директора и при знакомстве с русскими специалистами Алекс выглядел просто сдержанным, то в цех он вошел, уже едва скрывая волнение. И чем дальше шел по широкому проходу между станками, линиями со знакомым значком фирмы, тем растеряннее становился. Он все-таки слабо представлял себе, как обращаться с таким сложным оборудованием. Он постоянно ловил на себе удивленные взгляды русских, которые никак не могли понять сбивчивые объяснения иностранца. Алексу казалось, что они замечают все его ошибки. Не ожидал он встретить на заводе таких подготовленных рабочих и инженеров.

Постепенно все как будто вошло в колею. Чтобы реже попадать впросак, Алекс повел заранее намеченную роль этакого обаятельного лентяя, который вырвался из своей страны для того, чтобы заработать, не особо себя утруждая, и повеселиться в рамках приличия и местных законов.

Днем он честно отбывал в цехе положенные часы, стараясь уклоняться от частностей, давал общие указания.

Советских рабочих выручала их высокая квалификация, позволявшая самим выбирать правильные технические решения.

Вечерами Алекс все чаще гулял по Воронежу и не спешил изучать центральные его улицы. К тому были две причины. Во-первых, он жил в промышленном районе, и его путешествия у заводов не должны были вызвать удивление. Во-вторых, Алекс хорошо помнил наказ — на что обращать внимание, что, если удастся, фотографировать. На прогулки он прихватывал фотокамеру, надежную и удобную в работе.

Все вроде бы шло, как и планировалось. Алекс довольно успешно играл две роли: конвейер монтировался, а на высокочувствительной фотопленке появились нужные кадры.

...В одну из таких с виду бесцельных прогулок Алекс завернул на колхозный рынок неподалеку от

своей гостиницы. В этот утренний час выходного дня там было оживленно. Алекс слонялся среди толпы. Он купил пару спелых южных груш и хотел было идти дальше, как вдруг заметил суету возле пивного ларька. Любители свежего пива, видно, что-то не поделили между собой. Назревал скандал. Алекс знал, что это была та «клубничка», на которую падки его соотечественники-журналисты. За снимок подобной «экзотики» можно получить сотню-другую от какого-нибудь журнала, специализирующегося по Востоку.

Алекс отошел в сторону и защелкал затвором фотокамеры.

Неожиданно из компании возле ларька заметили мужчину, щелкающего затвором фотоаппарата.

— Эй, мужики, нас в «Комсомольский прожектор» снимают, — раздался испуганный голос. — Гляди-ка! Скандал сразу стих.

— Да нет, не похоже, — засомневался другой. — Пойдем спросим, что ему надо.

Алекс увидел, что несколько человек отделились от очереди и направились к нему. «Только этого не хватало», — мелькнуло в голове. Он хорошо помнил, как его соотечественники в подобных случаях поступают с излишне любопытными репортерами.

Быстро зачехлив фотоаппарат, Алекс завернул за угол и, уже не таясь, бросился бежать. Но кто-то, поймав его за рукав, сказал, с трудом переводя дыхание: «Слышь, друг, куда это ты рванул? погоди, вместе пойдем».

Алекс оглянулся и увидел парня. Рядом стояли еще несколько мужчин. Алексу с испуга показалось, что их было не меньше десяти. Он решил, что его спасение в одном, в придуманных объяснениях: быстро заговорил по-английски, дескать, он иностранный гражданин, турист, и просто фотографирует русский быт.

— Ну, я так и думал, что иностранец. — Обрадованный собственной догадливостью, вперед вышел солидный мужчина. — Давайте его в отделение отведем, вдруг потерялся.

Сопровождать Алекса вызвались трое, а остальные, обсуждая происшествие, повернули назад.

Дежурному капитану ситуацию разъяснили хором: Алекс — на английском, а сопровождавшие — на русском языке. Капитан внимательно выслушал всех,

разобрался, в чем дело, и попросил написать все в объяснительных.

Пока Алекс писал, пленку проявили, обнаружив на ней кадры, отснятые на рынке. Затем Алексу пришлось выслушать строгое предупреждение о том, что его действия могут быть расценены как сбор тенденциозной информации и никак не соответствуют официальному положению технического специалиста. В конце разговора Алексу порекомендовали более тщательно выбирать места для туристских съемок.

В эту ночь Алекс не спал. На целую неделю он вообще прекратил путешествия по городу, отсиживался в гостинице. Тогда-то он и подумал, что можно пока заняться малым бизнесом, ведь в одном из чемоданов лежали пакеты с джинсами, а в укромном уголке — пачка валюты. Для этого бизнеса нужна была клиентура.

Наталья вернулась домой позже обычного. Мать спала — в соседней комнате было тихо и темно. Дочь лежала на диване, прилавив в изголовье настольную лампу, и читала Цвейга.

— По возрасту это читать тебе слишком рано, а по часам — слишком поздно, — строго произнесла Наталья. — Ложись, уже половина двенадцатого.

Дочь фыркнула, но возражать не стала. Наталья переделась в домашнее и пошла на кухню что-нибудь перекусить.

Этот день для нее сложился очень неудачно. Впрочем, неудачи преследовали ее все последние годы. Еще бы: тридцать три, взрослая почти дочь — и одиночество. А до этого — школьная любовь, ранний брак, скоропостижный развод, еще одно неудачное замужество и бесконечная череда знакомых: старых, молодых, блондинов, брюнетов, слесарей и кандидатов наук...

Вот и сегодня. Целый вечер в ресторане, ожидание серьезного разговора. А в итоге: «Да что вы, бабы, одно ладите — замуж, замуж? Без этого, что ли, нельзя? Деньги есть, дочка есть, чего тебе еще надо?»

А ей надо: шикарную квартиру и обеспеченного мужа, машину и дачу. Пусть говорят, что не в этом счастье.

Наталья делала все: удачно гримировалась, одева-

лась только в «фирму», устроилась секретаршей в одну престижную контору, ходила на все вечера в Дом актера. Но обеспеченный муж не попадался. Тогда она решила сама обеспечить свою «экономическую независимость». Для начала надумала перепродать кое-что из заграничных вещей, купленных по случаю или подаренных поклонниками. Посодействовать в этом обещал школьный приятель Сашка Чичеров по кличке Чича — теперь солидный, бородатый, с брюшком.

Чича успешно сбыв Натальино барахлишко, и она получила первоначальную сумму, которую и собиралась пустить в дело. Такая возможность ей представилась довольно скоро.

«А она недурна», — думал Алекс, откровенно рассматривая сидевшую напротив молодую женщину, с которой познакомился несколько дней назад во время очередной прогулки по проспекту. Вспоминая момент их знакомства, он так и не смог понять, что привлекло его: то ли внимательный ищущий взгляд темных глаз, то ли красивое лицо и стройная фигура, то ли имя, Наталья — совсем как у героини романа про русских шпионов, читанного им в молодости.

Наталье тоже понравился этот поджарый сорокалетний иностранец, с трудом говорящий по-русски. С ним оказалось интересно. Уже со второй встречи языковой барьер между ними перестал существовать. Наталья что-то помнила из уроков английского в школе и набором отдельных слов, жестами быстро научилась передавать свои мысли собеседнику.

Их встречи носили несколько официальный, предупредительно-вежливый характер. Оба присматривались друг к другу, прикидывали, что из сокровенного можно доверить, какую выгоду это принесет. Выяснилось, что их интересы совпадали. Алексу нужно было продать привезенные вещи, Наталье — купить вещи для перепродажи.

Вскоре состоялась и первая сделка.

Наталья купила у него две пары джинсов. Чича вновь успешно провернул перепродажу. Натальин капитал пополнился, и можно было вести с Алексом серьезный разговор. У Натальи появились кое-какие новые планы.

Следующие полгода в жизни Алекса и Натальи бы-

ли заполнены деловыми встречами, куплями-продажами, празднованиями особо удачных сделок в ресторане.

Алекс не спешил знакомить с Натальей своих коллег-соотечественников, не приглашал ее в гостиницу. Наталья была для него лишь деловым партнером.

Она все чаще задумывалась о своей новой жизни. К Алексу у нее было деловое отношение — как к иностранцу, который может продать ценную вещь, и продать не очень дорого. Но тем не менее Наталье представлялось: как было бы хорошо, если бы Алекс увез ее и дочку к себе на родину, где она, по ее мнению, могла бы получить все, о чем мечтала.

Наталья прекрасно понимала, что «финансовый роман» с Алексом в конце концов кончится, и стремилась как можно скорее перевести его на лирические рельсы.

Алекс не раз уже бывал у Натальи дома, познакомился с ее родными, приносил им маленькие сувениры. Ему нравилось бывать в этом домике среди буйной зелени неподалеку от водохранилища. Здесь он чувствовал себя спокойно, отдыхал от нервного напряжения: блок уже был в стадии пуска, и все реже требовалось вмешательство Алекса. Увлеченный собственным бизнесом и романом с Натальей, он почти не вспоминал о тайных обязанностях перед хозяевами.

За минувшую зиму у Алекса заметно прибавилось советских денег. Из Москвы он привозил довольно значительные партии ходового товара. Ему понравилась миссия «торгового представителя», он начал продавать не только специально привезенные, но и собственные вещи. Дело дошло до костюма, кассетного магнитофона. Наталья в одиночку не смогла обеспечить товарооборот, и круг покупателей расширился. Теперь помимо нее в «фирму» входили Чича и несколько его приятелей. Алекса это вначале пугало, но потом он почувствовал себя уверенно в роли главы предприятия, в котором все были у него «на крючке».

Неожиданно Алекса вызвали в Москву, в посольство. Там он встретился с человеком, который передал привет «от консультанта фирмы по восточным вопросам» и напомнил, что Алекс давно не подает весточки в родной отдел, а срок командировки уже подходит к середине.

Встретив Алекса после этой поездки с московским поездом, Наталья удивилась: таким раздраженным, даже злым он никогда не был. Она не стала спрашивать, в чем дело. Поняла: неприятности.

На этот раз Алекс остался у нее до утра.

Исполнился год работы Алекса по контракту. Это событие отмечали многократно: с соотечественниками, с Чичей и его компанией, дома у Натальи.

Наталье казалось, что она сумела внушить Алексу мысль: он непременно должен взять ее и дочь с собой, они поженятся и проживут душа в душу, она — красивая, современная, а он — деловой, начинающий богач.

Алекс соглашался, строил фантастические планы будущей совместной жизни, но знал, что они никогда не осуществляются. Не будет же он разводиться со своей красивой женой и не бросит трех любимых сыновей — красивых, умных, спортивных — из-за этой...

А между тем Наталья, считая Алекса старым холостяком, требовала, чтобы об их отношениях официально узнало руководство фирмы. Она хотела предстать перед ними в статусе невесты. Алекс долго тянул, лавировал, придумывал небылицы. Он мог бы отказаться от этой затеи сразу, но Наталья была сейчас нужна. Он рассчитывал на нее и в сборе информации, и в сбыте валюты, которой накопилось довольно много.

Чем меньше времени оставалось до конца командировки, тем хитрее и изворотливее становился Алекс. Он понимал, что недобрал «баллов» по своей второй, тайной роли, и теперь стремился наверстать упущенное.

Он много фотографировал, делал записи в потайной блокнот. В дело шло все: увиденное, услышанное, подслушанное.

Однажды Алекс узнал, что маршрут теплоходной прогулки по водохранилищу проходит мимо берега, на котором разместились несколько промышленных предприятий. Дело было в июле, погода стояла чудесная, и Алекс решил побаловать Наталью интересной прогулкой. В ближайший же выходной они оказались на верхней палубе теплохода.

Алекс и Наталья устроились вдаль от всех, возле

самого борта. Неожиданно он жестко посмотрел ей в глаза и сказал:

— Стань вот так, спиной к борту. Я хочу сделать несколько снимков на память.

Наталья растерялась, у нее появилось, уже не в первый раз за последние дни, недоброе предчувствие.

— Знаешь, Алекс, лучше не надо, — попыталась она возразить. Но сделала это нерешительно, особенно отчетливо поняв вдруг, что теперь и всегда будет делать лишь то, что прикажет этот близкий и чужой человек. Она слишком далеко уже зашла в своем желании жить богато и спокойно.

Алекс, быстро переводя рычаг, щелкал затвором. И с каждым новым кадром его все сильнее начинала бить знакомая противная дрожь. Он знал, что это страх. Большой, неуправляемый, который часто стал посещать его в этой чужой и непонятной стране, где у него не было друзей, а лишь партнеры по «бизнесу», соседи по ресторанному столику и «невесты» на одну ночь.

Алекса все больше тревожил взгляд Натальи, обращенный куда-то за его спину, окаменевшее ее лицо с неестественной улыбкой. Он оглянулся. После резкой картинки в видоискателе фотоаппарата его глаза не сразу привыкли к палубе и пестрой толпе на ней.

Алексу показалось, что сквозь толпу кто-то пробирается к нему и Наталье, что таких людей несколько и движутся они с разных сторон.

Он крикнул Наталье:

— Жди меня, я скоро!

Пассажиров теплохода, видимо, очень удивил высокий человек в джинсах, батнике и с фотоаппаратом, который вдруг бросился расталкивать всех руками, извиняясь направо и налево. Правда, когда человек исчез за дверью с надписью «Туалет», некоторые переглянулись с улыбкой: с кем, дескать, не случается.

Тем временем Алекс судорожно открыл затвор фотоаппарата, дрожащими пальцами достал кассету и начал вытягивать из нее пленку. Засветив все отснятые кадры, Алекс изорвал пленку в клочки, помогая себе зубами. Пустую кассету вместе с обрывками ленты он выбросил в унитаз, а в фотоаппарат зарядил новую.

Алекс после паузы осторожно приоткрыл дверь. Ни

на кого не глядя, направился к Наталье. Она стояла на корме одна, спокойная и немного скучная.

— Где ты пропадал? — спросила насмешливо.

— К тебе никто не подходил? — не ответил он на ее вопрос.

— Нет, ревнивец несчастный, к сожалению, никто, хотя есть тут весьма симпатичные мужики.

— Я не об этом, — раздраженно сказал Алекс. — Где эти люди, которые... Ну наблюдали, когда я фотографировал?

— Ты что, Сашок? — Наталья называла его так, когда хотела обидеть. — Какие люди? Совсем ты плохой стал, голубок.

Алекс успокоился. «Нервы ни к черту», — остывая, подумал он.

Его командировка заканчивалась. Надо было побыстрее реализовать всю оставшуюся валюту. Видимо, придется снова прибегнуть к помощи Чичи.

Вообще-то Алексу не нравился этот заискивающе-наглый тип с манерами лакея. Алекс прекрасно понимал, что Чича относится к той группе людей, которых русские называют отщепенцами. Алекс всегда смеялся, когда Наталья называла Чичу «козлом».

И тем не менее помочь должен был именно этот «козел». Алекс договорился с ним по телефону о встрече в укромном уголке парка, где все аллеи и подходы просматривались как на ладони. Пакет с валютой примет Чича, а Наталья будет следить издали, чтобы их не заметил никто из посторонних.

«Словно в детективе, — тоскливо думала Наталья по дороге к месту свидания. — И зачем, зачем я ввязалась в это дело?»

Встреча прошла, как и было запланировано. Алекс сидел на скамейке и курил. Рядом лежала папка скоросшивателя с надписью «Дело». Вряд ли кто мог догадаться, что в ней спрятана крупная сумма валюты.

В дальнем конце аллеи показался Чича. Он шел спокойно, приволакивая ноги, отмечал взглядом молодых встречных женщин. Вот он свернул на безлюдную боковую тропинку и подошел к скамейке, на которой сидел Алекс.

Из укромного места оба они были хорошо видны Наталье. Чича подошел к Алексу, прикурил у него и

присел на другой край скамьи. Через минуту Алекс поднялся и пошел в направлении Натальи, а Чича, прихватив папку, медленно отправился дальше.

Наталья почувствовала, что замерзла.

Алекс проломился сквозь кусты, чмокнул ее в щеку и прошептал: «Как говорит Чича — «рвем когти». И облегченно засмеялся.

Они вышли к ближайшим домам и притаились в первом попавшемся подъезде. За углом дома они резко изменили направление.

Когда они вышли на широкую, ярко освещенную улицу, он взял ее под руку и сказал: «Это надо отметить. Пойдем к тебе?»

Они свернули в переулок. Дом был уже неподалеку, когда к ним подошли двое молодых мужчин. Уже по тому, как спокойно они себя держали, Алекс и Наталья все сразу поняли. Поэтому, когда мужчины предложили им пройти к стоящему неподалеку автомобилю, Алекс не стал возражать.

Позже в кабинете, сидя за столом, на котором были разложены бывшие при нем вещи, — советские деньги, полученные от Чичи, еще не реализованная валюта, блокнот с условными записями, проявленная фотопленка с многочисленными интересующими хозяев Алекса кадрами, он пытался спастись, вспомнив о международном сотрудничестве, говорил, что все люди братья...

Алекс вспомнил многочисленные предупреждения на родине и здесь, представил, как станет беден и презираем дома, где очень не любят проигравших, как оборвется его удачная карьера, как узнает жена о Наталье...

Он почувствовал крайнюю безысходность, дыхание перехватило, изнутри поднималась опустошающая тоска... И он заплакал.

Через пять минут Алекс уже давал подробнейшие показания, называл свои связи, партнеров по сделкам, одаривая каждого из них убийственными по сарказму и точности характеристиками.

Финал этой истории (имена действующих лиц изменены) закономерен. Алекс был вынужден досрочно покинуть Советский Союз. Чича и его лоботрясы-сообщники понесли заслуженное наказание. Наталья... Что ж, для Натальи эта история послужила горьким уроком.

А.Маренков

КОРЯВЫМ ПЕРОМ АНОНИМА

В то утро сельский почтальон, как всегда, опустил в почтовый ящик А. Я. Корчагина, секретаря парторганизации колхоза имени Чапаева Семилукского района, корреспонденцию — газеты, журналы. Было среди них и письмо. Адрес на нем был выведен корявым, явно измененным почерком, отправитель не значился. Это не могло не насторожить. Что за письмо? Зачем и почему пришло в дом?

Анатолий Яковлевич с нехорошим предчувствием вскрыл конверт.

Неизвестный автор в грубой форме предупреждал Корчагина о расправе, предлагал «до первого сентября убраться из колхоза»...

Что такое?! Злая шутка? Неумная игра? И текст — что-то из тридцатых годов, кулацкие прямо-таки угрозы...

Анатолий Яковлевич нахмурился, позвал жену.

— Вот балуется кто-то, — неуверенно сказал он. — Видишь, переписали откуда-то...

Жена тоже прочитала, изменилась в лице.

— Да нет, Толя, что-то тут не так. Не похоже на баловство-то.

Снова, теперь вместе, перечитали письмо. Да, сомнений не оставалось: незнакомец от имени каких-то людей на полном серьезе требовал, чтобы секретарь парторганизации убирался из колхоза по-хорошему. Иначе...

— Обидел кого сильно? — спросила жена. — Может, несправедливо с кем-то обошелся, вот люди и...

— Нет, не припомню. — Корчагин пожал плечами. — Требую со всех одинаково — партийной дисциплины, хорошей честной работы... Думаю, кто-то дурно пошутил, под настроение. Ладно, не думай об этом.

На том и порешили. Вспоминать о письме было некогда: на дворе стояла уже весна, в колхозе начались полевые работы, и у секретаря парторганизации хлопот прибавилось. Потом Анатолия Яковлевича избрали председателем Староведугского сельсовета. Новая работа захватила его, и письмо забылось. Но аноним вскоре дал о себе знать — пришло второе злобное письмо, за ним третье. Автор снова угрожал, требовал, оскорблял...

Корчагин забеспокоился не на шутку, поделился своей озабоченностью с товарищами по работе. Оказалось, что подобные письма получил не он один, еще одиннадцать человек. И во всех — один стиль, одна рука: угрозы, проклятия, требования покинуть колхоз «по-хорошему». Письма получили заведующий участком, конюх, свекловичница, зоотехник, механизатор... Словом, не только руководители. Во всех анонимках неизвестный выступал якобы от группы лиц, грозил физической расправой. Надо было что-то предпринимать. Стало ясно, что пишет эти подметные пасквилы кто-то из своих, местных, — хорошо знает людей, род их занятий, черты характера.

Мириться дальше с оскорбительной, противозаконной деятельностью анонима никто не хотел. И жители воронежского села Старой Ведуги, что в Семилукском районе, обратились к чекистам — помогите.

В результате принятых мер писака был найден. Им оказался местный житель, агроном колхоза И. В. Струков, довольно молодой человек (1946 года рождения). Поначалу Струков отказывался, клялся в своей непричастности к анонимным письмам, но потом, под действием неопровержимых улик, сознался.

Что же руководило этим человеком? Зачем изводил своих односельчан гнусными анонимками? Какую преследовал цель?

Эти и другие вопросы задавали Струкову и чекисты, и односельчане на суде. И постепенно прояснялся внутренний облик анонима — карьериста, завистника, самовлюбленного эгоиста, злобного клеветника.

Суд сурово наказал пасквилянта, а еще суровее осудила Струкова народная молва.

Да, как говорится, в семье не без урода. И, может быть, не стоило рассказывать об этом случае, если бы он был единичным, если бы не потребовалось выявить антиобщественную сущность анонима-пасквилянта и сказать об этом во всеуслышание. Многие из анонимов, искажая наш социалистический строй, клеветая на партийных, советских работников, на других честных людей, совершают преступления. И, разумеется, прощать им этого нельзя...

В одно из областных учреждений был направлен документ, подписанный, как оказалось впоследствии, вымышленной фамилией. В этом документе аноним с клеветнических позиций изображал советскую действительность, деятельность КПСС и государственных учреждений. Не жалел для этого самых грязных слов.

Несмотря на все его ухищрения, аноним был установлен и изобличен. Им оказался житель одного из районов области Т. Б. Носков, трижды судимый за уголовные преступления. По месту работы он характеризовался отрицательно, злоупотреблял спиртными напитками. В коллективе, естественно, не пользовался уважением и авторитетом.

С Носковым была проведена беседа, и он предупрежден о недопустимости подобных действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР.

Еще пример.

В адрес секретаря одного поселкового Совета Острогожского района было направлено несколько анонимных писем, в которых автор требовал от него прекратить активную общественную деятельность и уйти с этой работы. В противном случае угрожал расправой.

Поскольку угрозы должностному лицу допускались при исполнении им служебных обязанностей, были приняты срочные меры к розыску анонима.

Он был установлен. Им оказался некто В. Т. Харитонов, пенсионер. Не по душе ему оказалась активная жизненная позиция секретаря сельсовета. Это нетрудно понять, взглянув более внимательно на жизнь анонима. Отец служил в жандармерии, привлекался к ответственности за враждебную деятельность по отношению к Советской власти. Сам В. Т. Харитонов в годы войны был осужден за дезертирство.

Конечно, Харитонов заслуживал сурового наказания, и лишь то, что он человек преклонного возраста, явилось смягчающим обстоятельством.

Воронежское телевидение создало и показало по материалам этих следствий два фильма: «Ржавчина души» и «Клеветников к ответу». Проблемы, поднятые в этих передачах, нашли широкий отклик у телезрителей. В письмах, направленных на телевидение, единодушно осуждались распространители анонимок, всевозможных слухов, сплетен, домыслов.

Житель Георгиу-Дежа К. М. Хмарый пишет: «Вчера смотрел вашу передачу «Ржавчина души» и хочу поделиться своими чувствами и мыслями... Мое отношение к клеветникам самое отрицательное, чувство отвращения и омерзения испытываешь к таким типам, которые отравляют нам жизнь, их можно и нужно ставить в один ряд с пьяницами, алкоголиками, хулиганами, которые мешают нам жить, с ними нужно бороться сообща, коллективно и беспощадно...».

Еще одно коллективное письмо из Борисоглебска: «Смотрели вашу передачу, очень переживали вместе с тружениками села Старой Ведуги. Глубоко возмущены поведением этого человека, который воспитывался и рос в нашем обществе, среди доброго советского народа... Мы очень довольны, что наше советское законодательство по заслугам наказало этого отщепенца».

Общезвестно, что в нашей стране постоянно уделялось и уделяется большое внимание своевременному рассмотрению писем, заявлений и жалоб граждан. Подтверждением этому служат постановления, принятые партией и правительством.

Нередко письма трудящихся, адресованные на различные предприятия, в организации и учреждения, партийные и советские органы, сигнализируют о существенных недостатках, с которыми необходимо бороться. Такие сигналы являются своеобразным зеркалом, в котором отражаются те или иные проблемы, требующие разрешения. И можно говорить только о пользе, которую приносят объективные и обоснованные письма, заявления и жалобы людей, действительно искренне помогающих своевременно и в корне пресекать негативные явления, еще имеющие место в нашей жизни.

Но анонимный клеветник идет другим путем — пу-

тем дезинформации, угрозы. Не случайно наши идеологические противники не гнушаются и услугами анонимов.

Советские люди единодушны в неприятии пасквилянтов вроде Носкова, Харитонова, Струкова и им подобных.

Всякий аноним надеется на то, что останется в тени и втайне будет наслаждаться страданиями честных людей. Наивные надежды! Как бы ни изощрялся такой клеветник, пряча свое подлинное лицо, как бы ни «изменял руку», суть свою он не изменит. Ложь остается ложью в любой обертке, а действия тех, кто ее сочиняет и распространяет, получают суровое и справедливое осуждение общества.

Виктор Панкратов

РОДНОМУ НАРОДУ ВЕРНЫ

Воронежским чекистам
посвящается

Чтоб мирными были закаты,
чтоб мы были правдой силыны,
незримого фронта солдаты
стоят на защите страны.
Надежна любая граница
за гвардией этой стальной...
И слову старинному «рыцарь»
смысл придан сегодня иной.
И здесь никакого просчета,
что рядом с другими их нет
на стендах и Досках почета,
на пестрых страницах газет.
Отваге и силе мы рады:
хоть доблесть солдат не видна,
до срока хранятся награды,
медали их и ордена.
Дела и заботы их святы:
родному народу верны
незримого фронта солдаты —
чекисты Советской страны!

В. Барабашов

ПРОДОЛЖАЯ ТРАДИЦИИ

Большое значение придавали В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский связи ВЧК с народом. Это стало одним из важнейших принципов деятельности чекистов. Опора на массы и общественные организации, неразрывная связь с людьми, умение работать с ними — и по сей день неперемненное условие успешной деятельности органов государственной безопасности.

Чекистские традиции уходят своими корнями в героическое прошлое. Уже первые шаги ВЧК ни для кого не были тайной — чекисты неустанно, в печатных изданиях и устно, рассказывали широким массам о своей борьбе с контрреволюцией, на конкретных примерах раскрывали лживость буржуазной пропаганды, пытающейся представить ВЧК как орган только карающий, далекий от интересов народа.

Опровергая эти злобные домыслы, партийные комитеты на местах совместно с представителями ЧК проводили массовые митинги трудящихся.

Чекисты раскрывали опасность, нависшую над молодой Советской республикой, доказывали необходимость всеобщей, всенародной борьбы с контрреволюцией, поддержки деятельности Чрезвычайной комиссии.

Массовые митинги проводились на заводах и фабриках, в деревнях. На митинги, как правило, собирались тысячи людей, многие из них обращались к чекистам с просьбами — помочь в борьбе с кулаками, бандами, разрешить те или иные житейские вопросы. И чекисты никогда не оставляли без внимания любую прось-

бу населения. В свою очередь, народ активно помогал органам ЧК в поимке руководителей банд, преступных элементов на заводах и фабриках. При губернских ЧК создавались специальные рабочие группы, они активно действовали у себя на предприятиях, в поселках.

Одной из форм связи с народом стали чекистские отчеты перед партийными и советскими органами. В Воронеже, например, председатель губчека регулярно выступал перед городским собранием коммунистов с отчетами-докладами; отчет губчека заслушивался на заседаниях президиума губкома партии и губисполкома. Это позволяло широкой аудитории быть в курсе важнейших дел ЧК.

Значительное внимание работе воронежских чекистов уделяла губернская газета «Воронежская коммуна». Регулярно, из номера в номер на ее страницах публиковались материалы под рубрикой «С кем борется губчека», «Кого карает губчека». Газета подробно рассказывала о ходе следствия по тому или иному делу, печатала информацию о розыске преступников. «Воронежская коммуна» помещала также обращения и распоряжения губчека, клеймила мародеров и спекулянтов, информировала читателей о розыске и наказании белогвардейских офицеров, о враждебной деятельности церковников.

Публикация таких материалов кроме прямого воспитательного значения имела и плодотворную обратную связь: с каждым номером у чекистов становилось все больше добровольных помощников-единомышленников.

Продолжая и развивая традиции, сложившиеся с первых лет создания ВЧК, работники Управления КГБ по Воронежской области в своей повседневной деятельности постоянно опираются на помощь и поддержку трудящихся области. Они ведут большую разъяснительную, пропагандистскую и воспитательную работу среди населения.

Важное место в работе Управления занимают регулярные встречи с трудовыми коллективами, с лекциями и беседами о политической бдительности чекисты выступают на заводах, в вузах, научно-исследовательских институтах, перед сельскими тружениками.

...Интересными и полезными были, например, встречи

с рабочими и служащими Нововоронежской атомной станции начальника Управления КГБ СССР по Воронежской области генерал-майора А. И. Борисенко, сотрудников О. И. Данилова, А. К. Никифорова, В. Д. Самсонова.

На одной из таких встреч представители УКГБ познакомили работников атомной станции с основными проблемами международной обстановки, обратили их внимание на особенности разведывательно-подрывной работы спецслужб стран НАТО, на то, что для осуществления шпионской деятельности противник использует все доступные ему средства и каналы, все новейшие достижения в области науки и техники. Разведки Запада стремятся иметь агентурную сеть в нашей стране и в странах социалистического содружества; с этой целью они склоняют к измене политически неустойчивых, морально разложившихся людей. Противник проявляет также повышенное внимание к советским гражданам, находящимся временно за границей. Но, как правило, попытки вербовки, склонения на свою сторону кончаются провалом — для разведок Запада у нас нет социальной среды, на которую бы они опирались, на которую бы могли рассчитывать. Советские люди проявляют высокую бдительность, дают достойный отпор всем проискам и провокациям.

Внимание аудитории было привлечено к вопросам строгого соблюдения государственной, трудовой и технологической дисциплины на объектах атомной энергетики, других отраслей промышленности, транспорта и связи, своевременного вскрытия и устранения причин, которые могут повлечь чрезвычайные происшествия, нанести ущерб советской экономике.

В доходчивой форме собравшимся было разъяснено, что одним из направлений подрывной деятельности западных спецслужб являются идеологические диверсии, подчеркивалось, что наши идеологические противники любыми путями пытаются отвратить людей от социализма. В мире идет борьба за умы и сердца миллионов людей, за будущее человечества. Капитализм прекрасно это понимает. Потому против нас действует колоссальный аппарат идеологических диверсий. Только в Соединенных Штатах Америки около двухсот научных центров работают на потребу идеологических диверсантов. Всевозможные радиостанции практически круглосуточно

почти на всех языках народов СССР ведут враждебную пропаганду. «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна», «Свобода», «Свободная Европа» — вот далеко не полный их перечень. Эти станции заполняют эфир мутными волнами неприкрытой, откровенной и злобной лжи, рассчитанной на политически слабых, неустойчивых людей.

Центральное разведывательное управление США под своими антисоветскими знаменами пытается объединить все реакционные силы Запада. Это прежде всего националисты всех мастей, выдворенные из нашей страны отщепенцы, изменники Родины, сионисты, афганские контрреволюционеры. Более того, противник пытается у нас в стране создать антисоветское подполье. Тщетные и наивные потуги! На кого они рассчитывают?! На кого ориентируются? На националистические элементы, сектантские организации, хулиганствующие и деклассированные элементы, подчас уголовников.

Характерной особенностью нынешней провокационной деятельности зарубежных центров является их стремление проникнуть в рабочую среду. Налицо попытки противника перенести опыт польской контрреволюции на территорию нашей страны, других социалистических стран. С этой целью в передачи радиостанций вводятся новые рубрики, издаются новые журналы. Цель же одна — толкнуть рабочих на конфронтацию с Советской властью. Большую ставку делает Запад на молодежь... Все сказанное приводит к одному выводу: недооценивать попытки нашего противника мы не имеем никакого права. Этим попыткам мы, советские люди, должны противопоставить высокую организованность, сплоченность вокруг родной Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, всемерно повышать бдительность, во всем и всегда проявлять себя истинными патриотами своей Родины, социалистического Отечества.

Чекисты ответили на многочисленные вопросы рабочих и служащих станций.

Подводя итог встречи, бригадир слесарей энергоцеха, делегат XXVI съезда КПСС Н. П. Комарь сказал:

— Эта встреча работников Нововоронежской атомной станции с чекистами — продолжение славных традиций. Для нас, рабочих, это приятная и полез-

ная встреча, мы узнали много нового и интересного для себя.

Американские империалисты стараются запугать нас своим оружием. Как известно, в Западной Европе под нажимом США размещены крылатые ракеты «Першинг-2», что является непосредственной угрозой для нашей страны и стран социалистического содружества. Известно также, что подавляющее большинство жителей Западной Европы не хотят размещения в своих странах американских ракет, проводят митинги, демонстрации с требованием к правительствам отменить решение о размещении ракет. «Не дать разгореться термоядерной войне!» — таково единодушное мнение простых людей Западной Европы, которое разделяет и весь советский народ.

Мы, жители поселка, рабочие Нововоронежской атомной электростанции, также единодушно поддерживаем это поистине всенародное движение за мир. Хорошо понимаем, что крепить его можно лишь высокой бдительностью, своим честным, ударным трудом. Этим мы внесем свой достойный вклад в дело мира. Конкретно у нас на станции это проявляется в безаварийной ее работе, в своевременном и высококачественном ремонте технологического оборудования без остановки блоков, в крепкой трудовой дисциплине каждого инженера, техника, рабочего.

Мы успешно завершили производственный план года, с такой же настойчивостью, трудовым упорством будем работать и впредь, с честью претворяя в жизнь исторические решения XXVI съезда нашей Коммунистической партии.

В лице рабочего класса сотрудники госбезопасности всегда находили и найдут верных помощников, бдительно стоящих на страже завоеваний Октября.

Большое спасибо, товарищи чекисты, за ваш труд от всех рабочих станции!

...В парткоме Управления КГБ СССР по Воронежской области состоялась встреча учащихся СГПТУ № 1 города Воронежа с ветеранами ВЧК — КГБ.

Секретарь парткома Управления В. И. Матвеев рассказал будущим рабочим о задачах органов КГБ СССР по охране государственной безопасности нашей Родины, о славной истории ВЧК, о беззаветной преданности работников органов делу партии и народа.

Затем в Комнате боевых традиций ВЧК — КГБ подполковник А. В. Клюквин познакомил гостей с историей Воронежской губчека, рассказал о подвигах воронежских чекистов в первые годы Советской власти, в годы войны, об их деятельности в наши дни.

В заключение встречи учащиеся сфотографировались вместе с ветеранами-чекистами.

Сотрудники Управления большое внимание уделяют устной пропаганде, выступают перед трудящимися области с лекциями, беседами, разъяснениями.

Получают широкую гласность по публикациям в газете «Коммуна» материалы, разоблачающие подрывную деятельность различного рода сионистских организаций и других зарубежных антисоветских центров.

Горячий отклик у многочисленных читателей получила книга «Воронежские чекисты рассказывают...» (Воронеж, 1976). По ней были проведены читательские конференции. Одна из них состоялась в конференц-зале Воронежского филиала научно-исследовательского института синтетического каучука.

На встречу с героями и авторами книги пришли рабочие, научные сотрудники, инженерно-технические работники и служащие.

...В зал под дружные аплодисменты собравшихся в сопровождении директора института Г. С. Тихомирова и заместителя секретаря парткома А. П. Гаршина входят ветераны Великой Отечественной войны и органов КГБ — подполковник А. В. Клюквин, подполковник В. А. Мартыненко, майор Л. М. Тарасов, разведчица О. Я. Медведева.

В своем выступлении А. В. Клюквин подчеркнул, что история ВЧК — КГБ неотделима от истории партии. На всем пути чекисты проявляли безграничную преданность ее идеям, доказывали верность революции часто ценой собственной жизни.

— Если говорить о книге, — продолжил он, — то создавалась она на фактическом материале. Мы надеемся, что наша книга поможет вам получить представление о том, чем занимались чекисты в первые годы Советской власти, как боролись с врагами...

О напряженной, смертельно опасной работе в годы Великой Отечественной войны рассказал участникам конференции Л. М. Тарасов.

— Воронежские чекисты, — заключил он, — в годы

войны парализовали шпионскую и диверсионную деятельность разведывательных органов фашистской Германии, организовали разведывательную работу за линией фронта, регулярно обеспечивали командование фронта необходимой информацией.

На трибуне — активный участник Великой Отечественной войны В. А. Мартыненко. В годы войны он и его друзья на личные сбережения купили самолет, на котором совершили сотни боевых вылетов.

После войны В. А. Мартыненко многие годы сражался на невидимом фронте — находился на следственной, а позже на оперативной работе. Ему пришлось разбираться в сложных переплетениях человеческих судеб...

Затаив дыхание слушал зал выступление разведчицы О. Я. Медведевой. По направлению обкома комсомола она пришла в органы, стала разведчицей, была заброшена в глубокий тыл противника. Задание было нелегким: в тщательно охраняемом районе нужно было найти фашистский военный аэродром. Рискуя жизнью, О. Я. Медведева выполнила задание — в Москву полетела радиограмма. А через несколько часов аэродрома не стало... Принимала О. Я. Медведева участие и в других операциях, попадала в руки карателей. Только благодаря выдержке и находчивости ей удалось остаться в живых...

От имени присутствующих гостей поблагодарила инженер Т. Баранчикова.

— Эта встреча запомнится каждому из нас, — сказала она. — Герои книги «Воронежские чекисты рассказывают...» побывали у нас в институте, рассказали о своей трудной, но почетной профессии. Такие встречи очень полезны — они воспитывают молодежь в духе преданности Родине, учат мужеству, патриотизму, бдительности.

Рассказ о деятельности воронежских чекистов продолжает эта книга — «Незримые поединки». По ней многотысячная аудитория читателей с интересом и большой пользой для себя познакомится с напряженными буднями воронежских чекистов, их кропотливой работой по пресечению происков иностранных разведок, всякого рода идеологических диверсий, разоблачению бывших карателей, предателей и изменников Родины, с патриотической деятельностью сотрудников комитета,

оказывающих помощь людям оступившимся, свернувшим с верного пути под воздействием вражеских «голосов» или в силу каких-либо других причин.

Думается, что и новая книга будет несомненно иметь пропагандистское и воспитательное значение.

...Крепкие связи установились у воронежских чекистов с деятелями литературы и искусства. Так, гостем работников Управления был известный воронежский писатель, автор трилогии о молодых годах В. И. Ленина Евгений Люфанов. Он рассказал о работе над романами «Мятежная юность», «Молодецкий курган» и «Самый короткий путь».

Заслуженный художник РСФСР М. И. Лихачев преподнес в дар воронежским чекистам портрет Ф. Э. Дзержинского. Вручая портрет, художник сказал, что работал над образом Феликса Эдмундовича Дзержинского с большой любовью, что Дзержинский как первый председатель ВЧК всегда являл собою пример пламенного революционера, бесстрашного большевика-ленинца. Сохранить облик Дзержинского, передать его будущим поколениям — такую задачу поставил перед собою автор портрета.

Интересные встречи состоялись в Управлении с популярными киноактерами, народными артистами СССР Вячеславом Тихоновым, Кириллом Лавровым, Игорем Горбачевым.

В. Тихонов, воплотивший на экране образ советского разведчика Исаева-Штирлица в многосерийном телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны», подробно рассказал о работе над этой ролью. Вспомнил В. Тихонов и свою работу в кинофильме «Фронт без линии фронта».

К. Лавров, снявшийся в фильме «20 декабря» в роли В. И. Ленина, рассказал, как создавалась эта интересная лента о первых шагах Всероссийской чрезвычайной комиссии, о том большом творческом подъеме, который сопутствовал актерской группе на протяжении съемки.

И. Горбачев поделился своими воспоминаниями об участии в создании фильма «Операция Трест».

Встречи воронежских чекистов с рабочими, колхозниками, представителями интеллигенции являются традиционными. На них чекисты отвечают на многочисленные вопросы, рассказывают о преступных замыслах спец-

служб империалистических государств, напоминают о необходимости быть бдительным каждому советскому человеку.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹.

Эти слова основателя нашей партии и государства Владимира Ильича Ленина, сказанные на заре Советской власти, в лихую годину жесточайшей классовой борьбы, актуальны и сегодня. Умение защищаться — понятие неоднозначное. Государство сильно не только армией, вооружением, но прежде всего народом, его моральным духом. Моральный же дух советского народа, беззаветно любящего свою Родину, всегда — это доказала история — был и остается высоким. Мы, граждане Советской страны, патриоты и интернационалисты, никогда и никому не угрожали и не угрожаем войной, не вмешиваемся в дела других государств, не стремимся навязывать миру своего мировоззрения. Коммунистическая партия и Советское правительство ведут миролюбивую внешнюю политику, направленную на мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

В деле же охраны государственной безопасности нет и не может быть никаких компромиссов. Альтернатива здесь одна — быть бдительным! Всем вместе и каждому в отдельности. «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!» — призывал Александр Блок в знаменитой своей поэме «Двенадцать» и был прав. «Неугомонный враг» не сложил оружия и поныне. Он злобствует, изощряется, используя для гнусных своих целей малейшие лазейки и возможности, стремясь подорвать наше государство изнутри, посеять неверие в светлое будущее, зародить сомнение в правоте дела Коммунистической партии.

Но он не учитывает при этом более чем шестидесятилетний духовный опыт нашего народа.

Да, мы умеем, научились защищаться. Нас вынудили к этому и вынуждают сейчас. Советский народ хорошо понимает это. И потому стремится надежно оградить себя от происков недругов. Комитет государственной безопасности СССР, в том числе и воронежские че-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

кисты, располагает всем необходимым для защиты Родины. Все подрывные акции империалистических разведок и всевозможных спецслужб обречены на провал. И в этом утверждении нет преувеличения. Органы государственной безопасности нашей страны сильны прежде всего поддержкой народа. Капиталистическим разведкам и идеологическим диверсантам, разного рода «доброжелателям» и откровенным, не прячущим подлинного лица врагам коммунизма противостоит идейно-политическое единство советских людей. Государственная безопасность нашей Родины — дело всенародное.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Борисенко. Бдительность — наше оружие	5
---	---

ЗАЩИЩАЯ ЗАВОЕВАНИЯ ОКТЯБРЯ

Н. Терских. Чекисту	16
Л. Тарасов. По совету Ленина	17
О. Данилов. Хранить вечно	31
Г. Лутков. Улице моего отца	47
А. Ключкин. Под маской бабки Ворона	48

ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ РОДИНЫ

В. Лебедев-Кумач. Священная война	70
К. Феоктистов, И. Бубнов. О доблести, о подвигах, о славе	71
В. Довгер. Боевые мои друзья	85
Л. Тарасов. Просчет обвера	105
А. Гринько. Чекисты в боях за Воронеж	122
А. Голубев. Баллада о мостах	138
С. Ананьин. И снова пошли поезда	140
А. Сидоров. Оставлены в тылу врага	144
М. Гончаров. Партизанское задание	148
Л. Васильев. Тропы, пропахшие порохом	163
А. Пятунин, П. Грояновский. Крутые берега	174
Л. Андреев. По следам карателя	199
П. Грабор. Тайна ночного десанта	216
Д. Рехин. Пакет с донесением	228

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

В. Гордейчев. Солдаты долга	240
В. Барабашов. Незванные гости	241
А. Никифоров. С чужого голоса	250
М. Михайлов. Эти хитрые уроки	260
Н. Николаев. Бизнес мистера Алекса	275
А. Маренков. Корявым пером анонима	287
В. Панкратов. Родному народу верны	292
В. Барабашов. Продолжая традиции	293

Н44 **Незримые поединки. Рассказы о воронежских чекистах.** — Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. — 303 с

ИСБН

Книга о деятельности воронежских чекистов в первые годы Советской власти, во время Великой Отечественной войны, в наши дни.

Рассчитана на широкого читателя.

Н 0902040200—061 2—85
 М161(03)—85

9(с)27

ББК 63.3(2)722

ИБ № 1785.

НЕЗРИМЫЕ ПОЕДИНКИ

Рассказы о воронежских чекистах

Редактор Р. В. Андреева
Художник Л. Р. Карюков
Художественный редактор С. Г. Ратмнова
Технический редактор Е. А. Парамонова
Корректор Т. Д. Вунина

Сдано в набор 27.03.85. Подписано в печать 24.04.85. ЛЕ12101.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 и № 3. Гарни-
тура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,38; Усл.
кр.- отт. 16,85. Уч. изд. л. 16,57. Тираж 75 000 экз. Заказ
№ 4170. Цена в переплете № 5 — 60 к., в переплете № 7 —
80 к.

Центрально - Черноземное книжное издательство, 394088,
г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2. Типография издательства
«Коммуна», 394746, г. Воронеж, проспект Революции, 39.